

ЖИЗНЬ

С МАМОЙ

ЛОБСАНТ РАМПА

LITRU.RU

«Жизнь с ламой» — это совсем не обыкновенная книга. Ее сочинила сиамская кошка, а лама Лобсанг Рампа, который умеет читать мысли не только людей, но и любого живого существа на нашей Земле, только записал то, что она ему продиктовала. Все те, кто делал эту книгу, получили искреннее удовольствие, читая ее. Надеемся, что и Вы, читатель, не будете разочарованы. Эта книга — удивительно интересный свежий взгляд на мир, в котором мы живем, и на многие немаловажные аспекты нашей жизни.

Жизнь с ламой

— Ты умница, Фиф, — произнес Лама. — Кто бы мог поверить, что ТЫ напишешь книгу?

Он улыбнулся и, прежде чем выйти из комнаты по каким-то делам, почесал мне шейку именно так, как мне больше всего нравилось.

Я села и принялась размышлять.

— А почему бы мне не написать книгу? — подумала я.

Конечно же, я кошка, но не какая-нибудь обыкновенная кошка. Нет, нет, что вы! Я Сиамская Кошка, которая много путешествовала и многое видела. «Видела»? Ну конечно, сейчас я совсем ослепла и вынуждена доверять тому, как Лама и Леди Куэй описывают то, что происходит вокруг, но у меня есть мои воспоминания!

Конечно же, я стара, очень стара и уже почти совершенно немощна, но разве это не является достаточной причиной для того, чтобы записать на бумаге события моей жизни, пока я еще в состоянии это сделать? Поэтому здесь приводится моя версия Жизни с Ламой, и это самые счастливые дни моей жизни, солнечные дни после долгой жизни в потемках.

(Миссис) Фифи Грейвискерс (Серые Усы)

Глава 1

Будущая Мать пронзительно кричала.

— Мне нужен Самец, — вопила она. — Хороший, СИЛЬНЫЙ Самец!

Люди говорили, что своими воплями она производила УЖАСНЫЙ шум. Тогда Мама и прославилась своим громким призывающим голосом. Из-за ее настойчивых требований в Париже в поисках подходящего Сиамского Кота с соответствующей родословной прочесывались все лучшие кошачьи питомники. Все настойчивее и громче звучал голос Будущей Матери. Людей охватывало все большее раздражение, и они со все возрастающей силой брались за поиски.

Наконец был найден вполне подходящий кандидат, и он и Будущая Мать были официально представлены друг другу. Через некоторое время после этой встречи появилась я, и мне одной была дарована жизнь, а моих несчастных братьев и сестер утопили.

Мы с Мамой-кошкой жили вместе со старой французской семьей, у которой было обширное поместье на окраине Парижа. Хозяин был дипломатом высокого ранга, и большинство дней в неделю он отсутствовал, потому что уезжал в Город. Часто он не возвращался на ночь и оставался в Городе со своей Любовницей.

Женщина, которая жила с нами, Мадам Дипломат, была человеком холодным, пустым и вечно недовольным. Мы, кошки, были для нее не «личностями» (как в отношениях с Ламой), а просто предметами, которые можно демонстрировать гостям во время вечерних чаепитий.

У моей Мамы была прекрасная фигура, мордочка ее была чернее всех черных мордочек, а хвост всегда был вытянут кверху. Она получила много-много призов. Однажды, когда я еще не совсем перестала есть ее молоко, она вдруг запела свою песню намного громче, чем обычно. Мадам Дипломат разразилась гневом и позвала садовника:

— Пьер, — орала она, — немедленно утопите ее, я не могу переносить этот шум.

Пьер, низкорослый француз с болезненным лицом, который ненавидел нас за то, что мы иногда помогали ему в его работе в саду, проверяя, подросли ли корешки уже высаженных растений, сгреб в охапку мою прекрасную Маму, затолкал ее в старый мешок из-под картошки и куда-то унес.

Той ночью, одинокая и перепуганная, я плакала потихоньку, пытаюсь уснуть в холодной каморке для хранения садового инвентаря, где мой жалобный плач не мог потревожить Мадам Дипломат.

Всю ночь я беспокойно и лихорадочно металась на своей твердой и холодной постели, устроенной из сложенных на бетонном полу старых парижских газет. От голода резкая острая боль терзала мое маленькое тело, и я не знала, как жить дальше.

Когда первые лучи рассвета неохотно пробились сквозь затянутые паутиной окна пристройки, у меня появилось предчувствие, что чьи-то тяжелые шаги сейчас послышатся на тропинке, ведущей к моей каморке. Кто-то остановился у двери, затем толкнул ее и вошел. «Ах! — с облегчением подумала я. — Это всего лишь Мадам Альбертин, домоправительница». Кряхтя и тяжело дыша, она наклонила свое массивное тело к полу, окунула свой огромный палец в чашку с теплым молоком и нежно предложила мне попить.

Целыми днями я слонялась, не находя себе места от горя, тоскуя о моей убитой Матери, убитой всего лишь за то, что она пела и у нее был такой чудесный голос.

Много дней я не ощущала ни тепла солнца, ни трепета при звуке хорошо знакомого и любимого голоса. Я страдала от голода и жажды и полностью зависела оттого, позаботится ли обо мне Мадам Альбертин. Если бы не она, я была бы обречена на смерть, потому что тогда я

была слишком маленькой, чтобы есть без посторонней помощи.

А дни все шли и шли, и превращались в недели. Я кое-как научилась заботиться о себе, но тяготы, навалившиеся на меня в самом начале жизни, испортили мое телосложение.

Усадьба была громадной, и я всегда старалась скрыться от Людей и от их неуклюжих и неуправляемых ног.

Моим любимым убежищем были деревья, и я взбиралась на них и растягивалась на ласковых ветвях, греясь на солнце. Деревья перешептывались со мной и говорили мне, что на закате жизни для меня наступят счастливые дни. Тогда я их не понимала, но верила, и всегда помнила эти слова моих друзей-деревьев, даже в самые трудные моменты жизни.

Однажды утром я проснулась со странным, непонятным, болезненным желанием. Я издала вопросительный вопль, который, к несчастью, был услышан Мадам Дипломат.

— Пьер! — позвала она. — Достань кота, чтобы ее укротить, подойдет любой кот.

Днем позже меня поймали и грубо бросили в деревянную коробку. И еще прежде, чем я поняла, что в коробке помимо меня кто-то есть, старый кот взгромоздился мне на спину.

У Мамы не было никакой возможности поподробнее рассказать мне о «фактах жизни», так что я была абсолютно не подготовлена к тому, что произойдет дальше. Воинственный старый кот взобрался на меня, и я ощутила сокрушительный удар. Какое-то мгновение я думала, что это кто-то из людей пнул меня ногой. Последовала ослепительная вспышка боли, и я почувствовала, как что-то разорвалось. Я завизжала от боли и злости и, не помня себя, бросилась на старого кота; из его разорванного моими когтями уха полилась кровь, и его пронзительный визг присоединился к моему. Слово от вспышки молнии в коробке вдруг стало светло. Крышка коробки была снята и внутрь заглянули любопытные глаза. Я выпрыгнула; выбравшись из ящика, я увидела, как старый кот, фыркая и огрызаясь, прыгнул прямо на Пьера, который свалился, споткнувшись о ногу Мадам Дипломат.

Пронесшись вдоль газона, я устремилась в убежище к моей милой яблоне. Вскарабкавшись по гостеприимному стволу, я добралась до своей любимой ветки и, тяжело дыша, растянулась во весь рост. Дул легкий ветерок, листья перешептывались и нежно меня ласкали. Ветки раскачивались и поскрипывали, потихоньку убаюкивая, и я наконец уснула от изнеможения.

Остаток дня и всю следующую ночь я провела на своей ветке; голодная, перепуганная и больная, я лежала и думала, почему люди настолько дики, настолько невнимательны к чувствам маленьких животных, которые полностью зависимы от них. Была холодная ночь, и со стороны Парижа летели капли мелкого морозящего дождя. Я промокла насквозь и дрожала, и все-таки меня ужасала мысль о том, чтобы спуститься и поискать другого убежища.

Холодный свет раннего утра медленно уступал место унылой серости хмурого дня. Свинцовые тучи носились по мрачному небу. Время от времени начинался дождь. Приблизительно в середине утра знакомая фигура показалась со стороны Дома. Мадам Альбертин, тяжело ступая, сочувственно причитая, подошла к дереву и близоруко осмотрелась. Я тихонько позвала ее, и она протянула ко мне руку:

— О моя бедная маленькая Фифи, иди ко мне скорее, я принесла тебе поесть.

Я соскользнула со своей ветки и медленно спустилась вниз по стволу. Она встала на колени на траве, тихонько поглаживая мне спинку, пока я пила молоко и ела принесенное ею мясо. Когда мой завтрак закончился, я с благодарностью потерлась о ее ноги, зная, что она не говорит на моем языке, а я не умела говорить на ее языке (хотя полностью его понимала). Подняв меня на свое широкое плечо, она принесла меня в Дом и взяла к себе в комнату.

Я смотрела вокруг широко раскрытыми глазами с удивлением и интересом. Эта комната была для меня новой, и я подумала о том, сколько здесь подходящих вещей, чтобы кое-кто запустил в них когти. Все еще держа меня на плече, Мадам Альбертин тяжело подошла к

широкому окну, присела на подоконник и выглянула наружу.

— Ах! — тяжело выдохнув, воскликнула она. — Как плохо, что среди всей этой красоты так много жестокости.

Она посадила меня на свое очень большое колено, взглянула мне в лицо и сказала:

— Моя бедная прекрасная малышка Фифи, Мадам Дипломат холодная и жестокая женщина. Обыкновенная карьеристка, каких еще надо поискать. Для нее ты просто игрушка, которую можно показывать. Для меня ты одна из добрых Тварей Божьих. Как жаль, что ты не понимаешь того, что я говорю, маленький котенок!

Я замурлыкала, чтобы показать, что я понимаю, и лизнула ее руки. Она похлопала меня по спине и сказала:

— О, как тебе не хватает любви и привязанности. Из тебя получится хорошая мать, маленькая Фифи.

Потом я свернулась поудобнее у нее на коленях и выглянула в окно. Оттуда открылся такой интересный вид, что мне пришлось встать и прижаться носом к стеклу, для того чтобы добиться еще лучшего обзора. Мадам Альбертин нежно улыбнулась мне и, играя, потянула меня за хвост, но вид из окна полностью овладел всем моим вниманием. Она повернулась и со вздохом опустилась на колени.

Мы вместе смотрели в окно, прижавшись друг к другу щеками.

Внизу старательно ухоженные газоны были похожи на гладкий зеленый ковер, окаймленный дорожками, обсаженными величественными тополями. Плавной изгибаясь влево, протянулась серая Подъездная Аллея, ведущая к далекой трассе, и откуда доносился приглушенный шум машин, несущихся в и из огромного Метрополиса. Мой старый друг, Яблоня, одиноко и прямо стояла на берегу маленького искусственного озера, которое, отражая унылое серое небо, казалось, набросило на себя шелковое покрывало цвета старинного свинца. Вокруг озера вдоль кромки воды росли жидкие кусты тростника, которые напоминали мне клочковатые волосы на голове старого Кюре, который изредка приходил, чтобы посетить «Ле Дюка» — мужа Мадам Дипломат.

Я снова посмотрела на Пруд и подумала о моей бедной Маме, которая умерла в нем.

«А сколько еще было таких, как она?» — подумала я.

Мадам Альбертин внезапно посмотрела на меня и сказала:

— Маленькая моя Фифи, почему ты плачешь, да, я думаю, что ты действительно плачешь, и у тебя каплют слезы. Это жестокий, жестокий мир, маленькая Фифи, он жесток по отношению ко всем нам.

Но вдруг вдалеке появились маленькие черные точки, которые, как я знала, вскоре превратятся в машины. Они повернули на Подъездную Аллею и, набирая скорость, понеслись к дому, чтобы резко остановиться, визжа колесами и поднимая облака пыли. Вдруг раздался бешеный звонок, заставив шерсть на моей спине встать дыбом, а хвост — трубой.

Мадам Альбертин подняла черную штуку, которую, как я знала, называли телефоном, и я услышала пронзительный голос Мадам Дипломат, возбужденно выпрыгивающий из трубки:

— Альбертин, Альбертин, почему вы не выполняете свои обязанности? За что я вам плачу? И это за мое милосердие и за то, что я даю вам работу? Немедленно спуститесь, у нас посетители. Вы не должны бездельничать, Альбертин!

Голос отключился, и Мадам Альбертин расстроено вздохнула.

— Ах! Это война довела меня до этого. Я сейчас работаю шестнадцать часов в день и получаю за это жалкие гроши. Оставайся здесь, маленькая Фифи, не высовывайся. Вот тебе коробочка с песком.

Вздохнув еще раз, она погладила меня и вышла из комнаты. Некоторое время я слышала, как

лестница поскрипывает под ее весом, а потом наступила тишина.

Каменная терраса под моим окном просто кишела людьми. Мадам Дипломат кивала, кланялась и была такой любезной, что я сразу же поняла, что это особенно важные гости. Как будто по мановению волшебной палочки появились маленькие столики, покрытые красивыми белыми скатертями (мне в качестве скатерти приходилось пользоваться газетами — LeParisSoir), и слуги в огромном количестве приносили еду и питье.

Я отвернулась от окна и уже собралась свернуться калачиком, но вдруг внезапная мысль заставила мой хвост снова вздернуться в тревоге. Я позабыла о самой элементарной предосторожности; я забыла то, чему прежде всего научила меня Мама.

«Всегда исследуй незнакомую комнату, Фифи, — говорила она. — Тщательно обойди все уголки. Проверь все выходы. Будь готова столкнуться с необычным, неожиданным. Никогда, НИКОГДА не ложись отдыхать, прежде чем ты не будешь достаточно знать место, где ты собираешься это сделать!»

С виноватым видом я поднялась на ноги, понюхала воздух и решила, как продолжать обследование. Сначала я пошла вдоль левой стены и дальше по кругу. Спрыгнув на пол, я посмотрела на свое место на подоконнике, пригнувшись и пытаюсь уловить что-нибудь необычное.

Мне нужно было выяснить расположение вещей в комнате, опасности, преимущества. Обои были цветастыми и поблекшими. Большие желтые Цветы на пурпурном фоне. Высокие стулья, безусловно чистые, но с истертыми сиденьями из красного бархата. Снизу стулья и столы были чистыми, и на них не было паутины.

Кошки, да будет вам известно, видят вещи СНИЗУ, а не сверху, так что люди и не представляют, как обычно выглядят вещи с нашей точки зрения.

Высокий комод стоял у одной из стен, и я вышла на середину комнаты, Чтобы понять, каким образом можно забраться на него. Быстрый расчет Показал мне, что я могу прыгнуть со стула на стол (О! Каким он оказался скользким!), а потом забраться на крышку комода. Некоторое время я сидела там, умывая лицо и уши и одновременно обдумывая положение. Я случайно взглянула позади себя, и все мое существо пронзил сильнейший испуг и смятение; на меня смотрела Сиамская Кошка — и, без сомнения, я побеспокоила ее в то время, когда она умывалась.

«Странно, — подумала я. — Я совершенно не ожидала, что встречу здесь кошку. Наверное, Мадам Альбертин держала это в секрете. Я только поприветствую ее».

Я пошла ей навстречу, и ей, казалось, пришла в голову та же мысль. Мы остановились, и между нами было что-то вроде окна.

«Замечательно! — размышляла я. — Как такое может быть?»

Осторожно, предчувствуя обман, я посмотрела, что находится позади окна. Там никого не было. Удивительно то, что я заставляла ее повторять каждое свое движение. Наконец мне стало ясно. Это было Зеркало, и об этом мне как-то упоминала Мама в своих странных советах.

Конечно же, я впервые видела его, потому что это было мое первое посещение Дома. Мадам Дипломат была ОЧЕНЬ привередливой особой, и кошкам не позволялось находиться внутри дома, за исключением тех случаев, когда она хотела показать нас другим, — и до сих пор во мне жива память об этом оскорблении.

— И все-таки, — сказала я себе, — мне нужно продолжать исследовать комнату. Зеркало может подождать.

Дальше на пути я увидела большую железную конструкцию с медными шарами в каждом углу, все пространство между шарами было покрыто тканью. Я поспешно спрыгнула с комода на стол — немного поскользнулась на гладкой полировке — и прыгнула прямо на ткань,

покрывавшую железную конструкцию. Я приземлилась в самом центре — и к полному моему ужасу, эта вещь бросила меня обратно в воздух! Когда я приземлилась снова, то начала быстро бегать туда-сюда, пока не решила, что делать дальше.

Несколько мгновений я сидела в центре ковра, красно-синий витой узор которого хотя и был безупречно чистым, но видел и намного лучшие времена. Он казался очень даже подходящим для того, чтобы вонзить в него когти, так что я несколько раз попробовала провести по нему лапой, и оказалось, что это помогло мне более ясно мыслить. **КОНЕЧНО ЖЕ!** Эта громадная конструкция была кроватью. Моя кровать состояла из старых газет, расстеленных на бетонном полу в камерке; у Мадам Альбертин была какая-то старая ткань для того, чтобы застелить железную решетку ее кровати. Мурлыкая от удовольствия, что я разгадала эту таинственную загадку, я подошла к кровати и рассмотрела ее снизу с громадным интересом. Огромные пружины, покрытые тем, что, очевидно, было громадным мешком, набитым тряпками и ветошью. Я могла точно распознать, в каком месте тяжелое тело Мадам Альбертин искривило несколько пружин и заставило их прогнуться.

Одержимая духом научного исследования, я надорвала свисавший краешек полосатой ткани в дальнем углу у стены. К моему недоверчивому ужасу, оттуда выпорхнули ПЕРЬЯ.

— Великий Кот! — воскликнула я. — Она держит здесь МЕРТВЫХ ПТИЦ. Теперь понятно, почему она такая огромная — она, должно быть, ест их по ночам.

Я еще немного понюхала воздух вокруг и, казалось, исчерпала все возможности кровати.

Глядя вокруг и решая, куда направиться дальше, я увидела открытую дверь. Полдюжины прыжков — и я осторожно прижалась к полу на посту перед дверью, затем слегка пододвинулась вперед так, чтобы один глаз мог бросить первый взгляд за дверь.

С первого взгляда увиденная мною картина оказалась такой странной, что я никак не могла разобраться, на что я смотрю. Сияющие штуки на полу, выложенные черно-белым рисунком. Напротив одной из стен огромная кормушка для лошадей (я знала о них, потому что такие же были возле конюшен), тогда как напротив другой стены на деревянной платформе стояла самая большая фарфоровая чашка, которую я когда-нибудь могла вообразить. Она стояла на деревянной платформе, и у нее была белая деревянная крышка.

Мои глаза делались все больше и больше, и мне пришлось сесть и почесать правое ухо, прежде чем я смогла все это обдумать. «КТО бы это мог пить из штуки таких размеров?» — подумала я.

Только тогда я услышала звук шагов Мадам Альбертин по скрипящим ступеням. Едва я прекратила рассматривать странную комнату, мое оцепенение немедленно улетучилось, и я поспешила к двери, чтобы приветствовать ее. В ответ на мои радостные возгласы она счастливо просияла и сказала:

— Моя маленькая Фифи, я стащила со стола все самое лучшее для тебя. Сливки и лучшие из лягушачьих ножек, и все это для тебя. Эти свиньи уже набили себе брюхо. ФУ! Меня тошнит от них!

Сказав это, она поставила блюда — **НАСТОЯЩИЕ** блюда — прямо передо мной. Но у меня уже не оставалось времени для еды, я должна была сказать ей о том, как сильно я ее люблю. Я все продолжала мурлыкать, когда она взяла меня на свою просторную грудь.

Эту ночь я спала в ногах у Мадам Альбертин, на ее кровати. Приютившись на огромном одеяле, я впервые после того, как у меня забрали мою Маму, устроилась очень удобно. Мое образование продвинулось вперед; я исследовала применение «лошадиных кормушек» и того, что из-за своего невежества приняла за гигантскую фарфоровую чашку. Мне было стыдно от мордочки до самого кончика хвоста, когда я думала, насколько невежественной я была.

Утром Мадам Альбертин оделась и спустилась по ступеням. Оттуда доносились звуки

странной суматохи, много громких голосов. Из окна я увидела Гастона, который мыл и до блеска натирал большой автомобиль «рено». Затем он исчез, чтобы вскоре вернуться одетым в свою лучшую форму. Он подогнал машину к главному входу, и слуги загрузили багажник множеством чемоданов и узлов. Я ниже припала к земле; «Мсье ле Дюк» и Мадам Дипломат подошли к машине, уселись в нее, и машина под управлением Гастона понеслась вдоль по Подъездной Аллее.

Шум позади меня усилился, но на этот раз он напоминал шум, который производят радующиеся люди. Поскрипывая ступенями и тяжело дыша, вошла Мадам Альбертин, ее лицо сияло от счастья и вина.

— Они уехали, маленькая Фифи, — завопила она, думая, по-видимому, что я оглохла. — Они УЕХАЛИ — и теперь целую неделю мы свободны от их тиранства. А сейчас мы можем поразвлечься!

Прижав меня к себе, она снесла меня вниз по ступеням туда, где празднество было в самом разгаре. Теперь вся прислуга выглядела куда счастливее, и я ощутила особую гордость оттого, что Мадам Альбертин несет меня, хотя я опасалась, что мой вес (около четырех фунтов) мог утомить ее.

Всю неделю мы мурлыкали вместе. В конце той прекрасной недели мы приводили в порядок усадьбу и ничуть не радовались, когда занимались приготовлениями к возвращению Мадам Дипломат и ее мужа. Мы совершенно не беспокоились о нем, — он обычно спокойно прогуливался, теребя пальцами пуговицу со знаком Священного Легиона на лацкане своего пиджака. Как бы там ни было, он постоянно думал о «Службе» и о Странах, а не о прислуге и о кошках. Хлопоты нам всем доставляла только Мадам Дипломат — она, без сомнения, была настоящей мегерой. Было похоже на кратковременную отсрочку перед гильотиной, когда в субботу мы слышали, что они будут отсутствовать еще одну или две недели, потому что они встречались с «Лучшими Людьми».

Время шло. По утрам я помогала садовникам, выкапывая одно-два растения, так что я могла видеть, насколько удовлетворительно развиваются их корни. В послеобеденное время я отправлялась отдыхать на ветке старой Яблони и мечтала о более теплом климате и о старинных храмах, в которых одетые в желтые мантии монахи молча перемещаются, занимаясь делами своих религиозных организаций. Потом меня внезапно будил звук проносившегося по небу с сумасшедшей скоростью самолета Французских Военно-Воздушных Сил.

Я становилась все тяжелее, и мои котята уже начинали шевелиться внутри меня. Передвигаться становилось все труднее, и мне постоянно приходилось выбирать дорогу. Когда прошло еще несколько дней, у меня появилась привычка прохаживаться по Подъездной Аллее и наблюдать, как молоко, которое брали у коров, помещали в специальную штуку, где оно разделялось на два потока, один — просто молоко, а второй — сливки. Я подолгу сидела на низком уступе, вдали от мест, где кто-нибудь мог проходить. Служанка-молочница говорила со мной, и я отвечала ей.

Однажды вечером я сидела на выступе приблизительно в шести футах от наполовину наполненной молоком маслбойки. Служанка-молочница говорила со мной о своем последнем парне, и я мяукала ей, стараясь убедить ее, что у них все будет в порядке. Внезапно раздался разрывающий уши пронзительный визг, как будто в атаку шел кот со вздернутым хвостом. Мадам Дипломат набросилась на служанку, вопя:

— Я приказывала тебе не пускать сюда кошек, ты нас ОТРАВИШЬ!

Она схватила первое, что ей попало под руку, медную меру, и запустила ею в меня изо всех сил. Она очень сильно ударила меня в бок, и от этого удара я свалилась прямо в маслбойку с молоком. Боль была невыносимой. Я едва могла передвигаться, чтобы удержаться на плаву. Я

чувствовала, что мои внутренности медленно вытекают. Пол задрожал от тяжелых шагов, и появилась Мадам Альбертин. Она быстро наклонила маслобойку и вылила становившееся красным молоко. Очень нежно она взяла меня на руки.

— Позовите господина Ветеринара, — приказала она.

Я потеряла сознание.

Когда я очнулась, я была уже в спальне Мадам Альбертин, в коробке с мягкой и теплой подстилкой. У меня было сломано три ребра, и я потеряла моих котят. Еще долго я была очень больна. Господин Ветеринар часто приходил и осматривал меня, и мне сказали, что он сурово выговорил Мадам Дипломат.

— Жестокость. Беспричинная жестокость, — сказал он. — Людям это не нравится. Люди будут говорить, что вы дурная женщина. Слуги говорили мне, — продолжал он, — что эта кошка, будущая мама, была очень чистой и очень честной. Нет, Мадам Дипломат, вы поступили очень скверно.

Мадам Альбертин смачивала мне губы водой, потому что я бледнела от одной мысли о молоке. День за днем она пыталась уговорить меня поесть. Господин Ветеринар сказал:

— Нет никакой надежды, она умрет, она не доживет до следующего дня без пищи.

Я впала в кому. Казалось, я слышала откуда-то шелест деревьев, поскрипывание их ветвей.

— Маленькая Кошка, — говорила Яблоня. — Маленькая Кошка, это не конец. Ты помнишь, что я говорила тебе, Маленькая Кошка?

В моей голове проносились странные звуки. Я видела светло-желтый свет, видела удивительные картины и вдыхала блаженство Небес.

— Маленькая Кошка, — шептали деревья. — Это не конец. Ешь и Живи. Ешь и Живи. Это не конец. У твоей жизни есть цель, Маленькая Кошка. Ты завершишь свои дни в радости и в полноте лет. Не сейчас. Это не Конец.

Я устало открыла глаза и слегка подняла голову.

Мадам Альбертин сидела на коленях рядом со мной, держа в руках несколько кусочков курятины, и огромные слезы катились у нее по щекам. Господин Ветеринар стоял у стола, наполняя шприц из бутылочки. Я слабо взяла кусочек курицы, подержала его мгновение во рту и проглотила.

— Чудо! Чудо! — проговорила Мадам Альбертин. Господин Ветеринар повернулся, разинув рот, медленно положил шприц и подошел ко мне.

— Вы правильно говорите, это чудо, — заметил он. — Я как раз наполнял шприц, чтобы отправить ее в мир иной и таким образом избавить от дальнейших страданий.

Я улыбнулась им и трижды тихонько мякнула — это все, на что я была способна. Когда я снова засыпала, то сквозь сон услышала, как он сказал:

— Она выздоровеет.

Неделю я пребывала в плачевном состоянии; я не могла ни глубоко вдохнуть, ни пройти более двух шагов. Мадам Альбертин поставила коробку с землей очень близко ко мне, потому что Мама учила меня быть чрезвычайно внимательной и аккуратной в своих нуждах.

Приблизительно через неделю Мадам Альбертин снесла меня по лестнице вниз. Мадам Дипломат стояла у входа в комнату и смотрела строго и неодобрительно.

— Ей следует жить в камерке, Альбертин, — сказала Мадам Дипломат.

— Умоляю Вас, Мэм, — проговорила Мадам Альбертин, — она еще не выздоровела, и если с ней будут плохо обращаться, я и остальная прислуга уволимся.

Надменно засопев и бросив злобный взгляд, Мадам Дипломат повернулась на пятках и снова вошла в комнаты.

На кухне, находившейся в подвальном помещении, несколько старших женщин подошли,

чтобы поговорить со мной и сказать мне, что они рады видеть меня выздоравливающей и что я выгляжу лучше.

Мадам Альбертин осторожно опустила меня на пол так, чтобы я могла пройтись вокруг и ознакомиться со всеми новостями о вещах и людях. Очень быстро я устала, потому что была все еще очень слаба, и подошла к Мадам Альбертин, посмотрела ей в лицо и сказала ей, что я хочу к себе в постель. Она взяла меня на руки и снова отнесла на второй этаж дома. Я была настолько уставшей, что уснула еще прежде, чем она уложила меня в мою коробку.

Легко быть мудрым, когда события давно позади. Работа над книгой возвращает мою память к прошлому. В годы невзгод я часто вспоминаю слова Старой Яблони:

— Маленькая Кошечка, это еще не конец. У тебя есть цель в жизни.

Потом я часто думала, сколько она проявила доброты, подбадривая меня. Теперь, на закате своей жизни, я знаю гораздо больше, и я гораздо чаще чувствую себя счастливой. Если меня не видят хотя бы пять минут, я тут же непременно слышу:

— Где Фиф? С нею все в порядке?

И я теперь точно знаю, что это делается ради меня самой, а не только из-за моего внешнего вида. В моей юности все было иначе. Я была просто занятным экспонатом, или, как это сейчас называют, «предметом для разговора».

У мадам Дипломат было две навязчивые идеи. Она была одержима идеей, что она должна все выше и выше подниматься по французской социальной лестнице и что она, несомненно, добьется в этом успеха, показывая меня людям. Это приводило меня в изумление. Она ненавидела кошек (делая вид, что любит меня, только на людях) и не позволяла мне входить в дом, пока у нее не появлялись посетители. У меня до сих пор сохранилось воспоминание о первом подобном «шоу».

Это было в жаркий солнечный день, я как раз гуляла в саду. Некоторое время я изучала цветы, наблюдая за пчелами, которые уносили пыльцу на своих лапках. Потом я переключилась на ствол тополя. Здесь недавно успела побывать соседская собака и оставила послание, которое мне хотелось прочитать.

Я время от времени бросала взгляды через плечо, чтобы убедиться, что ничто мне не угрожает, когда я посвящу все свое внимание изучению послания. Мой интерес к нему постепенно увеличивался, и я перестала замечать, что происходит вокруг меня. Вдруг я почувствовала, как меня хватают грубые руки, отрывая от созерцания собачьего послания.

— Пшшш! — зашипела я, прыжком освобождаясь от грубых рук, резко оттолкнувшись задними ногами. Я быстро вскарабкалась по древесному стволу и посмотрела вниз.

«Сначала всегда убеги, а потом осматривайся, — учила меня моя Мама. — Лучше зря убежать, чем остановиться и навсегда лишиться такой возможности».

Я посмотрела вниз. Там стоял садовник Пьер, держась за кончик своего носа. Сквозь его пальцы просачивалась струйка алой крови. С ненавистью посмотрев на меня, он нагнулся, поднял камень и швырнул его изо всех сил. Мне удалось увернуться, спрятавшись за стволом, но дерево так затряслось от удара, что я едва удержалась на нем.

Он уже нагнулся за следующим камнем, когда кусты за ним раздвинулись и появилась мадам Альбертин, бесшумно подошедшая по покрытой мхом земле. Бросив взгляд на происходящее, она быстро выдвинула ногу вперед, и Пьер повалился на землю лицом вниз. Она схватила его за воротник и рывком поставила на ноги. Как следует его встряхнув — это был маленький человечек, — она повернула его вокруг оси.

— Запомни, если ты нанесешь вред этой кошке, я тебя УБЬЮ! Мадам Дипломат послала тебя для того, чтобы ты нашел ее, грязная свинья, а не делал ей больно.

— Кошка выпрыгнула у меня из рук, я стукнулся о дерево и у меня из носа пошла кровь, — пробормотал Пьер. — Я вышел из себя от боли.

Мадам Альбертин пожалала плечами и повернулась ко мне.

— Фифи, Фифи, иди к Маме, — позвала она.

— Иду, — закричала я, обхватывая передними лапами ствол дерева и соскальзывая вниз.

— Сейчас ты должна очень хорошо себя вести, маленькая Фифи, — сказала мадам Альбертин. — Любовница* хочет показать тебя своим гостям.

* Игра слов: «Mistress» означает и хозяйка, и любовница. — *Прим. перев.*

Это название всегда меня забавляло. У мсье ле Дюка была любовница в Париже, как же могла быть любовницей мадам Дипломат?

«Но, — подумала я, — если ей нравится, чтобы ее называли „Любовницей“, это не должно меня беспокоить!»

Это были очень странные и нелогичные люди.

Мы вместе пересекли лужайку. Мадам Альбертин держала меня на руках, чтобы мои лапки оставались чистыми для показа гостям. Мы поднялись по широким каменным ступенькам — я успела заметить мышь, стремительно бросившуюся в нору под кустом, — и пересекли веранду. Сквозь открытые двери я увидела группу сидящих людей, которые щебетали, как стая скворцов.

— Я принесла Фифи, мадам! — сказала мадам Альбертин. «Любовница» вскочила на ноги и осторожно взяла меня у моего друга.

— О моя дорогая, любимая, маленькая Фифи! — воскликнула она, поворачиваясь так быстро, что у меня закружилась голова.

Женщины повскакивали на ноги и окружили меня тесным кольцом, возгласами выражая свое восхищение. В те дни Сиамские Коты были большой редкостью во Франции. Даже находившиеся в комнате мужчины подошли поближе, чтобы посмотреть на меня. Моя черная мордочка, голубые глаза и светло-бежевое туловище, заканчивающееся черным хвостом, казалось, очень их заинтересовали.

— Редчайшая из редких, — сказала «Любовница». — Замечательная родословная, стоит она целое состояние. Такая ласковая, по ночам она спит со мной.

Я завизжала, чтобы выразить свой протест против подобной лжи, и все в страхе отпрянули назад.

— Это она просто разговаривает, — сказала мадам Альбертин, которой было приказано оставаться в салоне «на всякий случай». Подобно моему, лицо мадам Альбертин выражало удивление по поводу того, что «Любовница» говорит такую явную ложь.

— О Рени, — сказала одна из дам, — когда вы поедете в Америку, ты должна взять ее с собой. Американские женщины, если они полюбят тебя, могут сильно помочь карьере твоего мужа, а Маленькая Кошечка, конечно, привлечет их внимание. «Любовница» так поджала свои тонкие губы, что ее рот полностью исчез.

— Взять ее? — спросила она с сомнением. — Как же я могу это сделать? Это причинит ей неудобства, а потом возникнут трудности, когда мы будем забирать ее обратно.

— Чепуха, Рени, ты меня удивляешь, — ответила ее подруга. — У меня есть знакомый ветеринар, который даст тебе лекарство, чтобы усыпить ее на все время воздушного перелета. Вы сможете поместить ее в обитый войлоком ящик как дипломатический багаж.

«Любовница» кивнула головой.

— Да, Антуанетта, дай мне, пожалуйста, этот адрес, — ответила она.

Некоторое время я оставалась в салоне, пока люди выражали свое восхищение моей фигурой, изумлялись длине моих ног и черноте моего хвоста.

— Я думал, все лучшие виды сиамских котов должны иметь изогнутый хвост, — сказал один из гостей.

— О, нет, — уверенно заявила «Любовница», — сиамские коты с изогнутыми хвостами сейчас не в моде. Чем прямее хвост, тем лучше кот. Короче говоря, мы собираемся свести ее с котом, тогда мы сможем предложить вам котят.

Вскоре мадам Альбертин покинула салон.

— Фу! — воскликнула она. — Лучше иметь дело с четвероногими котами, чем с этой двуногой их разновидностью.

Я быстро посмотрела вокруг — никогда раньше я не видела двуногих котов и не могла себе представить, как им удастся обходиться двумя ногами. Но позади меня не было ничего, кроме закрытой двери, так что я в недоумении покачала головой и пошла следом за мадам Альбертин.

Уже стемнело, легкие капли дождя стекали по стеклам окон, когда в комнате мадам Альбертин резко зазвонил телефон. Она поднялась, чтобы ответить, и тишину нарушил пронзительный голос «Любовницы»:

— Альбертин, кошка у вас?

— Да, мадам, она еще не слишком хорошо себя чувствует, — ответила мадам Альбертин.

Голос «Любовницы» стал на октаву выше:

— Я же говорила вам, Альбертин, она не должна быть в доме, если здесь нет гостей. Немедленно вынесите ее на улицу. Я вас держу только по своей доброте, от вас нет никакой пользы!

Мадам Альбертин неохотно надела тяжелое шерстяное вязаное пальто, с трудом натянула плащ и закутала голову шарфом. Взяв меня на руки, она закутала меня в платок и спустилась по задней лестнице. Зайдя в комнату для прислуги, чтобы взять фонарь, она вышла на улицу.

Резкий порыв ветра ударил в наши лица. Низко в ночном небе проносились облака, гонимые ветром. С высокого тополя донесся угрюмый крик совы, когда наше появление спугнуло мышь, за которой она охотилась. Ветки деревьев были мокрыми от дождя, и, когда мы их задевали, они сбрасывали на нас свой водяной груз. Тропинка была скользкой и идти по ней в темноте было трудно. Мадам Альбертин осторожно пробиралась вперед, при слабом свете фонаря выискивая место, куда можно поставить ногу, и бормоча проклятия в адрес мадам Дипломат и всего, что ей довелось от нее вынести.

Перед нами в тени деревьев неясно вырисовывалась каморка для хранения садовых инструментов — более темная заплатка в окружающем нас мраке. Она толчком открыла дверь и вошла. Цветочный горшок, задетый ее просторными одеждами, со страшным грохотом свалился на пол. Против моей воли мой хвост распушился от страха и резкие складки обозначились вдоль позвоночника. Освещая дорогу фонарем, мадам Альбертин прошла вглубь сарая, где лежала куча газет, служивших мне постелью.

— Хотела бы я видеть Эту Женщину на подобном месте, — пробормотала она. — Это избавило бы ее от некоторых причуд.

Она осторожно опустила меня на место, проверила, чтобы для меня была вода — я никогда не пила молока, только воду, — и положила рядом со мной несколько объедков лягушачьих лапок. Потрепав меня по голове, она медленно вышла и закрыла за собой дверь. Удаляющиеся звуки ее шагов заглушались воем ветра и перестуком дождя по железной крыше. Я ненавидела это место. Часто люди вообще забывали обо мне, и я не имела возможности выйти, пока не откроется дверь. Очень часто я оставалась здесь без еды и питья по двое-трое суток. Кричать было бесполезно, потому что каморка стояла слишком далеко от дома, спрятанная в рощице далеко за всеми остальными постройками. Я лежала здесь голодная, в горле у меня пересыхало, и ждала, что кто-нибудь в доме вспомнит, что меня уже что-то слишком давно не видно, и придет посмотреть, что со мной происходит.

Теперь все иначе. Здесь со мной обращаются как с человеком. Хотя все мы почти голодаем, у меня всегда есть еда и питье и я сплю в спальне на своей собственной настоящей кровати. Когда я оглядываюсь на прошлое, мне кажется, что это было путешествие через нескончаемую ночь, а теперь я вышла на солнечный свет и греюсь в лучах любви.

В прошлом мне приходилось остерегаться тяжелых ног. Теперь КАЖДЫЙ заботится обо

МНЕ! Мебель никогда не сдвигают, пока мне не будет точно известно, куда ее поставят, потому что я старая и слепая и больше не могу позаботиться о себе сама. Как говорит Лама, я нежно любимая бабуся, наслаждающаяся счастьем и покоем. Сейчас, когда я диктую эти строки, я сижу в комфортабельном кресле и греюсь под теплыми солнечными лучами.

Но все, что связано с тем местом, все Дни Мрака, до сих пор преследуют меня, как обломки кораблекрушения.

Меня охватило странное волнение. Тихонько, так как я еще не была уверена в себе, я запела. Я ходила по саду в поисках ЧЕГО-ТО. Мое желание было смутным, но очень настойчивым. Сидя у открытого окна и не отваживаясь войти, я слышала, как мадам Дипломат говорит по телефону:

— Да, она звонила. Я отправлю ее немедленно, и вы завтра ее получите. Да, мне хотелось бы продать котят как можно скорее.

Немного времени спустя ко мне подошел Гастон и посадил меня в душный деревянный ящик с надежно закрывающейся крышкой. Запах в ящике, несмотря на спертость воздуха, был ОЧЕНЬ интересным. В нем переносили бакалейные товары. Лягушачьи лапки и улиток. Сырое мясо и те зеленые штучки.

Я настолько заинтересовалась, что едва заметила, как Гастон поднял ящик и понес меня в гараж. Некоторое время ящик спокойно стоял на цементном полу. От запаха масла и бензина я почувствовала себя плохо. Наконец опять вошел Гастон, открыл большую переднюю дверь и завел нашу вторую машину, старый «ситроен».

Довольно грубо бросив мой ящик в багажное отделение, он сел за руль, и мы тронулись. Это была ужасная поездка, мы так быстро разворачивались на поворотах, что мой ящик постоянно сползал, глухо ударяясь о стенки багажника. На следующем повороте все повторялось. Было абсолютно темно, а попадавшие в мой ящик выхлопные газы вызывали у меня кашель и удушье. Мне казалось, что это путешествие никогда не кончится.

Наконец машина резко свернула в сторону, раздался ужасный пронзительный визг тормозов, и, когда машина выровнялась и опять помчалась вперед, мой ящик еще раз перевернулся, теперь уже вверх ногами. Я сползла по острым щепкам и оцарапала нос, который начал кровоточить. «Ситроен» сильно завибрировал, останавливаясь, и вскоре я услышала голоса. Багажное отделение открыли, и после минутного молчания незнакомый голос произнес:

— Смотрите, кровь!

Мой ящик подняли, я чувствовала, как он раскачивался в руках того, кто его нес. Человек преодолел несколько ступенек, проникающий сквозь щели ящика свет померк, и я поняла, что нахожусь в доме или в сарае. Дверь закрыли, ящик подняли и поставили на стол.

Я услышала, как чьи-то руки скребут наружную поверхность, нащупывая замок, и крышка открылась. Внезапный свет ослепил меня.

— Бедная маленькая кошка! — услышала я женский голос.

Какая-то женщина продела под меня руки и вынула из ящика. Я чувствовала себя слабой, больной, у меня кружилась голова от выхлопных газов, я была почти оглушена ужасной поездкой, и кровотечение из носа усилилось.

Гастон побелел от страха.

— Я должен позвонить мадам Дипломат, — сказал незнакомый мужчина.

— Пожалуйста, не лишайте меня работы, — сказал Гастон. — Я вел машину очень осторожно.

Пока женщина вытирала кровь с моего носа, мужчина поднял трубку.

— Мадам Дипломат, — сказал мужчина, — ваша маленькая кошка больна, она недокормлена и ужасно ослаблена этой поездкой. Вы потеряете свою кошку, мадам, если не будете о ней лучше заботиться.

— Боже правый! — услышала я голос мадам Дипломат. — Столько волнений из-за какой-то кошки. За ней УХАЖИВАЮТ. Я не собираюсь нежить и баловать ее, я хочу иметь от нее котят.

— Но, мадам, — ответил мужчина, — если вы будете с ней так обращаться, у вас не будет ни котят, ни кошки. У вас сиамская кошка с замечательной родословной, лучшая порода во всей Франции. Я это знаю, я воспитывал ее мать. Пренебрегать такой кошкой — все равно что использовать кольцо с бриллиантом для резки стекла.

— Я это знаю, — ответила мадам Дипломат. — Там рядом с вами шофер, я бы хотела с ним поговорить.

Мужчина молча передал трубку Гастону. Какое-то время поток слов мадам Дипломат был таким стремительным и едким, что они не достигали цели и утрачивали всякий смысл. Наконец, после длительных препирательств, они пришли к какому-то соглашению.

Я останусь — где я останусь? — пока мне не станет лучше. Гастон уехал, все еще продолжая вздрагивать при мысли о мадам Дипломат. Я лежала на столе, где мужчина и женщина хлопотали надо мной. Я почувствовала как будто слабый укол и, прежде чем я смогла это осознать, уснула.

Это было очень своеобразное ощущение. Мне снилось, что я на Небесах и со мной разговаривает множество кошек, спрашивая, откуда я пришла, чем я занимаюсь, кто были мои родители. Они тоже говорили на лучшем французском, на каком говорят Сиамские Кошки!

Я устало подняла голову и открыла глаза. Мой распушенный хвост и складки по всей длине позвоночника вызвали удивление окружающих. На расстоянии нескольких дюймов от меня была дверь из проволочной сетки. Я лежала на чистой соломе. За решетчатой дверью находилась большая комната, в которой было полно кошек разных видов и несколько маленьких собак. Моими соседями по обе стороны были Сиамские Кошки.

— А-а! Обломки кораблекрушения зашевелились! — сказала одна из них.

— Моя милая! Когда тебя внесли, твой хвост был опущен, — сказала другая.

— Откуда ты пришла? — прокричала Персидская Кошка с другого конца комнаты.

— От этих кошек можно заболеть, — проворчал какой-то пудель из ящика на полу.

— Да, — пробормотала маленькая собачка, находящаяся вне поля моего зрения, — этих дам надо вышвырнуть обратно домой.

— Вы только послушайте, какие слухи распускает эта собака-янки, — сказал кто-то рядом, — она здесь находится слишком недолго, чтобы получить право говорить. Она просто нахлебник, вот кто она такая!

— Меня зовут Чава, — сказала кошка, сидящая справа. — Мне удалили яичники.

— Меня зовут Сонг Тью, — сказала кошка слева. — Я подралась с собакой, это было здорово! Ты увидишь эту собаку. Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО хорошо ее обработала!

— Меня зовут Фифи, — робко представилась я, — я не встречала ни одной Сиамской Кошки, кроме моей покойной Мамы и себя самой.

На какое-то время в большой комнате наступила тишина, которая вскоре сменилась всеобщим шумом, когда вошел человек, разносящий пищу. Все заговорили сразу. Собаки требовали, чтобы их покормили первыми, кошки обзывали собак эгоистичными свиньями, раздавался грохот тарелок, на которые накладывали еду, и бульканье воды, заполняющей сосуды для питья. Потом раздалось громкое чавканье — это собаки приступили к еде.

Подошел мужчина и посмотрел на меня. Вошла женщина и тоже подошла ко мне.

— Она проснулась, — сказал мужчина.

— Очаровательная маленькая кошечка, — сказала женщина. — Мы должны подлечить ее, в таком состоянии она не сможет иметь котят.

Они принесли мне обильную порцию пищи и перешли к другим. Я чувствовала себя не

слишком хорошо, но подумала, что было бы признаком дурного воспитания, если бы я отказалась есть, поэтому села и вскоре справилась со всей порцией.

— А! — сказал мужчина, возвращаясь. — Она голодная.

— Давайте перенесем ее в Аннекс, — сказала женщина. — Там она получит больше солнца, к тому же я думаю, все эти животные беспокоят ее.

Мужчина открыл мой ящик и, убаюкивая меня, понес через комнату и вышел через дверь, которой я раньше не замечала.

— До свидания, — громко закричала Чава.

— Приятно было с вами познакомиться, — воскликнула Сонг Тью. — Напомните обо мне Котам, когда вы с ними встретитесь!

Мы вышли через дверь и попали в освещенную солнцем комнату, в центре которой стояла большая клетка.

— Хотите поместить ее в обезьянью клетку, босс? — спросил мужчина, которого я раньше не видела.

— Да, — ответил несший меня человек, — за ней требуется уход, так как она не понесет в том состоянии, в каком она сейчас находится.

Понесет? ПОНЕСЕТ? Что, предполагалось, я должна нести? Они думают, что я буду здесь работать и носить тарелки или что-нибудь еще?

Человек открыл дверь большой клетки и посадил меня туда. Здесь было очень мило, если не считать, что пахло дезинфекцией. В клетке находились ветки деревьев, полки и очень милый выстланный соломой ящик, в котором я должна была спать. Я внимательно осмотрелась вокруг, потому что Мама учила меня особенно тщательно исследовать любое новое место, прежде чем там расположиться. Ветки деревьев были весьма привлекательны, так что я выпустила когти, чтобы показать, что я готова здесь устроиться. Пройдя по ветке, я обнаружила, что могу осмотреться вокруг, обнюхать ограду и увидеть, что происходит сверху.

Здесь имелось очень большое пространство, все пути вокруг и сверху были огорожены сеткой. Пол был уставлен маленькими деревьями и кустами. Пока я наблюдала, в мое поле зрения попал великолепный Сиамский Кот, совершавший свою прогулку. У него была прекрасная фигура, длинная и стройная, с мощными плечами и самым черным из черных хвостом. Медленно пересекая комнату, он пел самую лучшую любовную песню. Я слушала, замирая от восторга, но была слишком робкой, чтобы ответить ему. Сердце мое сильно билось и меня охватило очень странное чувство. Когда он исчез из поля зрения, я глубоко вздохнула.

Какое-то время я сидела, ошеломленная, на самой высокой из веток. Мой хвост судорожно подергивался, а ноги так дрожали от переполнявших меня чувств, что вряд ли смогли бы меня выдержать. Что за Кот, какая великолепная фигура! Я легко могла себе представить его украшением Храма в далеком Сиаме и, казалось, видела, как одетые в желтые мантии жрецы приветствуют его, когда он лениво нежится на солнышке. И — а может я ошиблась? — я почувствовала, что он бросал взгляды в мою сторону и что ему все обо мне известно.

Моя голова закружилась от мыслей о будущем. Медленно, вся дрожа, я спустилась с ветки, вошла в спальняный ящик и улеглась там, чтобы все обдумать.

В эту ночь я спала спокойно, а на следующий день Человек сказал, что у меня нервное возбуждение от трудной езды и выхлопных газов. Я-то знала, отчего у меня нервное возбуждение! Всю ночь меня преследовали его красивая черная мордочка и длинный, величаво изгибающийся хвост.

Человек сказал, что я в плохом состоянии и нуждаюсь в отдыхе. Четыре дня я прожила в этой клетке, отдыхая и отъедаясь. А на следующее за этими днями утро меня повели в маленький домик, пространство вокруг которого было окутано сеткой.

Опустившись на пол и осмотревшись вокруг, я заметила сетку, отделяющую мое помещение от помещения Прекрасного Кота. Его комната была опрятной, хорошо ухоженной, его солома была чистой, и я заметила, что на поверхности воды в его чашке не плавают пылинки. Его там не было — я думаю, он сидел в закрытом садике, наблюдая за растениями.

Я сонно закрыла глаза и задремала. Меня разбудил дружеский голос, и я бросила робкий взгляд в направлении разделявшей нас сетки.

— Прекрасно! — сказал Сиамский Кот. — Рад видеть вас.

Его большая черная мордочка была прижата к сетке, его ясные голубые глаза передавали мне его мысли.

— Сегодня после обеда нас поженят, — сказал он. — Я рад этому, а вы? Залившись румянцем, я спрятала свою мордочку в соломе.

— О-о, не стоит так беспокоиться, — воскликнул он. — Мы делаем благородное дело, нас во Франции слишком мало. Вам это понравится, вот увидите! — засмеялся он, устраиваясь на отдых после утренней прогулки.

Во время ланча зашел человек и долго смеялся, увидев, как мы сидим рядышком, разделенные только сеткой, и дружно исполняем дуэт. Кот вскочил на ноги и прорычал, глядя на человека:

— Убери эту ***** дверь с дороги!

При этом он использовал слова, которые опять заставили меня покраснеть. Человек неторопливо отпер дверь, открыл ее, пристегнув для предосторожности, повернулся и оставил нас одних.

О, этот Кот! Какими пылкими были его объятья, какие слова он мне говорил! Потом мы, разгоряченные, лежали бок о бок, и вдруг меня пронзила мысль, заставившая меня похолодеть: я была не первой!

Я поднялась и побрела в свою комнату. Пришел человек и опять закрыл сетчатую дверь, разделявшую нас. А вечером он отнес меня обратно в большую клетку. Я крепко уснула.

Утром вошла женщина и отнесла меня в комнату, через которую я впервые попала в это здание. Она положила меня на стол и осторожно поддерживала, пока мужчина тщательно меня осматривал.

— Мне необходимо увидеться с хозяевами этой кошки, потому что с бедняжкой очень плохо обходятся. Смотри, — сказал он, показывая на мои левые ребра и нажимая там, где я до сих пор ощущала боль, — с ней происходило что-то очень нехорошее, а это слишком ценное животное, чтобы им так пренебрегать.

— Может быть, мы завтра туда отправимся и поговорим с ее хозяйкой? — Женщина, казалось, по-настоящему мной заинтересовалась.

— Да, мы отвезем ее обратно, — ответил мужчина, — заодно мы сможем получить свое вознаграждение. Я позвоню ей и скажу, что мы доставим ей кошку и заберем деньги.

Он снял трубку и переговорил с мадам Дипломат. Единственное, что ее волновало, так это то, что «доставка кошки» может стоить ей несколько лишних франков. После того как ее заверили, что этого не будет, она согласилась оплатить счет, как только я вернусь. Итак, было решено: я остаюсь до следующего полудня, а затем должна быть возвращена мадам Дипломат.

— Иди сюда, Жорж, — позвал мужчина, — отнеси ее опять в обезьянью клетку, пусть она там остается до завтра.

Жорж, старый сгорбленный человек, которого я не видела раньше, подошел ко мне, волоча ноги, и поднял меня с удивительной осторожностью. Посадив меня на плечо, он вышел из комнаты. Через Большую Комнату он меня пронес не останавливаясь, так что я не могла перебраться словом с остальными. Потом он вошел в Другую Комнату, где стояла Обезьянья

Клетка, и закрыл за собой дверь. Несколько секунд он пытался потаскать передо мной кусок веревки.

— Бедняжка, — пробормотал он, — ясно, что за всю ее короткую жизнь с нею никто никогда не играл!

Еще раз я поднялась по наклонной ветке и осмотрела зарешеченное помещение. Это не всколыхнуло во мне никаких чувств, я знала, что у Тома было огромное количество Дам, и я — лишь одна из многих. Люди, знающие кошачью породу, всегда называют котов «Томами», а кошек «Дамами». Это не имеет ничего общего с родословной, а просто собирательное имя.

Одинокая ветка закачалась, сгибаясь под большой тяжестью. Пока я выжидала, Том спрыгнул с дерева и плюхнулся на землю. Взбираясь по стволу, он повторял это снова и снова. Зачарованная, я следила за ним. Потом мне стало ясно, что он делает утреннюю гимнастику! Лениво, так как у меня было более интересное занятие, я лежала на ветке и точила свои когти, пока они не начали блестеть, как лак на ногтях у мадам Дипломат. Утомившись, я крепко уснула в уютном тепле послеполуденного солнца.

Немного спустя, когда солнце уже не стояло прямо над головой, а отправилось дальше по небу, чтобы дать тепло другой части Франции, меня разбудил тихий, звучащий по-матерински голос. С трудом посмотрев в окно — оно было почти вне досягаемости, — я увидела старую черную кошку, которая много-много раз видела лето. Она явно располнела, и я, глядя, как она, сидя на выступе оконной рамы, моет уши, подумала, как хорошо было бы с ней поболтать.

— А! — сказала она. — Ты уже проснулась. Я надеюсь, тебе здесь понравилось. Мы гордимся тем, что у нас самое лучшее обслуживание во Франции. Хорошо ли ты поела?

— Да, спасибо, — ответила я, — за мной очень хорошо ухаживали. Вы мадам Владелица?

— Нет, — ответила она, — хотя многие думают, что это так. На мне лежит ответственная задача обучать Племенных Котов их обязанностям. Я проверяю их перед тем, как они идут в обращение. Это очень важная работа, требующая большой аккуратности.

Несколько минут мы сидели, занятые своими мыслями.

— Как вас зовут? — спросила я.

— Баттербол*, — ответила она. — Я всегда была очень толстой, и моя шубка всегда блестела, как смазанная маслом. Но это было, когда я была значительно моложе, — добавила она. — Теперь у меня множество разных задач, кроме ЭТОЙ, о которой я тебе уже говорила. Я также охраняю пищевые запасы, чтобы ни одна мышь не могла туда проникнуть.

*Butterball — масляный шар (англ.).

Она на минуту замолчала, представив себе все свои обязанности, а потом продолжала:

— Ты еще не пробовала нашу сырую конину? О, ты просто ОБЯЗАНА ее попробовать, пока ты еще от нас не уехала. Она просто восхитительна, самая лучшая конина, какую только можно купить. Я думаю, что мы ее получим на ужин, как раз несколько минут тому назад я видела, как Жорж — помощник, ты его знаешь — ее рубил. — Она сделала паузу, потом, удовлетворенная, продолжала: — Да, я УВЕРЕНА, что на ужин будет конина.

Мы сидели, задумавшись, и умывались. Потом мадам Баттербол сказала:

— Ну хорошо, мне пора идти. Я должна проследить, чтобы о тебе хорошо позаботились, — мне кажется, мой нос уже слышит Жоржа, несущего ужин!

Она спрыгнула с окна. В Большой Комнате позади меня я услышала крики и возгласы: «КОНИНА!», «Накормите сначала меня!», «Я проголодался, скорее, Жорж!».

Но Жорж не обратил на них никакого внимания. Вместо этого он прошел через Большую Комнату прямо ко мне и первой обслужил МЕНЯ!

— Тебе первой, Маленькая Кошечка, — сказал он. — Другие могут подождать. Ты самая спокойная, поэтому ты получишь первой.

Я в ответ замурлыкала, чтобы показать ему, что сполна оценила оказанное мне уважение. Он поставил передо мной большую порцию мяса. От него исходил чудесный запах. Я потерлась о его ноги и замурлыкала еще громче.

— Ты всего лишь Маленькая Кошечка, — сказал он. — Я тебе его порежу.

Он очень любезно порезал мясо на маленькие кусочки, а потом со словами: «Приятного аппетита, Кошка!» направился в большую комнату, чтобы уделить внимание другим.

Мясо было удивительное, сладкое на вкус и мягкое для зубов. Вскоре я уже сидела и умывалась. Скребущий звук заставил меня поднять голову, и я увидела за окном черную мордочку со сверкающими глазами.

— Правда хорошо? — сказала мадам Баттербол. — Что я тебе говорила? Мы используем самую лучшую конину, какую только можно достать. Хотя подожди: на завтрак будет РЫБА! Любимое блюдо, я всегда пробую его сама. О! Спокойной ночи! — Она повернулась и убежала.

Рыба? Сейчас я не могла думать о еде, я была полностью сыта. Это так отличалось от того, что я получала дома, — там мне давали объедки, которые оставались после людей, перемешанные с дурацкими соусами, которые часто обжигали мой язык. Здесь кошки вели настоящий французский образ жизни.

Солнце скрылось на западе, и стало быстро темнеть. Птицы засуетились, спеша по домам, старые вороны стали сзывать своих друзей, чтобы обсудить события дня. Вскоре сумерки сгустились, и появились летучие мыши, их кожаные крылья поскрипывали всякий раз, когда они, описав круг, поворачивались, преследуя ночных насекомых. Из-за высоких тополей пугливо выглянула оранжевая луна, как будто заколебавшись, стоит ли вторгаться в ночную тьму. Удовлетворенно вздохнув, я лениво запрыгнула в свой ящик и уснула.

Мне снился сон, и во сне всплыли все мои желания. Мне снилось, что кто-то меня ждет ради меня самой, ради общения со мной. Мое сердце исполнилось любви — любви, которую всегда приходилось подавлять, потому что никто в том доме, где я жила, не знал о стремлениях и желаниях маленькой кошки. Теперь, когда я уже старая взрослая кошка, я окружена любовью и плачу всем тем же. Сейчас нам часто приходится переносить трудности и нужду, но для меня это САМАЯ прекрасная жизнь — когда у меня есть семья и меня любят как равноправного ее члена.

Ночь прошла. При одной мысли о доме я становилась беспокойной и чувствовала себя больной. Какие еще испытания меня ждут? Получу ли я постель из соломы вместо старых сырых газет? Хотела бы я это знать. Потом в комнату проникли лучи дневного света. В Большой Комнате печально залаяла собака.

— Я хочу выйти, я хочу выйти, — повторяла она снова и снова, — я хочу выйти!

По соседству птица отчитывала своего самца за то, что он опоздал на завтрак. Постепенно оживали все дневные звуки. С колокольни донесся медный перезвон колоколов, призывая людей отбыть определенную службу.

— После мессы я собираюсь в город, хочу купить новую блузку, вы меня не подбросите? — услышала я женский голос.

Они отъехали раньше, чем я могла услышать, что ответил мужчина. Стук ведер напомнил мне, что скоро время завтрака. Из закрытого сеткой помещения донесся голос Прекрасного Тома, песней приветствующего новый день.

Вошла женщина, неся мой завтрак.

— Приветствую тебя, Кошка, — сказала она. — Ты должна хорошо поесть, потому что сегодня после полудня ты поедешь домой.

Я замурлыкала и потерлась о ее ноги, чтобы показать, что я все поняла. На ней было новое белье, все в оборочках, и, казалось, она была в прекрасном настроении. Я часто улыбалась про

себя, думая о том, как мы, Кошки, хорошо понимаем людей! Часто мы можем судить о настроении человека по его белью. Как видите, у нас совсем другой подход.

Рыба была замечательной, но она была покрыта какой-то мукой или пшеничными отрубями, которые мне пришлось соскабливать.

— Правда вкусно? — раздался голос под окном.

— Доброе утро, мадам Баттербол, — ответила я. — Да, очень вкусно, но чем она покрыта?

Мадам Баттербол добродушно рассмеялась.

— О! — воскликнула она. — Очевидно, ты из деревни! Здесь нам ВСЕГДА— да, ВСЕГДА — дают по утрам злаки, чтобы мы получали все необходимые витамины.

— Но почему мне их не давали раньше? — упорствовала я.

— Потому что тебя лечили и ты их получала в жидком виде, — мадам Баттербол вздохнула. — Теперь мне нужно идти, всегда так много нужно сделать, а времени так мало. Я постараюсь тебя повидать перед тем, как ты уедешь.

Прежде чем я успела ответить, она спрыгнула с окна, и я услышала, как зашелестели кусты, через которые она пробиралась.

Из Большой Комнаты доносилась беспорядочная болтовня.

— Да, — говорил американский дог, — итак, я говорю ему: « Я не желаю, чтобы ты ходил вокруг моего фонарного столба! Всюду ты суешь свой нос, что-то высматривая и вынюхивая».

Тонг Фа, Сиамский Кот, прибывший поздно вечером, говорил Чаве:

— Скажите, мадам, нам не разрешат познакомиться с садом?

Я свернулась клубочком и уснула, все эти разговоры вызывали у меня головную боль.

— Положим ее в корзинку?

Я мгновенно проснулась. Через боковую дверь в мою комнату вошли мужчина и женщина.

— В корзинку? — переспросила женщина. — Нет, ОНА не нуждается в том, чтобы ее помещать в корзинку. Я повезу ее у себя на коленях.

Они подошли к окну и остановились, чтобы поговорить.

— Этот Тонг Фа, — задумчиво сказала женщина, — очень неприятно его усыплять. Можем ли мы что-нибудь с этим сделать?

Мужчина смущенно пожал плечами и почесал подбородок.

— Что можем МЫ сделать? Кот старый и почти слепой. У хозяина нет на него времени. Что же МЫ можем сделать?

Наступило долгое молчание.

— Не нравится мне это, — сказала женщина. — Это убийство!

Мужчина хранил молчание. Я забила в угол клетки и старалась казаться как можно меньше. Старый и слепой? И это причина для вынесения смертного приговора? Забыв о годах преданности и любви, убить Старое Существо только потому, что оно не может за себя постоять? Мужчина и женщина прошли в Большую Комнату и осторожно вынули старого Тонг Фа из клетки.

Утро тянулось бесконечно долго. Меня одолевали мрачные мысли. Что может произойти со мной, когда я буду старой? Яблоня предсказывала мне, что я должна быть счастливой, но когда ты молод и неопытен, ожидание кажется бесконечным. Пришел старый Жорж.

— Вот тебе немного конины, Маленькая Кошечка. Поешь, потому что скоро ты поедешь домой.

Я замурлыкала и потерлась об его ноги, он остановился и потрепал меня по голове. Едва я закончила есть и занялась своим туалетом, как женщина пришла за мной.

— Мы уже едем, Фифи! — воскликнула она. — Домой к мадам Дипломат (старой ведьме).

Она взяла меня на руки и вынесла через боковую дверь. Мадам Баттербол уже ждала нас.

— До свидания, Фифи! — воскликнула она. — Поскорее приезжай повидаться опять.

— До свидания, мадам Баттербол, — ответила я. — Большое спасибо за наше гостеприимство.

Женщина направилась к большой старой машине, где поджидал нас мужчина. Она села в машину, проверив, чтобы все окна были закрыты, потом сел мужчина и включил двигатель. Машина тронулась, и вскоре мы уже свернули на дорогу, ведущую к моему дому.

Автомобиль несся по шоссе. По обе стороны от дороги горделиво высились тополя; в их стройных шеренгах нередко попадались зияющие дыры — печальные свидетельства жестокостей великой войны, о которой я знала лишь из рассказов людей. Мы рассекали пространство, и движению этому, казалось, не будет конца. В голове лениво ворочалась мысль: как же устроены эти самые машины и как им удастся мчаться столь быстро и долго? Правда, это не особенно занимало меня, поскольку мое внимание почти целиком привлекали сменявшиеся по бокам сельские пейзажи.

Первую милю-полторы я сидела у Женщины на коленях. Однако затем любопытство вконец овладело мною, и я, нетвердо пошатываясь, пробралась назад и улеглась на полочку у заднего стекла — там, где лежали путеводитель «Мишлен», карты и другая всячина. Оттуда мне была видна убегавшая от нас дорога. Женщина ближе придвинулась к Мужчине, и они начали нашептывать друг другу разные нежности. Меня заинтересовала мысль, будут ли и у нее котята.

Прошел час с момента, как солнце перевалило за полдень. Тут Мужчина произнес:

— Мы уже почти у цели.

— Да, — откликнулась Женщина, — по-моему, это должен быть большой дом приблизительно в полутора милях за церковью. Думаю, мы скоро увидим его.

Теперь мы ехали все медленнее, пока не остановились на повороте у Дороги, ведущей в усадьбу. Ворота были закрыты. Резко просигналил клаксон, и тут же из Сторожки выбежал человек. Он приблизился к машине. Заметив и узнав меня, он повернулся и распахнул ворота. Я страшно поразились: как это мне удастся без лишних слов открывать ворота.

Когда мы въехали внутрь усадьбы, Привратник едва узнал меня, сидевшую в проезжавшем автомобиле. До чего же ограниченной была моя жизнь, подумала я, если мне практически ничего не известно ни о сторожке, ни о воротах!

Мадам Дипломат стояла у одной из лужаек, разговаривая с помощником Пьера. Завидев нас, она повернулась и медленно направилась навстречу. Мужчина остановил машину, вышел и почтительно поклонился ей:

— Мы привезли вашего котенка, мадам, — сказал он, — а вот — заверенная копия родословной Тома. — Тут мадам Дипломат узрела меня в машине, и ее глаза расширились.

— Надеюсь, вам не пришлось сажать ее в клетку? — спросила она.

— Ну зачем же, мадам, — ответил Мужчина, — киска вела себя хорошо и послушно все время, что была с нами. Мы находим, что она удивительно благовоспитанная кошка.

Заслышав похвалу, я почувствовала, что вся зарделась (признаюсь, что полностью согласившись со сказанным, я даже помурлыкала, нисколько не жеманясь).

Властно повернувшись к помощнику садовника, мадам Дипломат произнесла:

— Немедля отправляйся в Дом и скажи мадам Альбертин, что она нужна мне сию же минуту.

— А! — закричал из-за дерева Кот Сторожа. — Я знаю, где ты была! Мы, Коты-Работяги, для тебя недостаточно хороши! Тебе подавай Обходительных Мальчиков!

— О Боже, — сказала сидевшая в машине Женщина, — здесь кот. Фифи нужно держать подальше от Котов.

В мгновение ока мадам Дипломат подхватила с земли какую-то палку и швырнула ее. Палка упала в футах от Кота Сторожа.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся он убегая. — Да ты не смогла бы попасть даже метлой в церковную колокольню, если бы стояла в шести дюймах от нее, ты, ***** старуха!

Я вновь покраснела. Язык Кота был действительно ужасен, так что с чувством огромного облегчения я увидела, как вдоль Подъездной Аллеи к нам на всех парах несется мадам Альбертин, буквально сияющая от радости. Приветственно вскричав, я прыгнула прямо ей на руки и принялась рассказывать, как сильно я ее люблю, как я по ней скучала и о том, что произошло со мной за время нашей разлуки. Некоторое время мы были не в состоянии оторваться друг от друга; но тут резкий голос мадам Дипломат вернул нас к действительности.

— АЛЬБЕРТИН! — прорычала она. — Вы что — не слышите, что я к вам обращаюсь? Немедленно обратите внимание на меня!

— Мадам, — произнес Мужчина, который привез меня, — эта кошка долго страдала от отсутствия внимания. Ей не хватало еды. Объядки — это НЕ СОВСЕМ подходящая пища для породистых Сиамских Кошек. Кроме того, им необходима теплая и удобная постелька. Эта кошка имеет немалую ЦЕННОСТЬ и могла бы стать выставочным экземпляром, если бы за ней лучше смотрели.

Мадам Дипломат вперила в него полупрезрительным взглядом:

— Дорогой мой, это всего лишь животное. Я заплачу вам по счету, но не пытайтесь меня учить, что и как делать.

— Но мадам, я всего лишь пытаюсь сохранить вашу ценную собственность, — произнес Мужчина; однако мадам Дипломат оборвала его, внимательно вглядываясь в счет и с неудовольствием прищелкивая языком по поводу помещенного там перечня. Затем, раскрыв свою сумочку, она вынула чековую книжку, что-то написала на одном из листочков и протянула его Мужчине. После этого мадам Дипломат бесцеремонно развернулась и удалилась прочь.

— И вот такое приходится терпеть каждый день, — прошептала мадам Альбертин Женщине.

Женщина и Мужчина кивнули ей в знак полного понимания и неторопливо удалились.

Я отсутствовала почти неделю. Наверняка за время моего отсутствия здесь произошло немало событий. Остаток дня я провела гуляя от одной точки к другой, возвращая прошлые воспоминания и знакомясь со всеми новостями. Временами я уютно и безопасно отдыхала на ветке у моего старого друга — Яблони.

На ужин, как всегда, были объедки: конечно, они были весьма недурны, но все же при этом оставались объедками. Я подумала про себя: было бы замечательно, если бы что-нибудь покупали именно для меня, вместо того чтобы скармливать мне недоеденное другими.

Наступили сумерки. Меня отыскал Гастон и, подхватив на руки, поспешил к сараю. Одним махом распахнув дверь, он швырнул меня внутрь в темноту. Затем дверь хлопнула; Гастон ушел. Как француженка по крови, не могу не отметить с болью, насколько люди-французы грубы к животным.

Дни текли, складываясь в недели. Постепенно моя фигура приобрела уважительную дородность и движения стали более медленными и плавными. В один из вечеров (тогда я была уже почти в сроке), Пьер, как всегда, грубо зашвырнул меня в сарай. Приземлившись на твердый бетонный пол, я почувствовала такую ужасную боль, как будто мое тело разламывалось надвое. Так, в темноте ледяного сарая и боли, родились пятеро моих малышей. Немного очухавшись, я насобирала обрывков бумаги и сделала для них теплое гнездышко, перетаскав их туда по одному.

На следующий день никто не пришел проведать меня. Время медленно тянулось, я все еще кормила своих малышей. К ночи я ощутила, что готова потерять сознание от голода и жажды — ведь в камерке не было ни воды, ни пищи. Новый день также не принес облегчения: ни одна живая душа не зашла ко мне, так что мои мучения продолжались. Теперь жажда была просто невыносимой, и я не понимала, отчего мне приходится так страдать. Опустилась ночь; где-то

снаружи ухали совы, вылавливая мышей в саду.

Мои котятки лежали со мной, а я размышляла над тем, как пережить завтра. День был уже в самом разгаре, когда я услышала шаги. Отворилась и перед моими глазами предстала бледная и нездоровая на вид мадам

Альбертин. Ее посетили «видения» моих страданий, и она встала со своего ложа, больная. По обыкновению, она принесла с собой пищу и воду. В эту ночь один из моих малышей умер; увидев это, мадам Альбертин разгневалась так, что не могла произнести ни слова. Ее ярость была столь велика, что она привела в сарай мадам Дипломат и мсье ле Дюка, указав на то, как ужасно со мной обращаются. Мадам Дипломат огорчилась, узнав опогибшем котенке, — это были потерянные деньги. Мсье ле Дюк, выдавив из себя слабую, беспомощную улыбку, сказал:

— Может быть, мы сможем чем-то помочь. Нужно, чтобы кто-нибудь поговорил с Пьером.

Постепенно мои котятки окрепли и вскоре у них открылись глазки. Люди приходили смотреть на них; банкноты переключивались из рук в руки и вскоре всех моих малышей забрали от меня еще до того, как они бросили кормиться моим молоком. Я безутешно бродила по усадьбе. Сетования мои так беспокоили мадам Дипломат, что она распорядилась запретить меня, пока я не успокоюсь.

Теперь я уже привыкла к тому, что меня демонстрируют на светских приемах и не имела ничего против того, чтобы сменить работу в саду на торжественное дефиле по Салону. Однако в один прекрасный день случилось неожиданное. Меня принесли в маленькую комнату, где, склонившись над столом, что-то писала мадам Дипломат, напротив нее сидел незнакомец.

— Ага! — воскликнул он, завидев меня. — Так это и есть та самая кошка?

Молча обследовав меня, он скривился и подергал себя за мочку уха.

— Животное несколько в запущенном состоянии. Накачать ее лекарствами, чтобы она перенесла путешествие в багажном отсеке самолета, — значит серьезно подорвать ее здоровье.

Мадам Дипломат яростно огрызнулась:

— Я пригласила вас, мистер Ветеринар, не для того, чтобы вы читали мне лекции. Если вы отказываетесь выполнить мою просьбу — что ж, найдется немало других, кто это сделает. Господи Боже! — гневно возопила она. — Сколько шумихи из-за обыкновенной кошки!

— Хорошо, мадам, — беспомощно пожал плечами мистер Ветеринар. — Мне нужно зарабатывать на жизнь, так что я сделаю, как вы просите. Позвоните мне приблизительно за час до отлета. — Поднявшись со стула, он поискал свой чемоданчик и вышел из комнаты. Открыв двустворчатое окно, Мадам Дипломат выгнала меня в сад.

В доме царил дух подспудного возбуждения. Большие чемоданы чистили и мыли, наклеивая на их бока этикетки с указанием новой должности Мсье ле Дюка. Пришел плотник; ему заказали изготовить деревянную коробку, которая помещалась бы в чемодане и в которую могла бы поместиться кошка. Мадам Альбертин мелькала то тут, то там, то и дело бросая испепеляющие взгляды на Мадам Дипломат.

Однажды утром, неделю спустя, Гастон пришел за мной в сарай и, взяв меня на руки, понес в гараж. При этом я не получила никакого завтрака. Я пыталась сообщить ему, что голодна, но он как всегда ничего не понял. В «ситроене» меня уже ждала Иветт, служанка мадам Дипломат. Меня усадили в плетеную корзинку с закрытым сетчатым верхом; корзинку поставили на заднее сиденье машины. Машина сорвалась с места с бешеной скоростью.

— Не понимаю, почему она хочет усыпить кошку. Правила таможенного контроля гласят, что кошка может быть совершенно свободно привезена в США.

— Да ну ее, — откликнулся Гастон, — эта женщина просто спятила, и я уже зарекся искать причину, от чего ОНА свихнулась.

Затем они замолчали и сосредоточились на дороге. Автомобиль мчался все быстрее. Тряска

была просто ужасной: моего маленького веса не хватало, чтобы мягко вдавить пружины сиденья, и меня всю дорогу било и бросало по корзинке.

Сосредоточенно вытянув лапы, я вцепилась зубами в корзинку. То было печальное сражение; я старалась не потерять сознание от ударов (хотя счет времени был утерян давно). Наконец истошно завизжали тормоза, и машина остановилась. Схватив корзинку, Гастон бегом протопал по ступенькам и внес меня в какой-то дом. Дно корзинки шлепнулось о стол, и крышку над моей головой подняли. Чьи-то руки извлекли меня и поставили на стол. После длительного напряжения ноги не слушались, и я тут же растянулась на поверхности. Мистер Ветеринар с ужасом и состраданием уставился на меня.

— Да вы же чуть не прикончили эту кошку! — гневно напустился он на Гастона. — Сегодня ей уже нельзя делать укол! Лицо Гастона побагровело от гнева:

— Усыпите эту ***** кошку! Самолет улетает сегодня, а вам уже заплачено, не так ли? В ответ мистер Ветеринар схватил телефонную трубку.

— Можете звонить сколько угодно, — сказал Гастон. — Все семейство уже в аэропорту Ле-Бурже, а я тороплюсь.

Тяжело вздохнув, мистер Ветеринар взял большой шприц и повернулся ко мне. Я почувствовала, как острая боль пронизала мои мускулы, и весь мир окрасился в кровавый цвет. Затем в глазах стало темно. Как из-за пелены тумана я еще услышала:

— Вот! От этого она будет спокойна в течение...

И тут на меня опустилось равнодушное спокойствие забвения.

По сторонам слышался ужасный рев. Мне было холодно и одиноко; каждый вдох давался с невыносимыми муками. Вокруг была крошечная тьма, мне даже поначалу подумалось, будто я ослепла. Голова совершенно раскалывалась. Никогда еще я не чувствовала себя такой брошенной, разбитой и одинокой.

Время шло, а рев все не утихал. Казалось, будто мой череп сейчас лопнет от этого жуткого гула. Тут я ощутила странное давление в ушах; в них тут же что-то защелкало, и они начали как бы набухать изнутри. Рев стал резче и яростнее. Страшный бросок швырнул меня о крышку коробки; затем еще и еще. Рев начал утихать. Его сменил странный шум — наподобие звука от колес машины, мчащейся по бетонному глоссе. Некоторое время странное шуршание продолжалось, затем рев разом стих. Постепенно нарастая, появились другие звуки: скрежет металла, приглушенные голоса и, наконец, шорох подо мной.

За моей спиной с оглушительным лязгом открылась громадная металлическая дверь, и в помещение, где находилась я, набилось несколько незнакомых людей. Грубые руки хватили ящики и швыряли их на резиновую ленту, увозившую груз куда-то прочь. Дошла очередь и до меня: пролетев по воздуху, я приземлилась, застучав всеми костями. Что-то подо мной закрипело, зашуршало. Хлоп! Мое путешествие закончилось. Лежа на спине, я видела кусочки закатного неба через сделанные в стенках редкие вентиляционные отверстия.

— Мать честная! Да тут внутри кот! — послышался чужой голос.

— Ладно, парень, это не наше дело — ответил ему кто-то другой.

Ящик, в котором находилась я, бесцеремонно схватили и швырнули в какую-то машину. Вокруг и сверху меня громоздились другие коробки. Тут машина зафырчала и тронулась. От боли и потрясения я потеряла сознание...

Я открыла глаза, и тут оказалось, что прямо в них ослепительно светит обыкновенная лампочка, закрытая сеткой. С трудом поднявшись, я нетвердо побрела к миске с водой, которую заметила неподалеку. Чтобы попить, как выяснилось, было необходимо слишком много сил; еще больше усилий потребовалось, чтобы заставить себя жить дальше. И все же после воды я почувствовала себя значительно лучше.

— Так-так, мэм, — голос был с присвистом, — выходит, вы проснулись.

Взглянув в направлении голоса, я увидела невысокого чернокожего старичка, открывавшего банку консервов.

— Да-а, мэм, — произнес он, — оба мы с черной шкурой, так что, думаю, что я буду хорошо заботиться о вас.

Он положил еду в миску, и мне удалось выжать из себя слабенькое мурлыканье в знак того, что я ценю его доброту. Он потрепал меня за уши.

— Иисусе, ну разве это не трогательно! — пробормотал он себе под нос. — Погодите, я расскажу об этом Сейди — самому лучшему человеку!

Поесть снова оказалось замечательным занятием. Я чувствовала себя ужасно, поэтому много в меня не поместилось, однако я изо всех сил старалась, чтобы не обидеть черного человека. После этого меня опять ласково потрепали и дали воды. Тут я почувствовала, что до смерти хочу спать. В углу лежала какая-то тряпка; свернувшись на ней клубочком, я забылась крепким сном.

Впоследствии я обнаружила, что нахожусь в гостинице. Прислуга все приходила в подвал, чтобы поглазеть на меня.

— О! Разве она не милашка?! — восклицали служанки.

— Эй! Вы только посмотрите на ее глаза, ребята! Замечательные глаза! — восхищались мужчины.

Едва ли не самым желанным посетителем был французский шеф-повар. Один из моих поклонников позвонил ему по телефону:

— Слушай, Франсуа, спускайся вниз! Тут у нас настоящая французская Сиамская Кошка!

Через несколько минут из коридора в комнату вкатился толстяк.

— Это у вас здесь французский кот? — обратился он к сгрудившейся вокруг меня толпе.

Я замурлыкала громче: его вид очень напоминал мне мою жизнь во Франции. Склонившись надо мной, он близоруко прищурился — и тут разразился потоком настоящего парижского диалекта! Замурлыкав, я с радостью прокричала ему что-то в ответ, поскольку отлично понимала его речь.

— Скажите на милость! — донесся приглушенный голос. — Кто бы мог подумать? Да, в этом старина Франсуа и Кот обставят кого угодно!

Черный человек открыл дверцу моей клетки, и я скользнула на руки к Франсуа. Он поцеловал меня, а я одарила его одним из самых лучших своих способов лизания, так что, когда я вновь сидела в своей клетке, на глазах у Франсуа блеснули слезы.

— Мэм, — обратился ко мне мой черный смотритель, — вам действительно удалось потрясти его. Теперь, бьюсь об заклад, вы будете кушать очень и очень хорошо.

Мой смотритель мне нравился, ведь у нас обоих были черные лица. Но, видно, приятные события в моей жизни — вещь преходящая. Два дня спустя мы переехали в другой американский город, и там почти все время я проводила в какой-то подземной келье.

В течение нескольких лет моя жизнь текла совершенно однообразно. Я уже привыкла рожать котят, которых у меня забирали всякий раз еще до того, как они отвыкнут от моего молока.

Наконец мсье ле Дюка вновь отозвали во Францию. И опять меня накачали лекарствами так, что я ничего не помнила до того момента, как разбитая и больная проснулась в аэропорту Ле-Бурже. Вопреки моим ожиданиям, возвращение домой оказалось весьма печальным. Мадам Альбер-тин уже не было — она умерла за несколько месяцев до нашего приезда. Старую Яблоню срубили, а сам Дом подвергся значительным переделкам.

Несколько месяцев я безутешно бродила по усадьбе; за это время я успела подарить миру

несколько детеньшей, которых, как всегда, у меня отобрали раньше, чем я была к этому готова. Постепенно со здоровьем становилось хуже и котята все чаще рождались мертвыми. Мне начало, изменять зрение, и я научилась определять дорогу «на нюх». Я все чаще вспоминала кота Тонг Фа, которого убили, поскольку он был старым и слепым.

Прошло уже два года с момента нашего возвращения из Америки. Мадам Дипломат решила отправиться в Ирландию, чтобы присмотреть себе там подходящий дом. Мне также предстояло ехать с ней, поскольку в голову мадам втемяшилась идея, что я принесла ей счастье (хотя это никак не изменило ее отношение ко мне).

И вновь меня отвезли куда-то и вкололи снадобье, и на какое-то время Жизнь перестала существовать для меня. Прошло довольно много времени, прежде чем я очнулась в обитой чем-то мягким коробке. Дом показался мне странным. В небе раздавался неумолкающий гул самолетов. Запах дыма от горящих брикетов торфа резко щекотал мои ноздри, и я чихнула.

— Она проснулась, — раздался глубокий голос с ирландским акцентом.

Что произошло? Где я? Меня охватила паника, но я была слишком слаба, чтобы хотя бы пошевелиться. Только позже, услышав разговоры людей вокруг и кое-что узнав от аэропортовского кота, я полностью представила себе ситуацию.

Самолет приземлился в ирландском аэропорту. Грузчики выносили багаж из багажного отсека лайнера.

— Эй, Падди! Тут валяется старая дохлая кошка! — крикнул один из них. Падди, бригадир грузчиков, подошел, с тем чтобы посмотреть.

— Позовите Инспектора, — коротко бросил он. Грузчик заговорил в свою рацию, и вскоре на арене появился Инспектор из Отдела ветеринарного контроля. Коробку, в которой находилась я, открыли; меня из нее аккуратно вынули.

— Разыщите ее владельца, — распорядился Инспектор, а сам пока занялся моим осмотром.

Мадам Дипломат, вне себя от гнева, направилась к группке людей, обсуждавших, как поступить со мной. Она уже было начала напыщенно рассказывать им о том, сколь важной персоной она является, но тут Инспектор осадил ее.

— Кошка мертва, — резко сказал он, — и причина ее смерти в преступной жестокости и отсутствии ухода. Она беременна, а вы накачали ее всякой дрянью, чтобы избежать карантина. Это серьезное правонарушение.

Тут мадам Дипломат начала всхлипывать, причитая, что если ее накажут, то это самым ужасным образом повлияет на карьеру ее мужа. На мгновение Инспектор закусил губу; затем, внезапно найдя решение, произнес:

— Животное мертво. Подпишите официальный документ, позволяющий нам избавиться от трупа, и на этот раз будем считать, что инцидент исчерпан. А на будущее я бы вам посоветовал НИКОГДА больше не держать кошек

Мадам Дипломат подписала предложенный отказ и, фыркнув, удалилась.

— Все в порядке, Брайан, — сказал Инспектор. — Избавьтесь от тела.

Он ушел, и тогда один из грузчиков вновь положил меня в коробку и унес. Откуда-то издали я слышала шорох выкапываемой земли, позвякивание металла о камешки — вероятно, заступ встречал на пути препятствия. Меня взяли на руки, и я услышала голос, казавшийся мне бесконечно далеким:

— Слава Создателю! Она жива!

Тут я опять потеряла сознание. Как мне рассказали, напарник говорившего подозрительно посмотрел на него, затем, убедившись в том, что его никто не видит, он поспешно забросал землей выкопанную для меня могилу и поспешил со мной к ближайшему дому. Что происходило дальше я не знаю, пока глубокий голос с ирландским акцентом не произнес:

— Она проснулась.

Нежные руки пробежались по моей шерсти, кто-то смочил мои губы водой.

— Шон, — произнесли по-ирландски, — эта кошка слепа. Я помахала фонарем у нее перед глазами, но она никак не реагирует на свет.

Меня охватил ужас при мысли, что из-за моего возраста и слепоты они убьют меня.

— Слепа? — спросил Шон. — Ну и что, она выглядит очень милым созданием. Сейчас я поеду к Стивидору и попрошу отгул на сегодня. Да, а потом я отвезу ее к моей матери. Мать присмотрит за ней. Здесь мы не сможем держать ее.

Я услышала, как открылась и захлопнулась дверь. Руки мягко поднесли еду прямо к моему рту, и я, совершенно измученная голодом, принялась есть. Где-то глубоко внутри я чувствовала такую сильную боль, что мне казалось, будто я умру. Зрение пропало совершенно. Позже, когда я жила у Ламы, он потратил немало денег, пытаясь исправить положение; однако врачи обнаружили, что в результате перенесенных мною потрясений мои зрительные нервы необратимо разрушены.

Открылась и вновь захлопнулась дверь.

— Ну как? — спросила женщина.

— Я сказал Стивидору, что меня страшно огорчило такое жестокое обращение с божьей тварью. На это он сказал: «Конечно, Шон! Ты всегда очень тонко чувствуешь подобное. Да, можешь взять себе отгул». И вот я здесь. Ну, как она?

— М-м-м, так себе, — сказала жена. — Я смочила ей водой губы, и она съела немного рыбы. Она поправится, но все же она перенесла жуткий Период.

Мужчина суетился вокруг:

— Собери мне чего-нибудь на дорогу, Мэри. Я отвезу кошку к матери. Я пока пойду проверю покрышки.

Я вздохнула: о Боже! неужели ОПЯТЬ придется путешествовать? Теперь боль внутри меня притупилась и стала пульсирующей. Вокруг меня слышался звон посуды и потрескивание разожженного огня. Наконец, женщина распахнула дверь и позвала:

— Шон, иди пить чай! Чайник вскипел.

Вошел Шон, и я услышала, как он моет руки перед тем, как сесть за стол.

— Нам нужно сохранить это в тайне, — сказал Шон, — если мы не хотим общения с охраной. Если нам удастся поставить ее на ноги, то ее котят принесут нам немало денег — ты же знаешь, как дороги эти твари.

Прежде чем ответить, его жена налила вторую чашку чая.

— Твоя мать знает о кошках все, так что если ее вообще возможно вылечить, то она, безусловно, сделает это. Отправляйся поскорее, пока другие не начали возвращаться с работы.

— Ясное дело, — с шумом отодвинув стул, Шон поднялся из-за стола. Они подошли ко мне, и я почувствовала, как коробку приподнимают.

— Не стоит класть коробку на багажник, Шон, — произнесла женщина. — Возьми ее в руку, а я привяжу к ней ремень, чтобы ты мог перебросить его на плечо, хотя в этой бедняжке не так уж и много весу.

Итак, Шон покинул дом, набросив на плечо ремень, которым была обвязана коробка со мной внутри. Прохладный ирландский воздух замечательно наполнял внутреннее пространство коробки, принося с собой терпкий, бодрящий аромат моря. Я почувствовала себя получше — если бы только не эта адская боль!

Раньше я никогда не ездила на велосипеде. Легкий ветерок свободно проникал в коробку через вентиляционные щели, а легкое покачивание нельзя было назвать неприятным — оно напоминало мне моменты, когда я лежала на ветке какого-нибудь высокого дерева,

раскачивавшегося под порывами ветра. Иногда мое внимание привлекал странный скрип. Поначалу я подумала, будто моя коробка разваливается; затем, внимательно прислушавшись, я поняла, что пружины под седлом велосипеда Шона явно нуждаются в смазке.

Мы добрались до подъема. Дыхание Шона становилось все более прерывистым, а педали крутились все медленнее, пока вовсе не остановились.

— Ух! Клянусь Богом! — воскликнул он. — Ну и тяжелый же ящик!

Положив коробку на седло велосипеда (оно **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** скрипнуло!), он медленно повез его в гору. Наконец он остановился, отомкнул ворота и толкнул велосипед во двор. Затем я услышала, как металл заскреб по дереву и ворота за нами с лязгом захлопнулись.

— Куда я попала? — вертелась у меня в голове неотвязная мысль. Мое обоняние уловило приятный цветочный запах, и я одобрительно фыркнула.

— Что ты привез мне, сынок? — раздался старческий голос.

— Я привез тебе Ее, Мама, — гордо ответил Шон.

Прислонив велосипед к стене, от взял коробку, аккуратно вытер ноги у порога и шагнул в дом. Присев, он испустил вздох облегчения и рассказал своей матери всю мою историю от начала до конца (насколько я могу судить об этом). Повозившись немного с крышкой коробки, он наконец отбросил ее в сторону. На мгновение в комнате воцарилась тишина. Затем я услышала:

— Ах, каким прелестным созданием была эта кошка в свое время! Посмотри, как свалялась ее шерсть сейчас! Это от отсутствия ухода. Гляди, как выпирают сквозь кожу ребра. Стыдно, очень стыдно доводить животное до такого!

Тут меня выгнали из коробки и поставили на пол. Как обескураживает неожиданная слепота! Поначалу, пытаясь делать первые неуверенные шаги, я постоянно натыкалась на разные предметы. Шон пробормотал:

— Мама, как ты считаешь, может нам лучше... Ну, ТЫ понимаешь?

— Нет, сынок, нет. Кошки такой породы умны, **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** умны. Если помнишь, я рассказывала, как однажды видела их в Англии. Нет-нет, дай ей время, и она придет в себя.

Шон повернулся к матери:

— Мама, мне нужно забрать коробку. Понимаешь, утром я должен вернуть ее Стивидору.

Заторопившись, старушка принесла мне пищу, воду и — как мне было это необходимо! — коробку с землей. В конце концов Шон уехал, пообещав вернуться через несколько дней. Старуха аккуратно закрыла дверь и подбросила немного торфу в огонь, постоянно напевая себе под нос нечто на непонятном, полагаю, ирландском, языке. Безусловно, язык не имеет особого значения для котов — ведь мы общаемся с помощью телепатии. Люди привыкли **ДУМАТЬ** на своем родном языке, так что иногда Французской Сиамской Кошке несколько неудобно переводить мысленные картинки, созданные в рамках другого языка.

Вскоре мы легли почивать: я разместились в коробке неподалеку от камина, а старуха легла на кушетке в дальнем конце комнаты. Несмотря на то что я была до крайней степени истощена, боль внутри меня гнала сон прочь. Наконец усталость победила, и я медленно погрузилась в забытие. В тот раз мне снились кошмары. «До чего же я дошла? — думала я во сне. — Почему на мою долю выпало столько страданий?» Я чувствовала страх за моих еще не родившихся котят; я боялась, что они умрут при рождении. С другой стороны, меня пугало, что этого не произойдет, — ведь какая судьба ожидала их? Разве могла я в своем ослабленном состоянии прокормить их?

Лучи рассвета заставили старуху заворочаться. Пружину кушетки заскрипели, когда она встала и направилась к камину, чтобы разжечь огонь. Встав на колени подле меня, она потрепала мою голову и произнесла:

— Мне нужно сходить к утренней мессе, а потом мы перекусим. — Поднявшись с колен, она вышла из комнаты. Я услышала удалявшийся звук ее шагов по тропинке. Потом щелкнула задвижка калитки, и наступила тишина. Перевернувшись на другой бок, я снова заснула.

К концу дня у меня немного прибавилось сил. Я была уже в состоянии потихоньку передвигаться. Поначалу я натькалась на все подряд, пока не поняла, что мебель передвигают не так уж часто. Постепенно я вполне научилась прокладывать себе путь так, чтобы получать как можно меньше ушибов. Наши вибриссы (то, что люди называют «кошачьими усами») действуют подобно локатору; благодаря им мы можем находить дорогу самой темной ночью, когда не видно ни одного мерцающего огонька, с помощью которого можно было бы ориентироваться. Теперь же моим вибриссам приходилось работать день и ночь, со сверхурочными!

Через несколько дней старуха сказала сыну, приехавшему ее навестить:

— Шон, вычисти-ка дровяной сарай. Она будет жить там. Ведь она слепа, да и я вижу не слишком хорошо — боюсь, что я случайно ударю ее и сделаю больно котяткам, — а ведь они принесут нам немало фунтов!

Шон вышел, и вскоре я услышала доносившийся из дровяного сарая шум: это он передвигал там разные вещи и собирал в кучу торфяные брикеты. Затем он вошел и сказал:

— Все готово, мама. Стопки газет я сложил на полу и закрыл окно.

И на этот раз мое ложе было сделано из газет — правда, теперь они были ирландскими. «Ладно, — подумала я про себя, — когда-то Яблоня сказала, что в самую тяжелую годину жизни ко мне придет высшее избавление. По-моему, уже самое время». Дровяной сарай был сделан из просмоленной дранки; дверь была ветхой. Полom в сарае служила утрамбованная земля, а вдоль стен высились торфяные брикеты, пустые ящики и заслуживающая внимания коллекция домашней утвари.

Для столь особого случая старуха решила закрыть дверь навесным замком воистину невероятных размеров. Приходя ко мне, она останавливалась под дверью и что-то шептала про себя, бесконечно долго перебирая ключи на связке, пока не находила нужный. Открыв наконец дверь, она осторожно входила внутрь, нащупывая дорогу в почти полной темноте. Шон хотел починить окно, чтобы в сарай проникал хотя бы луч света, однако старуха сказала:

— Стекло стоит денег. Да-да, сынок, стоит денег. Давай подождем, пока появятся котята, которых мы продадим.

И потянулись серые дни. У меня была и пища и вода, но боль все не проходила. Еды было немного — достаточно, чтобы выжить, но явно мало, чтобы восстановить силы. Я жила для того, чтобы дать жизнь своим малышам, и для того, чтобы выжить самой, приходилось бороться. Больная, ослепшая, почти постоянно голодная, я держалась лишь невероятной волей к жизни и верой в то, что «когда-нибудь придут лучшие дни!».

Через несколько недель по прибытии в Ирландию я почувствовала, что вскоре родятся мои котята. Двигаться стало труднее, а боль лишь усилилась. Теперь я не могла ни полностью вытянуться, ни свернуться в клубочек. Что-то изменилось внутри меня, и теперь я могла отдыхать лишь сидя, оперевшись плечом на что-нибудь устойчивое, чтобы уменьшить давление тела на низ живота и лапы.

Где-то через два-три дня, около полуночи, меня пронзила действительно жуткая боль. Я завизжала, как в агонии. Медленно, ценой невероятных усилий, в этот мир пришли мои малыши — трое из пяти были мертвы. Несколько часов я лежала без сил, задыхаясь; все мое тело горело, как в пламени. «Ну вот, — подумала я, — пришел конец моим дням».

Однако я выжила.

Зайдя утром в сарай, старуха разразилась потоком ругани, увидев трех мертвых котят. Она

говорила такие мерзкие вещи, что после даже обратилась к Богу с молитвой, прося у него прощения за сквернословие! Я надеялась, что теперь, с двумя малышами, которых нужно было кормить, я смогу перебраться в дом — туда, где тепло и можно найти что-нибудь вместо газет для подстилки. Однако старуха, казалось, возненавидела меня за то, что я родила лишь двух живых котят.

— Шон, — как-то вечером сказала она своему сыну, — эта кошка не проживет более двух-трех недель. Попробуй сообщить людям в округе, что у меня есть два сиамских котенка на продажу.

С каждым днем я слабела все больше. Я желала себе смерти, однако очень боялась за своих малышей. Однажды, когда они должны были вот-вот отказаться от моего молока, у ворот старухино дома остановилась машина. Находясь в сарае, я могла слышать все. Я слышала, как щелкнули открывающиеся ворота и двое прошагали по узенькой тропинке. В дверь дома постучали, и через несколько мгновений она открылась. Женский голос сказал:

— Я слышала, что вы продаете сиамских котят.

— А, да, заходите, — ответила старуха.

Воцарилась тишина; затем в сарай, шаркая, зашла старуха и схватила одного из котят. Через несколько минут она вернулась, недовольно ворча:

— И зачем это ему понадобилось смотреть на тебя!

Она вцепилась в меня с такой яростью, что я закричала от боли. С весьма взволнованным видом она внесла меня в дом. Я услышала, как меня ласково позвали; затем почувствовала легкое прикосновение рук. Мужчина сказал:

— Мы хотим забрать и Мать этих котят. Если ее не вылечить, она умрет. — Ох! — сказала старуха. — Вы не поверите, какая это здоровая и хорошая кошка!

Настроившись на мозг старухи, я читала ее мысли:

«Как же, — думала она, — я вас раскусила! Вы в состоянии заплатить мне кругленькую сумму».

Старуха рассыпалась в похвалах мне, рассказывая, как она меня любит, какое я сокровище и что она не хочет продавать меня.

Повернувшись в направлении Мужчины, я сказала ему:

— Я умираю. Не обращайтесь на меня внимания, лучше присмотрите за моими детьми.

Обернувшись к старухе, Мужчина спросил:

— Если я не ошибаюсь, вы сказали, что котят у вас двое?

Старуха согласилась с этим. После этого Мужчина твердо произнес:

— Мы заберем либо всех троих, либо ни одного.

Тут старуха назвала цену, которая ошеломила меня; однако мужчина лишь произнес:

— Хорошо. Приготовьте их, мы немедленно их забираем.

Старуха поспешно вышла из комнаты, чтобы скрыть свою радость и еще раз пересчитать денежки. Вскоре обоих моих малышей разместили в особой корзинке, которую привезли с собой Мужчина и Женщина. Женщина села на заднем сиденье; меня посадили к ней на руки. Корзинка с котятами стояла на переднем сиденье, рядом с Мужчиной. Медленно, осторожно машина тронулась в путь.

— Нам нужно вызвать ветеринара, Рэб, чтобы он сегодня же осмотрел Фифи, — сказал Мужчина.

— Она очень больна, так что я позвоню врачу сразу же, как только мы доберемся домой. Как ты думаешь, котят оставить с ней?

— Да, — ответил мужчина, — тогда им не будет скучно и одиноко.

Он вел машину так аккуратно, что я не чувствовала боли.

Тут я вновь вспомнила слова Яблони: «Ты еще узнаешь счастье, Фифи». «Может быть, ОНО уже наступило?» — думала я.

Миля за милей убегала под колесами машины. Затем мы осторожно миновали крутой поворот и начали взбираться вверх по крутому холму.

— Ну вот мы и дома, Кошки, — произнес Мужчина.

Заглушив мотор, он вышел и понес в дом корзинку с моими котятками. Осторожно, чтобы не сильно трясти меня, Женщина выбралась из машины и, поднявшись по нескольким ступенькам, вошла в дом. Как же сильно я почувствовала разницу в ощущениях! Здесь я моментально поняла, что являюсь желанной и долгожданной. Я решила, что Дерево было право. Однако я была ужасно слаба.

Женщина подошла к телефону, и я услышала, как она говорит с Ветеринаром, уже упоминавшимся в дороге. Наконец она поблагодарила его и повесила трубку.

— Сейчас он приедет, — сообщила она.

Я не хочу описывать здесь ни мою операцию, ни долгую борьбу за возвращение к жизни. Достаточно сказать, что мне пришлось перенести наиболее серьезную операцию по удалению маточной опухоли громадных размеров. После гистерэктомии я могла уже не беспокоиться о дальнейших трудностях с вынашиванием котят. День и ночь Мужчина и Женщина сидели со мной — ведь операция была настолько сложной, что моя жизнь внушала серьезные опасения. Я же ощущала все иначе, поскольку теперь я была Дома — и сама хотела жить.

Операция была уже позади, и мне оставалось лишь выздороветь. До этого я была слишком больна, чтобы интересоваться тем, КТО живет в этом доме и что представляет собою постройка. Мистер Ирландский Ветеринар сказал:

— Вы должны взять ее к себе в дом, подарить ей свою любовь — она по ней изголодалась, — а если мы и дальше будем держать ее в больнице, она просто не выживет.

Итак, меня взяли Домой. Первые пару дней я действительно вела себя очень тихо; Мужчина и Женщина все время ухаживали за мной, уговаривая попробовать самую изысканную пищу. Как нелегко мне было привыкнуть к этому: ведь я так ЖЕЛАЛА, чтобы меня уговаривали, я так ХОТЕЛА знать, что они ценят меня достаточно высоко, чтобы находить время на разговоры!

Утром третьего дня, после визита мистера Ирландского Ветеринара, Мужчина сказал, обращаясь ко мне:

— Фиф, я собираюсь привести к тебе Леди Ку'эй.

Он вышел и вскоре вернулся, ласково нашептывая кому-то. Когда они приблизились, он произнес:

— Фиф, познакомься: это Леди Ку'эй. Ку, перед тобою миссис Фифи Седовласка.

Тут же я с превеликим удовольствием услышала самый очаровательный на свете голос молодой Леди-Сиамской Кошки. Какой диапазон! Какая сила! Я была просто очарована и пожалела, что моя бедная Мамочка не смогла слышать такого замечательного голоса. Леди Ку'эй села на кровать; между нами сидел Мужчина.

— Я — Леди Ку'эй, — произнесла она, — однако, поскольку мы будем жить вместе, вы можете звать меня МИСС Ку'эй. Поскольку вы ничего не видите, то, как только сможете ходить, я покажу вам все: препятствия, «удобства», место для еды и так далее. Кстати, — самодовольно произнесла она, — у нас здесь НЕ ПРИНЯТО есть объедки, копаться в отбросах (во всяком случае, если кто-нибудь это видит); специально для нас покупается еда, причем лучшего качества. Теперь слушайте внимательно. Я вкратце расскажу вам о правилах этого дома и дважды повторять их не буду.

— Да, Мисс Ку, — покорно произнесла я, — я вся внимание. Я немного расслабилась, чтобы не так сильно тянуло швы.

— Мы находимся в Гоуте, графство Дублин, — начала Мисс Ку, — И живем мы в доме, расположенном на вершине скалы. Вста двадцати футах прямо под нами плещется море — смотрите, не свалитесь туда, ибо людей крайне огорчит, если вы упадете на какую-нибудь рыбку. Достоинно держите себя с посетителями (помните, что вы являетесь ПСК), однако вполне разрешается играть с членами Семьи.

— Пожалуйста, Мисс Ку, — вмешалась я, — а что значит «ПСК»?

— Ну, знаете ли! Да вы ДЕЙСТВИТЕЛЬНО глупая Старая Кошка! — возмутилась Мисс Ку. — ЛЮБОМУ известно, что «ПСК» означает «Породистая Сиамская Кошка» — хотя, признаюсь, я надеялась, что вы проявите больше ума и сообразительности. Впрочем, не перебивайте: ведь я даю вам жизненно важную информацию.

— Простите, Мисс Ку. Больше прерывать я вас не буду, — ответила я. Задумчиво почесав лапой свое ухо, Мисс Ку продолжила:

— Того, которого вы называете «Мужчиной», на самом деле зовут Лама Т. Лобсанг Рампа из Тибета. Он понимает язык Сиамских Кошек не хуже нас с вами, поэтому не старайтесь скрыть от него свои мысли. Он большой, бородатый и лысый; кроме того, он почти мертв после одного или двух приступов острой коронарной недостаточности сердца. Он действительно

очень болен, и некоторое время мы даже боялись, что потеряем его.

Я важно кивнула, прекрасно понимая, что значит болеть. Между тем Мисс Ку продолжала:

— Если у вас возникнут проблемы — сообщите ему, и он поможет вам избавиться от них. Если вам захочется съесть что-нибудь особенное — дайте ему знать, и он передаст ваши мысли Ма.

— Ма? — изумилась я. — Так вы живете со своей Матерью?

— Не будьте такой смешной! — немного резковато откликнулась Мисс Ку. — Ма — это Рэб, та, которую вы называете «Женщиной», которая покупает для нас все, чистит наши миски, стелет наши кровати, готовит для нас и позволяет нам спать в одной кровати с ней. Я — ее кошка; как вы понимаете, вы являетесь кошкой Ламы, — самодовольно улыбнулась она. — Вы будете спать в этой комнате, рядом с ним. Ах, кстати, вы же не Можете видеть Ма. Она невысокая, у нее приятные глаза и милые колени, а также много уютных выпуклостей по всему телу. Когда вы сидите на ЕЕ коленях, никакая кость не вопьется вам в бок!

На мгновение мы замолчали: Мисс Ку переводила дыхание, а я переваривала неожиданно свалившуюся на меня информацию. Рассеянно поиграв кончиком своего хвоста, Мисс Ку продолжила:

— Кроме того, вместе снами живет еще один член семьи — Молодая Английская Леди. Она очень высокая, поджарая, а волосы у нее — точь в точь такого же цвета, как мармелад «Том», который я однажды видела. Несмотря на это, она весьма добра и безусловно воздаст вам должное, хотя БОЛЬШЕ ВСЕГО ей нравятся большие смердящие собаки и вопящие младенцы.

— Хватит, Ку'эй, — вмешался Лама. — Фиф надо отдохнуть. Остальное ты расскажешь ей позже.

Подняв Мисс Ку, он вынес ее из комнаты. Некоторое время я лежала на его кровати, мурлыча от удовольствия. Надо же — никаких больше объедков! Я всегда думала, что с удовольствием ела бы то, что покупают специально для меня. Я всегда хотела быть желанной — эта мысль не покидала меня всю мою жизнь. И теперь я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО была желанна. Удовлетворенно улыбнувшись, я вновь погрузилась в сон.

Понемногу мои операционные раны зажили, мне сняли швы, и теперь я была в состоянии все больше и больше двигаться. Поначалу я делала это очень осторожно из-за слепоты; однако моя уверенность возросла, когда я обнаружила, что ни один окружавший меня предмет не перемещался до тех пор, пока я впервые не касалась его, уяснив его положение относительно других. Мисс Ку'эй иногда сопровождала меня, рассказывая где и что находится. Всех входящих предупреждали, что я слепа.

— Как?! — обычно изумлялись они. — Слепая? Но как она может быть слепой, ведь у нее такие большие, прекрасные голубые глаза?

Наконец мое состояние улучшилось настолько, что мне позволили выходить в сад. Замечательный воздух был напоен запахами моря и ароматами растений. Многие дни я никому не позволяла становиться между мной и дверью, так как постоянно боялась, что меня не впустят обратно в дом. Мисс Ку обычно поддразнивала меня:

— Не будь такой старой дурой, Фиф! В конце концов, мы здесь все ЛЮДИ, и никто никогда не захлопнет перед тобой дверь — никогда, слышишь?

Часто мы лежали на теплой траве, и Мисс Ку описывала окружающий нас мир. Там, внизу под нами, бушевали волны, иногда настигавшие нас прикосновениями своих белопенных пальцев. В пещере, находившейся у подножия дома, постоянно грохотала и рычала вода; в дни, когда море штормило, мне казалось, что волны готовы оторвать всю скалу целиком. Слева находился волнорез, на дальнем, вдававшемся в море конце которого возвышался маяк.

Приблизительно в миле от берега находился островок Глаз Ирландии, укрывавший

маленькую бухточку от самых жестоких набегов беспокойных волн Ирландского моря. Справа от основной береговой линии в море уходила скала под названием Зуб Дьявола — она укрывала от больших волн Место Купания Людей. Мисс Ку очень нравилось наблюдать за тем, как купаются люди; вероятно, мне это тоже понравилось бы, имей я нормальное зрение.

Позади дома возвышался Холм Гоут. В ясный день с его вершины иногда можно было увидеть материковые горы Уэльса и горный хребет Морн в Северной Ирландии.

То были счастливые деньки: мы лениво нежились на солнце, и Мисс Ку рассказывала мне о Нашей Семье. Постепенно я избавилась от страха, что передо мной закроют двери дома. Теперь мне не угрожала возможность отправиться в лапы большого, грубого Тома. Теперь сама я была желанной, и — как признала сама Мисс Ку — благодаря вниманию я распустилась подобно цветку, который вынесли на солнце после заточения в темной келье.

Мы все любили то время. Лама часто усаживал меня на одну из нижних ветвей небольшого деревца, придерживая меня, чтобы я не упала, а я, размечтавшись, представляла, что по крайней мере теперь нахожусь в райских садах.

Поначалу меня беспокоили морские чайки. Со свистом пролетая над головой, они громко кричали:

— Эй, посмотрите на эту кошку там внизу! Давайте бросимся на нее, скинем ее со скалы и съедим.

Тогда Мисс Ку издавала наш знаменитый Сиамский Военный Клич и обнажала свои клыки, в любой момент готовая к атаке. Постепенно в воздухе утихал свист крыльев, и все птицы, яростно покружившись над головой, спешили удалиться. Долгое время меня интересовала причина этого — ведь я не склонна все время задавать вопросы. Затем я нашла ответ: это было время, когда рыбацьи суда возвращались к берегу и птицы спешили поживиться рыбьими внутренностями, которые моряки смывали с палубы.

Как-то в солнечный полдень я как раз нежилась в теплой тени куста вероники, как вдруг услышала голос Мисс Ку:

— Приготовься, Фиф, нам предстоит поездка.

ПОЕЗДКА? В МАШИНЕ? Я едва не лишилась чувств от ужаса и удивления. Ведь речь шла о МАШИНЕ, а, судя по голосу, мисс Ку'эй была ДОВОЛЬНА!

— Но Мисс Ку, — растерянно пыталась возразить я, — я просто НЕ МОЕУ ехать куда-нибудь на машине. Что, если они где-нибудь оставят меня?

— ФИФ! — позвал Лама. — Иди же скорее, мы уезжаем.

Я настолько оцепенела от страха, что им пришлось поднять меня и отнести в машину. Совсем иначе вела себя мисс Ку. Напевая от радости, она помчалась к машине, крича:

— Чур, мое переднее сиденье!

— А кто поведет машину, Мисс Ку? Лама? — осторожно спросила я.

— Конечно, он. И перестань все время повторять «Лама». Называй его так же, как и я, — Хозяин.

Естественно, Лама (извините — Хозяин) сел на переднее сиденье автомобиля рядом с Мисс Ку. Ма села сзади и взяла меня на руки. Рядом с Ма расположилась Молодая Английская Леди (тогда я еще не могла выговорить ее имя).

— Ты хорошо закрыла двери? — спросил Хозяин.

— Конечно, как всегда, — ответила Ма.

— Ну же, поехали! Чего тратить время? — завизжала Мисс Ку.

Хозяин сделал то, что делает каждый человек, который заводит машину. И мы отправились в путь.

Меня восхищала плавность нашего передвижения. Насколько это отличалось от моего

опыта поездок во Франции и Америке, когда меня бесцеремонно швыряло из стороны в сторону! Спустившись вниз по холму, мы сделали резкий поворот и, проехав еще несколько миль (или, может, километров) — короче, через три-четыре минуты, — резко свернули вправо. Где-то через минуту мы остановились.

Двигатель умолк, и я почувствовала сильный запах моря. Тончайшая взвесь морских капель, приносимых бризом, щекотала мои ноздри. Повсюду слышались голоса людей и чиханье моторов. До нас доносился сильный запах свежей рыбы и рыбы, немного подпортившейся под палящими лучами солнца. Пахло дымом и просмоленными канатами.

— Ах, как замечательно пахнет рыбой! — выдохнула Молодая Английская Леди. — Может, я схожу и куплю немного?

Выйдя из машины, она направилась к одному своему доброму знакомому, который продавал нам только что выловленную рыбу. БУМ! Хлопнул багажник сзади машины, приняв завернутый пакет с рыбой. ХЛОП! Дверь машины щелкнула, и Молодая Английская Леди уже сидела внутри.

— Мисс Ку! — прошептала я. — Что это за место?

— Это? Это бухта, в которую приходят рыбацьи суда с нашим ужином. По одну сторону от нас стоят большие склады, а по другую плещется вода. Корабли привязывают кусками каната, чтобы их не унесло в море, пока команда не подготовится. А, тебя интересует дым? Это люди помещают рыбу в поток дыма — так она медленнее портится (по крайней мере, это не так чувствуется из-за дыма).

Вскочив на спинку сиденья Хозяина, она завопила:

— ЧЕГО МЫ ЖДЕМ? Поехали в Портмарнок.

— Ку! Ты нетерпеливая негодница! — произнес Хозяин, заводя машину.

Мы вновь тронулись в путь.

— Мисс Ку! — сказала я, боюсь, весьма озабоченным тоном. — Я не могу произнести имя Молодой Английской Леди, а когда пытаюсь сделать это, то оно звучит как напоминание о жадном Томе. Что мне делать?

Мисс Ку села и, подумав некоторое время, заявила:

— Ну, этого я точно не знаю.

Вдруг она вскочила и сказала:

— Вот! Я знаю! На ней зеленый костюм, она очень высокая, сухопарая, а волосы на голове какого-то желтоватого цвета. Слушай, Фиф! Зови-ка ее ЛЮТИК — она все равно не узнает об этом.

— Благодарю вас, Мисс Ку, — ответила я. — Теперь я буду называть ее мисс Лютик.

— Мисс ничто, — возразила Мисс Ку. — Мы могли бы назвать ее мисс Лютик, но ведь она миссис, ибо у нее так же, как у тебя, были котята. Нет, фиф, теперь ты уже не в вежливом французском обществе. Теперь ты ДОМА, так что говори просто Хозяин, Ма и Лютик. Здесь только я Мисс Ку.

Машина плавно катилась вперед. Еще до того, как я осознала это, мы уже приехали — туда. Мы остановились, двери открылись и меня вынесли наружу.

— Ах! Вот где настоящая ЖИЗНЬ! — закричала Мисс Ку. Мягкие руки взяли мои лапы и провели ими по песку.

— Смотри, Фиф, это — песок, — сказал Хозяин.

Грохот и шипение волн в скалах успокоили меня, солнце приятно согревало спину. Мисс Ку, как сумасшедшая, носилась по песку, не скрывая криков радости. Семья (МОЯ СЕМЬЯ) спокойно сидела рядом. Я сидела у их ног и играла морским камешком. Я была уже слишком стара и чувствовала себя не совсем здоровой, чтобы совершать такие скачки, как Мисс Ку.

Ощущение удобства и теплого солнечного света охватило меня, и я заснула...

Солнце скрылось за тучами, и моросил небольшой дождик. «Странно! — подумала я. — Как я попала СЮДА?» И вдруг до меня дошло: я совершала Астральное Путешествие. Подобно легкой тучке, я скользила над прибрежными дорогами, двигаясь вглубь материка, пролетела над громадным аэропортом «Ле-Бурже» и устремилась дальше. Вдоль прямой белой дороги все еще неумолимо, как стражники, стояла длинная шеренга тополей. Высокий шпиль церкви, наполовину спрятавшись в тумане, проступал из-за деревьев кладбища, оплакивая дождем тех, кто вечным сном почил под землей.

Я скользила легко, подобно облачку, затем спустилась ниже. И тут я увидела (в Астрале видят все) надпись: «Посвящается светлой памяти...» Поначалу я не могла ничего понять — и тут до меня дошло!

— Здесь похоронена МАДАМ АЛЬБЕРТИН! — закричала я.

Из горла вырвались рыдания. В КОНЦЕ КОНЦОВ, она единственная любила меня. Теперь ее уж нет, а я купаюсь в любви и счастье. Что ж, подумала я, она покинула этот ужасный мир и тоже нашла свое счастье и любовь. Вздохнув, я бросила последний взгляд на могилу и вновь поднялась в воздух.

Подо мной Сторож мел двор у своей Сторожки. Собака, прикованная цепью к стене, при виде меня залилась сердитым лаем и рычанием. Внизу возвышался Дом: величественный, недружелюбный, холодный. Казалось, он предупреждал каждого: вход запрещен! На террасу вышла Мадам Дипломат. Инстинктивно я было рванулась прочь, но ведь она не видела меня, парившую на уровне плеча. Она похудела и выглядела подурневшей. Морщины от постоянной гримасы недовольства исказили ее черты, уголки рта были резко опущены вниз. Безрадостный портрет довершали тонкие губы и резко выделявшиеся ноздри.

Я решила слетать к Старой Яблоне, но, приблизившись к месту, тут же остановилась, охваченная ужасом. Деревя не было: его спилили и даже пень выкорчевали прочь. Молча горюя, я некоторое время покружила над землей. Потом, повинувшись какому-то необъяснимому порыву, я вдруг направилась к старому сараю, который долгое время был моим единственным домом. Сердце мое дрогнуло и на мгновение перестало биться — останки моей подруги-Яблони были свалены под стеной на дрова. Скрипнула дверь. Из сарая вышел Пьер, держа в руке топор. Вот он замахнулся... В ужасе я поспешила прочь от этого места.

— Эй! Э-эй, Фиф! — усадив меня на плечо, Хозяин принялся носить меня, как ребенка. — Ты спала на солнцепеке, и тебе приснился кошмар. Я удивляюсь тебе, Фиф!

Поежившись от недавно увиденного, я ощутила неожиданный прилив благодарности. Повернувшись, я облизала ухо Хозяина. Подойдя к обрыву над морем, он остановился, не снимая меня с плеча.

— Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, Фиф, — сказал он. — Знаешь, мне ведь тоже пришлось пережить немалые трудности.

Потрепав мой загривок, он направился к остальным членам Семьи.

— Не пора ли нам возвращаться? — спросил он. — Бабушка Седовласка устала.

Я все мурлыкала, мурлыкала, МУРЛЫКАЛА... До чего же приятно, когда кто-нибудь думает о тебе и может ПОГОВОРИТЬ с тобой! Мы сели в автомобиль и отправились домой.

Может быть, я действительно выжившая из ума Старая Кошка, но у меня действительно есть несколько фобий. Даже теперь я не люблю автомобили. Конечно, на это влияет слепота, но все равно я опасаюсь, что меня могут где-нибудь забыть. Иное дело Мисс Ку'эй: она всегда находится в душевном равновесии и ничто не может вывести ее из себя. В любой момент она оказывается хозяйкой ситуации. А я — ну, скажем — я иногда веду себя несколько эксцентрично. Поэтому меня еще больше восхищает, насколько они меня любят. Это великое

счастье, поскольку сейчас я уже НЕ ПЕРЕНЕСЛА бы одиночества. Годами я стремилась к тому, чего меня лишали, а теперь хотела в полной мере получить то, о чем мечтала.

Мы перевалили черед Холм Гоут, затем миновали трамвайные колеи, проложенные вдоль дороги. И опять вверх-вниз. Вниз, к деревне, затем повернуть направо перед большой Церковью, дальше — мимо дома мистера и миссис О'Грэйди, потом налево — и вот мы дома. Через забор заглядывает милый старый мистер Лофтус — «наш» полицейский. Мы никогда не упускаем возможности поболтать с ним, ибо Хозяин говорит, что мистер Лофтус — один из лучших людей во всей Ирландии и даже в мире!

Я порядком устала и была рада возвращению домой. Мне хотелось лишь немного поесть, попить и заснуть на кровати Хозяина под убаюкивающий шум волн, напоминавший мне колыбельную, которую пела моя Мама. Последнее, что я услышала сквозь сон, была фраза Мисс Ку:

— Эй! Я тоже хочу спуститься в гараж и ставить машину!

Мягко хлопнула дверь и наступила тишина. Как приятно было спать, зная, что никто не станет преследовать меня, не унесет в темный дровяной сарай! Как хорошо ощущать, что меня уважают, что я имею такие же права, как и любой другой в этом доме! Вздыхнув от удовольствия, я свернулась калачиком и захрапела чуть громче.

— ФИ-ИФ! Бабушка Седовласка! А ну-ка, вставай с кровати, Хозяин хочет прилечь!

— Ку'эй! Не будь такой занудой. БЕЗУСЛОВНО, Фифи может оставаться в кровати. Немедленно ПРЕКРАТИ кричать на нее!

Судя по голосу, Хозяина это рассердило. Приподняв голову, чтобы лучше слышать, я определила, где пол, и спрыгнула с кровати. Нежные руки мягко, но крепко подхватили меня и водрузили на прежнее место.

— Эх, Фиф! Да ты такая же противная, как и Ку'эй. Оставайся на кровати — ты составишь мне компанию.

И я осталась.

Лама (ох, простите! Хозяин) был очень больным человеком. Когда-то он переболел туберкулезом (несколько лет назад от этой болезни умер один из моих малышей), и несмотря на то, что вылечился, его легкие все же были поражены навсегда. Трижды у него был тромбоз коронарных сосудов сердца; хватало и других хворей. Как и я, он нуждался в частом отдыхе. Иногда он всю ночь ходил по комнате, так как боль не давала ему спать; тогда я ходила вместе с ним, пытаясь как-то его утешить.

Эти ночные часы, когда мы были с ним одни-одинешеньки, были самыми худшими. Я много спала днем, чтобы иметь возможность быть с ним ночами. Ма спала в комнате в противоположном крыле дома: за ней присматривала Мисс Ку. Лютик спала внизу; из окна ее комнаты открывался вид на Ирландское море, а по утрам можно было видеть паром, отправляющийся из Ливерпуля в порт Дан Лаогер.

Хозяин и я спали в комнате, выходящей на залив Бальскадден. Из наших окон было видно и Бухту, и Ирландское море. Хозяин мог часами лежать на кровати, разглядывая вечно изменяющиеся картины моря через свой мощный японский бинокль. Брэд Кемпбелл, один из наших старых и лучших друзей, вынул из бинокля те слабенькие линзы, которые стояли там вначале, заменив их на отличное зеркальное стекло, не дававшее оптических искажений. Так мы и сидели вдвоем: он разглядывал панораму перед собою, рассказывая мне обо всем, что видит, и проецируя мне мысленные образы так, чтобы я могла увидеть так же четко. Он рассказывал мне о Глазе Ирландии, о том, как много лет назад отважные монахи попытались построить там маленькую церковь, и о том, как шторм разрушил плоды их труда.

О Глазе Ирландии рассказывала мне и Мисс Ку. Однажды ей хватило смелости отправиться

туда вместе с Хозяином на маленькой лодке; и она играла в песке этого острова. Она рассказывала мне о Котах-Пиратах, которые жили на Острове и пугали тамошних птиц и кроликов. Хозяин ничего не говорил мне о Котах-Пиратах (возможно, он не верил, что коты могут пасть так низко), однако он рассказывал мне о людях-разбойниках, иногда даже называя их имена. В нашем квартале было немало разбойников, и Хозяин знал практически каждого, кто занимался этим, — он сделал много фотоснимков своей камерой с телеобъективом.

Ма также занималась фотографией; куда бы она ни направлялась, в ее сумочке всегда лежал фотоаппарат. Но все же главной заботой Ма было присматривать за нами и попытаться помочь Хозяину протянуть еще несколько лет. Поэтому она была постоянно занята. Конечно, главной домоправительницей была Мисс Ку: она внимательно следила за тем, чтобы никто не отлынивал от дела, и не упускала ни одной поездки на автомобиле.

Лютик также была занятым человеком: она помогала присматривать за домом, и они с Хозяином часто отправлялись на длинные прогулки, всегда дававшие Лютику новые идеи для рисунка и живописи. Мисс Ку и Хозяин рассказали мне, что она — очень талантливая художница, поэтому я попросила ее сделать иллюстрации к этой моей книжке. Мисс Ку говорит, что никто не создал бы лучших иллюстраций. Я очень хотела бы посмотреть на них, но, к сожалению, никто не вернет мне зрения.

Нам очень нравилось укладывать Хозяина в кровать прежде, чем с ним случится еще один сердечный приступ, а затем ждать, когда к нему в гости придет мистер Лофтус. Мистер Лофтус был очень высоким и широкоплечим мужчиной. Все мы очень любили его. Мисс Ку была даже влюблена в него (она сама разрешила мне упомянуть об этом небольшом флирте). Еще одним долгожданным гостем была миссис О'Грейди; она могла навестить нас в любое время и принимали ее как члена семьи. Брэд Кемпбелл появлялся гораздо реже, чем нам того хотелось, — он был весьма занятым человеком (то есть он был замечательным рабочим).

Однажды мы обсуждали путешествия, особенно путешествие самолетом. Тут Мисс Ку заговорила:

— Ой! А однажды мы летели из Англии (сколько радостных воплей!) и представители авиакомпании отказались размещать КОШЕК в одном салоне с людьми. И тогда Хозяин сказал:

— Отлично, если они не желают видеть мою кошку, значит, они не хотят видеть и меня. Значит, мы найдем себе самолет, а заодно перевезем и все наши вещи.

И мы полетели на нанятом самолете, и там Хозяину дали баллон с кислородом, а потом еще он рассердился на служащих аэропорта в Дублине, потому что они хотели усадить его в кресло-каталку, словно какого-нибудь инвалида.

Мне стало очень приятно от мысли, что Семья так хорошо заботилась о Мисс Ку — значит, и обо мне! — совсем как о людях. Мы улыбнулись, когда Хозяин шутливо напустился на нас, обзвав сплетничающей парой кошек-старушек.

— Мисс Ку, — сказала я однажды утром, — миссис ОТренди частенько заходит к нам. Но почему не приходит ее МИСТЕР?

— Ах, моя дорогая, — ответила Мисс Ку, — ему приходится много работать. Он руководит электричеством в Ирландии, и если он не будет наливать его в провода, то как же мы будем готовить пищу?

— Но Мисс Ку, ведь мы используем газ в таких металлических штуках. Специальные люди привозят нам эти штуки каждые три недели.

— Фиф, — в изнеможении вздохнула Мисс Ку, копируя Хозяина, — Фиф, люди ВИДЯТ, а когда им нужно что-то увидеть, они пользуются электричеством. Так ведь? Ты не можешь этого знать, ведь ты не видишь. В доме есть такие стеклянные бутылочки; они прикреплены к проводкам и свисают с потолка. Когда люди запускают в них электричество по проводам,

становится светло. МЫ ИСПОЛЬЗУЕМ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО, Фиф!

Отвернувшись, она пробормотала:

— Как мне надоели кошки с их глупыми вопросами!

Мы действительно немало пользовались электричеством. Ма и Хозяин делали много цветных снимков и потом показывали их на экране с помощью специальной лампы. Мне нравилось сидеть спиной к этой лампе, греясь в ее замечательных теплых лучах.

Телефона в Гоуте не было: кто-то рассказал мне, что у ирландских телефонных служб не хватало телефонных линий. Я не могла понять, почему бы им не наделать их больше, как в других странах; впрочем, это не имело для меня особого значения. Мы пользовались телефоном миссис ОТрейди, который она с радостью предоставляла в наше распоряжение. Ма ОЧЕНЬ любила «Ви ОТ» (так мы называли нашу соседку).

Хозяину она также нравилась, однако он проводил больше времени с мистером Лофтусом. Из большого, выходящего на бухту панорамного окна было видно, как мистер Лофтус огибает угол у подножия крутого холма, бредет вдоль Бальскадден-Роуд, направляясь туда, где собирались все любители пикников. В дни, когда он был свободен от службы, мистер Лофтус часто навещал нас — и всегда был желанным гостем в нашем доме. Иногда в такие дни Хозяин лежал в кровати, а мистер Лофтус сидел лицом к нему напротив окна.

Кроме того, мы могли слушать весь мир! У Хозяина был очень мощный коротковолновый приемник, который ловил радиопрограммы из Китая, Японии, Индии и даже сообщения Ирландской полиции и пожарных. Я предпочитала слушать музыкальные передачи из Сиама (или Таиланда, или как там называется родина моих предков). Заслышав эту музыку, я садилась и, покачиваясь всем телом, слегка отмечала ритм движениями головы. Мысленным взором я рисовала себе храмы, бесконечные поля и деревья.

Мне часто удавалось заглянуть в самую глубь истории моих предков. Некоторые из кошек нашей породы жили в Тибете (на родине Хозяина) — там они охраняли монастыри и дома Лам. Подобно тибетским хранителям, нас также учили отпугивать воров, охранять драгоценности и культовые предметы. Из-за необычайного холода, царившего в тибетских горах, местные сиамские кошки были практически полностью черными. Вероятно, не все знают, что мех кошек моей породы изменяет свой цвет в зависимости от температуры. В холодных странах мы вырастаем почти черными, а в тропиках наша шерстка очень близка к белому цвету. Котята у нас рождаются снежно-белыми комочками; позже появляются характерные «отметины» на шерсти. Как и у людей, разделяющихся на белую, желтую и черную расы, у нас имеются собственные различия. Я, например, окраской напоминаю тюленя, а Мисс Ку'эй расцвечена пятнышками шоколадного оттенка. Действительно, ее Отец был Чемпионом породы и носил кличку Шоколадный Солдат. Вообще у Мисс Ку замечательная родословная. Мои же документы, естественно, были утеряны. Однажды мы с Мисс Ку обсуждали это.

— Мисс Ку! Как бы я хотела показать вам свою родословную, — произнесла я. — Меня очень печалит, что все бумаги остались во Франции. Знаете, без них я себя чувствую как бы ГОЛОЙ.

— Ну, ну! — принялась утешать меня Мисс Ку. — Фиф! Брось думать об этом. Я переговорю с Хозяином и попрошу его уничтожить мою родословную. Тогда мы ОБЕ будем равны.

Прежде чем я попыталась что-либо возразить, Мисс Ку, змеей крутнувшись на месте, выскользнула из комнаты. Я слышала, как она спускается по лестнице к Хозяину, что-то делавшему с длинной медной трубой, с обеих сторон закрытой стеклышками (я слышала, что прикладывая эту трубу к глазу, он мог видеть дальше). Вскоре Хозяин и Мисс Ку поднялись вверх, все еще споря на ходу.

— Ну ладно, — произнес Хозяин, — если тебе этого так хочется — ведь ты всегда была сумасшедшей кошкой!

Он подошел к письменному столу, и я услышала шорох бумаг, а затем хруст зажженной спички. Я почувствовала запах горящей бумаги, а затем постукивание каминных щипцов, превративших пепел в пыль. Подойдя ко мне, Мисс Ку легонько толкнула меня.

— Ну вот, — улыбнулась она. — Теперь ты можешь оставить свои глупые волнения. Хозяин и Ма не собираются страдать из-за этих бумажек — или как их там? — родословной. МЫ и есть ИХ дети.

В носу что-то защекотало, и я чихнула. В воздухе носился замечательный аромат, который мне довелось чувствовать лишь однажды.

— Фиф! Ты где? — позвала меня Ма.

Сообщив ей, что я уже иду, я спрыгнула с кровати. Прислушиваясь к направлению, которое мне указывал мой нос, я спустилась по лестнице, увлекаемая тонкой струйкой приятного запаха.

— Это омар, Фиф, — произнесла Ма. — Попробуй-ка!

Пол на кухне был каменным. Однажды Хозяин рассказал Мисс Ку и мне историю, смысл которой заключался в том, что между камнями основания существовал проход, соединявший кухню с пещерой внизу. Я очень переживала: а вдруг какой-нибудь пират или разбойник толкнет снизу этот камень и я упаду вниз! Однако Ма звала меня к себе — и звала для того, чтобы я попробовала новую пищу.

Как Французская Сиамская Кошка, я обладала природным интересом к еде. Любовно потрепав меня за уши, Ма подвела меня к миске, в которой лежал омар. Мисс Ку уже вовсю трудилась у своей.

— Давай, Фиф, вцепись в него до хруста! — сказала она. — Что ты ходишь вокруг да около, будто старый беззубый ирландец!

Конечно, я никогда не обижалась на слова Мисс Ку. Ведь ее сердце было столь же нежным, как мякоть креветки, и потом, она срадостью приняла меня, умиравшую, униженную, в свой дом. Какой грубоватой она ни казалась (несмотря на ее аристократические манеры), узнать ее — значило обязательно полюбить.

Омар был восхитительным!

— Он выловлен у Глаза Ирландии, Фиф, — поведала мне Мисс Ку. — Хозяин решил, что нам будет приятно такое разнообразие.

— Как?! — изумилась я. — Разве он не ест омаров?

— Никогда! Он считает, что это жуткая гадость. Но если нам омары нравятся, он будет покупать их. Ты помнишь те креветки, Фиф?

Еще бы я не помнила! Когда Хозяин и Ма впервые привели меня к себе в дом, я была голодна, но слишком слаба, чтобы есть.

— Откройте ей банку креветок, — сказал тогда Хозяин. — Она слишком ослабла от голода.

Открыли банку, но я даже не пошевелилась. Хозяин взял одну креветку и провел ею по моим губам. И я поняла, что никогда раньше не ела ничего более изумительного. В итоге я опустошила всю банку еще до того, как осознала это. Тогда мне было очень стыдно за свою поспешность; я и теперь краснею, когда вспоминаю об этом. И теперь Мисс Ку, желая вогнать меня в краску, всегда напоминает:

— Эй, Фиф! Ты помнишь те креветки?

— Фиф, Хозяин собирается взять нас на автомобильную прогулку. Мы проедем мимо того самого дома, где ты жила раньше. И не кривись так: ведь мы проедем МИМО.

Мисс Ку вышла и направилась вниз, в гараж, чтобы помочь Хозяину вывести машину — замечательный «хамбер хоук». Я осталась с Ма, помогая ей собраться, а затем спустилась вниз,

чтобы проверить, закрыла ли Лютик задние ворота сада. Мы сели в машину и, спустившись к подножию холма, проехали под трамвайным мостом и направились в сторону Саттона (там жил еще один наш старый друг, доктор Чепмен). Мы проехали немалое расстояние и находились уже, должно быть, неподалеку от Дублина. Мисс Ку помогала Хозяину вести машину, рассказывая ему, когда можно прибавить скорости, куда повернуть и что за машины встречаются нам на пути. От нее я узнала очень многое. В частности, я услышала о Дублине. В промежутке между командами Хозяину — «Стоп! Тормози! Не забудь про этот поворот, да скорей же! Не пропускай вперед эту машину!» — она описывала мне места, которые мы проезжали.

— Сейчас здесь находится железнодорожная станция Уэстланд Роу, Фиф. Отсюда отправляются поезда. Здесь мы поворачиваем, Хозяин. Да, Фиф, сейчас мы проезжаем Нассау-Стрит. Притормози, Хозяин, я как раз рассказываю Фиф об этом. Раньше мы жили здесь, как раз напротив Трини-ти-колледж. Хозяин! Ты так мчишься, что я ничего не успеваю рассказывать, Фиф. А это Сент-Стефенс Грин, я здесь была. Здесь всегда крикают утки. Хозяин! Не забудь, что здесь на углу стоит офицер Стражи. С этой улицы к нам поступают радиосообщения, Фиф.

По мере того как мы проезжали улицы Дублина, Мисс Ку давала мне беглые комментарии. Затем, когда дома и улицы города остались позади, Хозяин придавил что-то ногой: машина помчалась быстрее, получая больше пищи.

Мы ехали горными дорогами, окаймлявшими, по словам Мисс Ку, «резервуар» — по-моему, это была большая чаша с водой, из которой пил весь Дублин. Наконец мы подъехали к тому самому дому. Машина остановилась. Взглянув в моем направлении, Хозяин заметил, насколько я разволновалась, и машина рванулась с места. Я испустила вздох облегчения, все еще несмотря ни на что боясь, что меня вернут, как бесполезную, старую, слепую кошку. Чтобы показать свою радость, я замурлыкала и лизнула руку Ма.

— Великие коты! Слушай, Фиф, — сказала Мисс Ку, — мы уж думали, то с тобой что-нибудь случится с перепугу и ты покинешь этот мир, окутайная кисеей святости! Мужайся, старушка! ТЕПЕРЬ ТЫ ЧЛЕН СЕМЬИ!

Мы немного поиграли среди кустов вереска; Мисс Ку все кричала о том, как много кроликов она собирается поймать здесь. Затем, увидев животное, которое Хозяин называл овцой, она внезапно замолчала. Я не могла видеть эту овцу, однако мой нос ощутил странный запах баранины и тяжелый дух старой шерсти.

Затем мы вновь сели в машину и направились в сторону дома. Когда мы проезжали мимо маяка Бейли, что на холме ГоутХед, ревун, который включают при сильном тумане, буквально разрывался, как корова перед отелом. Мимо нас прозвенел трамвай; его колеса выстукивали свою ритмичную мелодию на железных рельсах.

— Остановись у почты, — сказала Ма. — Там на наше имя должно быть несколько посылок.

— Фиф, — обратилась ко мне Мисс Ку, пока мы ждали Ма. — Фиф, человек сказал Хозяину, что двое твоих котят отлично растут. У них все в порядке и уже даже появился черный мех на мордочках и хвостах.

Я удовлетворенно вздохнула. Все-таки жизнь была ко мне благосклонна. Дети мои росли вместе и были счастливы. Они были последними моими котятками и я гордилась ими — гордилась тем, что их хорошо приняли и что они теперь счастливы.

А-а-а! Доброе утречко вам, — сказал Пат-почтальон, когда мы с Ма, заслышав его звонок, открыли ему дверь. — Я тут принес ему такую кучу писем, что едва не сломал себе хребет, взбираясь вверх по холму!

Пат-почтальон также был нашим старым другом. Много раз Хозяин сажал его в свой автомобиль и помогал развозить почту, когда ноги Пата совсем отказывались служить ему. Пат знал все и вся в этом квартале, и мы почерпнули у него много чего из местного колорита. Мне нравилось нюхать отвороты его брюк: по запаху я могла определить, шел ли он через Гоут Хед или продирался через заросли вереска на берегу. Как правило, я безошибочно определяла момент, когда Пат «пропускал махонькую», чтобы согреться во время разноски вечерней почты.

Ма приняла письма, а я забралась на кровать Хозяина, чтобы помочь ему их прочесть. В это утро писем БЫЛО действительно много — из Японии, Индии и от его друзей в Германии. Было одно письмо из Дублина. Послышался звук разрезаемого конверта, и Хозяин вытащил лист бумаги.

— Х-м-м! — произнес он. — Ирландская налоговая инспекция ничем не лучше английской. Это требование о заполнении декларации — чистый грабеж. Мы не можем ПОЗВОЛИТЬ себе оставаться в Ирландии.

И он погрузился в угрюмое молчание. Ма примостилась на краешке кровати. По лестнице взбежала Лютик: ей хотелось узнать, что нового в сегодняшней почте.

— Это просто изумляет меня, — произнес Хозяин. — Почему вместо того, чтобы удержать нам подобных в стране, ирландские налоговые инспекторы заставляют нас ее покинуть, облагая немислимыми, хищническими налогами! Мы живем здесь уже довольно долго, но налоговое управление никогда не бывает довольным — все они хотят заполучить свой кусок пирога и тут же его съесть. Мы, Писатели, как никакой другой здешний люд страдаем от чрезмерных налогов.

Понимающе кивнув, я уперлась головой в его ногу. Ведь он хотел стать гражданином Ирландии, он ЛЮБИЛ ирландцев — всех, за исключением ирландских налоговых инспекторов! Хозяин считал, что эта служба воняет похуже грязной консервной банки, из которой ел бродячий кот; инспекторы этой службы были совершенно лишены здравого смысла, просто СЛЕПЫ. Потянувшись ко мне, Хозяин схватил меня за ухо:

— Если бы не кошки — я имею в виду тебя, Фиф, — мы бы отправились в Танжер, или в Голландию, или еще куда-нибудь, где мы были бы более желанными гостями. Но ведь ты наша старая Бабушка-Кошка и я не хотел бы огорчать тебя, если бы от этого не зависела моя жизнь.

— Господи, Хозяин! — воскликнула я. — О чем ТЫ говоришь! Я в состоянии выдержать столько же, сколько и ты — даже немножко больше. Мое-то сердце в порядке!

— Конечно, Фиф, — он погладил мой подбородок и плечо, — твое сердце здорово и вообще ты самая лучшая Бабушка-Кошка.

— Возможно, — ответила я. — Мы оба одновременно переживем это и никогда не расстанемся. Я бы очень ХОТЕЛА, чтобы было именно так!

Остаток дня все провели в несколько печальном настроении. Было очевидно, что не стоит и мечтать жить в Ирландии, если налоговые инспекторы собираются отобрать все. У нас и без того хватало проблем: вокруг дома постоянно шныряли агенты Прессы; иногда они смотрели на дом через бинокли, освещая спальню переносными зеркалами.

В Прессе публиковались далекие от правды рассказы о Хозяине, причем ему никогда не позволяли высказать СВОЙ взгляд на положение вещей. Хозяин считает Журналистов одним из самых больших несчастий на земле — я это знаю, потому что неоднократно слышала, как он

говорил об этом. Судя по рассказам Мисс Ку, он совершенно прав.

— Я схожу к миссис ОТрейд, чтобы позвонить Брэду Кемпбеллу, — сказала Ма. — Я обнаружила, что кто-то сломал замок на задних воротах. Надо бы его починить.

— А! Я думаю, что это дело рук тех туристов из Ливерпуля, — откликнулся Хозяин. — Брэд говорил мне, что во времена его Отца туристы разбивали свой лагерь в передней части его сада.

Как только Ма вышла на дорогу, меня позвала Мисс Ку, находившаяся в кухне. Она сказала, что нам приготовлен замечательный обед. Спустившись по лестнице, я встретилась внизу с Мисс Ку.

— А, вот и ты, Фиф, — сказала она. — Я убедила Лютика накормить нас пораньше, чтобы мы могли спуститься в сад и посмотреть, нормально ли растут цветы. Она немного поворчала, но в конце концов приняла Правильное Решение. А ну-ка, подтяни живот!

Я всегда могла втягивать живот. Но ведь я ЛЮБИЛА поесть и всегда считала, что пища — единственный способ восстановить силы. Теперь я весила добрых семь фунтов и чувствовала себя хорошо, как никогда. Более того, это мне никак не мешало нормально ориентироваться — Хозяин показал мне, как это делается.

— Ты глупая старушенция, Фиф! — сказал он однажды.

— Почему, Хозяин? — спросила я.

— Ну ладно, ты слепая. Но ведь в астрале ты зрячая. Так почему бы во время отдыха не подняться в астрал и не посмотреть, изменилось ли положение окружающих предметов? Почему бы не провести добрую старую экскурсию по дому? Вы, кошки, не используете и половину разума, данного вам природой.

Чем больше я задумывалась над этой мыслью, тем больше она мне нравилась; в конце концов, я действительно выработала у себя привычку совершать астральные путешествия во время отдыха. Теперь я уже не набиваю себе шишки и синяки, прекрасно представляя положение практически каждого предмета.

— Пришел Брэд! — возвестила Ма.

Мы с Ку обрадовались: это значило, что теперь мы можем спуститься в сад, поскольку Хозяин в таких случаях всегда выходил во двор и работал, разговаривая с Брэдом Кемпбеллом. Мы поспешили к двери; мимоходом Мисс Ку бросила Хозяину, что ему следует бы глотнуть тоника, а не то он совсем ЗАМЕДЛЯЕТ ХОД.

— Это я замедляю ход? — переспросил Хозяин. — Да я могу поймать тебя в любое время, если только захочу!

Поначалу планировка дома обескураживала меня: входя, вы оказывались на верхнем этаже, а первый этаж располагался ниже уровня дороги. Мисс Ку объяснила мне, что к чему:

— Видишь ли, наш дом примостился на склоне скалы, словно гнездо наседки. Скальный склон опускается вниз от дороги; там еще есть стена, чтобы люди не падали вниз. В общем, раньше в этом доме было две квартиры, а мы, переселившись сюда, сделали из них единое целое.

В доме и в саду комнат было предостаточно. У нас было два сада: по одному с каждой стороны дома. Прежние жильцы верхнего этажа владели садом, расположенным справа; жившие внизу пользовались левым. В нашем же распоряжении были оба. Там было сколько угодно деревьев с низко расположенными ветвями, но меня никогда не выпускали в сад одну, потому что члены Семьи боялись, что я сорвусь со скалы или, забравшись на нижнюю ветку, упаду. Безусловно, я не упала бы, но все же было приятно ощущать такую заботу людей обо мне.

Лютик любила сидеть в саду, загорая на солнце и делая, по выражению Мисс Ку, свою желтую головку еще желтее. Нам нравилось, когда в сад с нами выходила именно она: Лютик часто забывала о нашем существовании и тогда мы были более свободны в своих исследованиях.

Однажды я добралась до склона скалы и попыталась взобраться на него; увидев это, Мисс

Ку поспешно позвала Хозяина и тот снял меня прежде, чем я оттуда свалилась.

Соблюдать осторожность в саду было необходимо и по другим причинам: вокруг шныряло много любопытных, пытавшихся сфотографировать Ламу. Вдоль садового забора останавливались машины, и люди взбирались на них, чтобы посмотреть, как живет Лобсанг Рампа.

Как-то солнечным днем Хозяин выглянул в окно — и увидел женщин, расположившихся на пикник на одной из наших лужаек! Их весьма огорчило, когда он вышел к ним и заставил их убраться прочь.

Многие жители Гоута, чьи дома располагались вдоль живописных дорог, имели аналогичные проблемы: автотуристы всегда считают, что вправе остановиться там, где им заблагорассудится и натворить столько вреда, сколько им хочется, оставив другим убирать кучи мусора.

— Фиф, я только что слышала разговор Хозяина и Ма, — сказала Мисс Ку. — Слушай, а где находится Марокко?

Марокко? Ну, Мисс Ку, это же Танжер, он находится в зоне Средиземноморья. Меня возила туда миссис Дипломат. Мы собирались жить в Танжере. Там очень жарко, все вокруг отвратительно пахнет, и даже рыбы там разбойницы!

Еще бы мне не знать этого города! Меня привезли туда из Марселя на корабле; всю дорогу я ужасно страдала от морской болезни. Тогда я еще могла видеть, и зловещего вида местные жители в своих замызганных лохмотьях изрядно пугали меня. Я так надеялась, что мы не поедem в Танжер!

Весь день мы с Мисс Ку проспали. Хозяин и Ма уехали в Дублин, а Лютик занималась уборкой своей спальни. Мы знали, что выходить на улицу нам не разрешено, поэтому мы спали, одновременно путешествуя в астрале.

Как у любой другой женщины — кошки ли, или человека, — у меня были свои СТРАХИ. Я жила в постоянном ужасном ожидании, что однажды проснусь в душной, вонючей коробке в каком-нибудь Аэропорту. Конечно, просыпаясь, я слышала голоса людей вокруг, чувствовала их прикосновения, ощущала их заботу обо мне; и все же, хотя прошлое стало действительно прошлым, по ночам мне иногда снились кошмары.

Тогда Хозяин брал меня на руки, приговаривая:

— Ну, ну, Фиф! Не будь такой глупой старушкой. КОНЕЧНО, ты дома, и до конца своих дней ты останешься с нами.

После этого я обычно мурлыкала, улыбаясь и ощущая успокоение. Но ведь стоило мне заснуть, как все ночные ужасы возвращались опять!

— Фиф, они возвращаются! Они уже едут вверх по холму!

Изогнувшись, Мисс Ку стремглав помчалась к входной двери. Мы выскочили на крыльцо как раз в тот момент, когда машина подъехала к дому. Мисс Ку прыгнула в машину, чтобы помочь Хозяину поставить ее в гараж и убедиться, что дверь гаража хорошо заперта. Затем ей было необходимо пройтись вдоль высокой стены, чтобы проверить, не грызут ли улитки бетон. Перескочив через зеленые ворота, Мисс Ку закричала двери:

— Открывайся! Мы уже пришли!

Хозяин присоединился к ней, открыл дверь, и они вошли внутрь.

— Ну? — спросила Лютик, когда все мы собрались внизу. — Как поездка?

— А, только время потеряли, — вздохнул Хозяин. — Мы зашли в Посольство Марокко, однако там нам не захотели помочь. Мы НЕ поедem в Танжер.

Все погрузились в молчание, а я от удовольствия тихонько замурлыкала: всё, в Марокко мы УЖЕ НЕ едем.

— В Дублине мы встретили мистера и миссис Ветеринар, — сообщила Ма. — Завтра они приедут к нам на чай.

Я загрустила — мистер Ирландский Ветеринар был хорошим, добрым и очень приятным человеком, но ведь ни один ветеринар, каким бы хорошим он ни был, никогда не станет кумиром своего кота-пациента.

— Фиф, помни про уши! — нахмурилась Мисс Ку. — Завтра нам нужно убраться отсюда куда-нибудь подальше, не то нам не избежать чистки ушей.

Семья продолжила беседу, обсуждая, что необходимо сделать и куда съездить. Мы побрели прочь из комнаты и направились вниз, чтобы попить чаю.

Мистер Ирландский Ветеринар приехал вместе со своей миссис. Мы очень любили его, но его одежда всегда жутко пахла внутренностями животных и разными лекарствами. Мистер Ирландский Ветеринар очень заинтересовался большим телескопом Хозяина, который тот использовал, чтобы наблюдать за далекими кораблями. Мы с Мисс Ку спрятались за длинным присборенным чехлом кресла, прислушиваясь к их разговору.

— Фифи чувствует себя отлично, — сказал Хозяин.

— Безусловно, я уверен в этом, — согласился Ветеринар.

— Как вы думаете, она перенесет переезд в Корк или Белфаст? — спросил Хозяин.

— Вне всякого сомнения, — откликнулся Ветеринар. — Она перенесет все что угодно, при условии, что будет ощущать, что она нужна. Во всяком случае, сейчас ее здоровье лучше вашего.

— Ты слышишь, Фиф? — обратилась я к самой себе. — Все, что тебе необходимо, — это быть нужной, тогда ты перенесешь все что угодно.

Затем они вышли в сад и установили большой телескоп. Мисс Ку подскочила к оконной раме: она хотела видеть все, оставаясь невидимой для других.

— Они разглядывают корабль, — произнесла она. И вдруг: — Фиф, ПРЯЧЬСЯ! Они идут обратно в дом!

Послышалось шарканье ног по дверному коврику, и они вошли.

— Вы видели сегодня моих кошек? — спросил Хозяин.

— Я успел заметить лишь, как их хвосты мелькнули за углом, — ответил мистер Ирландский Ветеринар.

— Знаете, я очень горжусь Фифи. Она оказалась хорошей Матерью. Я был внизу и осматривал ее котят. Они ОТЛИЧНО развиваются!

Я начала было мурлыкать от удовольствия, но тут Мисс Ку напустилась на меня:

— Замолчи, глупая старая кошка! Они же тебя услышат!

Этой ночью Хозяину было плохо, значительно хуже, чем обычно. Что-то сломалось в нем. Подумав, что у него, очевидно, те же проблемы со здоровьем, что были и у меня, я рассказала об этом Мисс Ку.

— Фиф! — полурастроганно-полусердито воскликнула она. — Ну как у Хозяина может быть опухоль матки? Да ты еще глупее, чем я предполагала!

На следующий день Хозяин отправился к Ирландскому Доктору-специалисту. К дому подъехало такси, и Хозяин с Ма спустились с холма, завернули за угол и, пропав из виду Мисс Ку, направились в сторону Дублина. Потянулось время ожидания; с каждым мгновением мы волновались все больше.

Наконец Мисс Ку уловила натужный рев автомобиля, взбиравшегося вверх по холму. Затем заскрежетала коробка передач, машина прибавила газу, а потом, снизив скорость, остановилась у наших дверей. Вошли Ма и Хозяин; он выглядел более бледным и изможденным, чем обыкновенно, и Мисс Ку тут же принялась нашептывать мне что-то по этому поводу.

Мы отодвинулись в сторонку, чтобы не стоять на дороге, но у Хозяина, независимо от того, болен он или нет, всегда находилось время остановиться и поговорить со «своими детками» — то есть с нами. Когда он погладил меня, я почувствовала, что находившаяся в его руках жизненная сила куда-то ушла. От тревоги у меня засосало в желудке.

Медленно дойдя до своей спальни, Хозяин направился к кровати. Всю эту ночь я и Мисс Ку посменно сидели рядом с ним.

Конечно, я знаю, что многие люди рассмеются над этим; они считают, что у «животных» нет эмоций, разума, чувств к другим. Но ведь люди, фактически, тоже животные! Мисс Ку и я понимаем каждое слово, каждую мысль. Мы понимаем людей — это люди не понимают нас и даже не пытаются это сделать, предпочитая называть нас «существами низшего порядка», «тупыми животными» и тому подобными словами. А ведь мы никогда не объявляем войну друг другу; кроме того, животные убивают друг друга лишь для того, чтобы утолить голод. Мы не пытаем себе подобных и не сажаем их в концентрационные лагеря.

Мы, Сиамские Кошки, имеем, вероятно, наивысший коэффициент интеллекта среди животных. Мы способны чувствовать, любить и даже испытывать страх — но мы не умеем ненавидеть. У людей вечно не хватает времени, чтобы заняться изучением нашего разума, — ведь они постоянно заняты деланием денег с помощью любых честных или нечестных способов, которые только подворачиваются. Хозяин же знает нас, как самого себя. Он Может разговаривать с нами с помощью телепатии — так же, как это делаем мы с Мисс Ку. И мы также можем говорить с ним (и действительно говорим!). Как говорит Хозяин, когда-то люди и животные могли общаться между собой телепатически, однако потом Человечество начало злоупотреблять своими преимуществами, и эта способность была утеряна, тогда как Животные ее сохранили.

Дни складывались в недели, но Хозяину все не становилось лучше. Появились разговоры о Больнице и об операции. Между тем он становился все более бледным и ему требовалось все больше отдыха. Мы с Мисс Ку притихли, посерьезнели и даже не настаивали на том, чтобы пойти погулять в сад. Мы тихонько грустили, пытаясь скрыть свои чувства от Хозяина.

Как-то утром, после завтрака, я сидела на его кровати, а Мисс Ку стояла у окна, убеждая морских чаек не шуметь так сильно. Неожиданно Хозяин обратился к Ма:

— Прочти-ка эту статью. Здесь пишут о замечательных возможностях в Канаде. Судя по всему, там нужны Писатели, Художники, Врачи — короче ВСЕ. Может, там и для нас найдется местечко, а?

Ма взяла статью и прочла ее.

— Написано ЗАМЕЧАТЕЛЬНО, — ответила она, — но я не доверяю всем этим статьям. Кажется, ты хотел поехать в Голландию? Так или иначе, ты слишком слаб для переезда.

— Здесь нам оставаться больше нельзя, — сказал Хозяин. — Ирландские налоговые инспекторы делают это совершенно невозможным. Шила! — позвал он Лютика.

Хозяин всегда поступал по-восточному: надо было посоветоваться со всей Семейей.

— Шила! — спросил он. — Что ты думаешь о Канаде?

Лютик посмотрела на него так, как будто у него было не все в порядке с головой. Мисс Ку работала, не щадя себя, — она бегло комментировала происходящее в комнате.

— Господи! — шептала мне она. — Лютик считает, будто он настолько болен, что не понимает, о чем говорит. Какая Канада? КАНАДА? СВЯТЫЙ БОЖ-ЖЕ!

Немного погодя Хозяин встал с постели и оделся. Я чувствовала, что он не знает, что предпринять. Позвав Мисс Ку и взяв меня на плечо, он вышел в сад. Он медленно побрел садовой тропинкой и остановился, глядя на море.

— Понимаете, кошки, я хотел бы прожить здесь остаток своих дней, — сказал он, — но эти

налоговые инспекторы предъявляют такие немые требования, что нам ПРИДЕТСЯ уехать, чтобы выжить. А вы, двое, — вы хотите поехать в Канаду?

— Ради бога, Хозяин, — сказала Мисс Ку. — Мы поедem, куда ты скажешь.

— А я вполне хорошо себя чувствую, чтобы путешествовать, — добавила я. — Я с удовольствием отправлюсь куда угодно, но ведь ты неважно себя чувствуешь.

Этим вечером Хозяину опять было необходимо ехать к Ирландскому Доктору-специалисту. Его не было очень долго, а когда он вернулся, я поняла, что дела плохи. И все же он обсуждал переезд в Канаду.

— Канадское министерство по делам иммиграции разместило рекламу в газетах, — сказал он. — Давайте узнаем об этом подробнее. Где находится их Посольство?

— На Мэррион-Сквер, — ответила Лютик.

Через несколько дней Посольство Канады в Дублине прислало нам целую гору рекламных проспектов. Вся Семья села читать их.

— Они обещают золотые горы, — сказал Хозяин.

— Да, но ведь это всего лишь реклама, — возразила Ма.

— Почему бы не позвонить в посольство? — спросила Лютик.

— Да, — согласился Хозяин, — нам необходимо удостовериться, что там хорошо примут наших котом. Я не поеду туда, если животных отправят на карантин или произойдет нечто подобное. В любом случае, от карантина ничего хорошего не жди.

Хозяин и Ма сели в свой «Хамблер» и отправились в Дублин. Медленно тянулось утро (время всегда тянется медленно, когда не знаешь, что ждет тебя впереди, и когда отсутствуют те, кого любишь). Наконец они возвратились.

— Красные флажки! Везде эти красные флажки! — возмущался Хозяин. — Меня просто поражает, насколько неприятны эти мелкие служащие. Иногда мне хочется перебросить пару таких умников через колено и хорошенько их нашлепать по...

— Но ведь ты не желаешь отвечать ни на одно их извещение, — возразила Ма. — Они ведь просто мелкие клерки и ничего больше.

Сдавленно хихикнув, Мисс Ку зашептала мне: — Старик бы их с удовольствием отшлепал! Его руки гораздо сильнее, чем руки этих Западных Людей, и раньше он мог справиться с целой толпой. Боже! Как бы я хотела посмотреть, как он их шлепает! — вздохнула она.

Хозяин **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** был очень большим: нам с Мисс Ку всегда хватало места, когда мы садились на него. Это была гора мышц и костей весом около двухсот тридцати фунтов. Мне нравятся большие люди — возможно, потому, что мне всегда не хватало еды, чтобы вырасти до нормальных размеров.

— Мы заполнили все формуляры, оставили отпечатки пальцев и сделали кучу другой чепухи, — сказал Хозяин Лютику. — Завтра мы съездим с тобой туда. Тебе придется поехать в качестве нашей приемной дочери — иначе тебе потребуется определенная сумма денег, чье-нибудь поручительство или еще какая-нибудь мишура. По нашему впечатлению, канадцы выглядят большими детьми.

— Ты забыл сказать, что нам всем еще предстоит пройти медицинское освидетельствование, — напомнила Ма.

— Ах, да, — спохватился Хозяин. — Мы попросим миссис ОТрейди побыть с Кошками. Я ни за что не оставлю их **ОДНИХ**, поскольку они значат для меня больше, чем вся Канада, вместе взятая.

Обед был готов, так что сначала мы поели (я всегда считала, что после хорошей еды обсуждение получается более спокойным). Жили мы неплохо, и для нас, кошек, не существовало проблем. Мисс Ку была (и остается) весьма слабым едоком — она тщательно заботится о своей

фигуре. Впрочем, она действительно наиболее элегантная, изящная и женственная молодая кошка.

— Эй! — возвестил Хозяин. — По дороге идет миссис ОТрейди. — Ма поспешила перехватить ее и затащить в дом. Мы с Мисс Ку пошли вниз — посмотреть, что там подельывает Лютик; мы надеялись, что она сейчас в саду и мы сможем выйти в сад и немного привести там все в порядок. У меня была задумка выкопать несколько растений, чтобы убедиться, что они нормально развиваются.

Мисс Ку же собиралась посмотреть на дом Мистера Кролика. Он жил в норе у скального склона и ночами частенько прохаживался под окнами, насмехаясь над тем, что мы сидим взаперти. Однако у нас ничего не получилось — Лютик чем-то занималась у себя в комнате, и мы, послонявшись немного, направились в комнату, где были сложены наши чемоданы.

Следующее утро было полно забот. Хозяин пораньше вывел нас в сад, чтобы мы могли разобраться с Мистером Кроликом. Спустившись вдоль скалы, Мисс Ку подошла к парадной двери его дома и прокричала туда свое сообщение. Я же лежала на плече у Хозяина — он не позволял мне спускаться на землю — и громко сообщала Мисс Ку, все, что я думаю по этому поводу. Мы были очень сердиты на Мистера Кролика.

Затем нам надо было поточить о ствол дерева свои когти — необходимо было подготовиться, чтобы хорошо охранять миссис ОТрейди, пока Семья уедет в Дублин. Приняв пылевую ванну в дальнем углу сада, мы хорошенько втерли пыль в наш мех — и вот мы уже готовы для пятиминутной сумасшедшей гонки преследования по саду. Я ни на шаг не отходила от Мисс Ку, поскольку в саду вела она (тогда я не натыкалась на что попало). Обычно мы ходим одной и той же тропой, и там я не боюсь препятствий.

— Эй вы, хищницы! Пошли домой! — крикнул нам Хозяин.

Топая ногами и изображая крайнюю кровожадность, он заставил Мисс Ку на пределе сил домчаться до дома. Затем Хозяин поднял меня и, забросив себе на плечо, внес внутрь и захлопнул дверь.

— Фиф! Скорее! НУ СКОРЕЙ ЖЕ! — загорланила Мисс Ку. — Тут новая коробка от зеленщика, и в ней полно новостей!

Хозяин опустил меня на пол, и я поспешила к коробке, чтобы узнать последние новости из деревенского магазина.

Семья была готова к отъезду. Потрепав нас за уши, Хозяин попрощался с нами, наказав хорошо присматривать за миссис ОТрейди.

— Ладно, — произнесла Мисс Ку. — С нами она будет в безопасности. Может, набросить дверную цепочку?

Мгновение я размышляла: не высказать ли предположение о том, что стоит пригласить мистера Лофтуса, который точно бы посторожил ее, однако потом поняла, что Хозяин безусловно так и поступил бы, если бы считал это необходимым. Когда миссис ОТрейди расположилась в кресле, Мисс Ку обратилась ко мне:

— Пойдем, Фиф. Нам нужно еще закончить несколько дел, которые никак не удастся сделать, когда Семья здесь.

Повернувшись, она побежала вниз по лестнице. Мы осторожно обошли вокруг дома, чтобы убедиться — уж не собрался ли Мистер Кролик стащить что-нибудь. Периодически Мисс Ку говорила мне:

— Я только проскользну наверх и погляжу, все ли в порядке у Ви ОТ. Ведь мы ПРОСТО обязаны присматривать за ней.

И она уходила, пробираясь вверх по ступенькам, а затем нарочно шумела, чтобы Ви ОТ не думала, что за ней шпионят. Потом Мисс Ку возвращалась и сообщала мне:

— О'кэй! С ней все в порядке.

Время тянулось невыносимо медленно — нет, казалось даже, будто оно идет назад.

— Как ты думаешь, Мисс Ку, с ними там все в порядке? — наверное, в тысячный раз спрашивала я ее.

— Конечно, в порядке. На моей памяти такое уже было. КОНЕЧНО, с ними все в порядке! — восклицала Мисс Ку, пытаясь саму себя убедить в этом.

Правда, она выдавала свое волнение нервным подергиванием кончика хвоста.

— Ты же не хуже меня знаешь: они должны повидаться с доктором, а потом их всех троих осмотрят, а потом они поедут в больницу, где им сделают рентгенограмму легких.

И она нервно принялась лизать свою лапу, обследуя кончики своих наманикюренных когтей.

Мы не могли даже смотреть на еду — ведь никакая еда не заменит любви! Чувствуя все большее волнение, я вспомнила, что мне говорила моя дорогая Мамочка:

«Ну-ну, Фифи! Держи себя в руках при любых обстоятельствах, — говорила она. — Волнение еще никогда не решило ни одной проблемы. Если ты будешь все время волноваться, то не сможешь увидеть путь к решению проблемы».

— Как ты думаешь, Фиф, у них все нормально? — вопрошала в свою очередь Мисс Ку.

— Конечно, Мисс Ку, — отвечала я, — я уверена, что они уже направляются домой.

— Бедная миссис ОТрейди, — посочувствовала Мисс Ку. — Думаю, что нам следует пойти наверх и развлечь ее.

Мы поднялись и пошли по коридору: Мисс Ку была впереди, а я замыкала шествие, шагая точно след в след. Преодолев лестницу, мы миновали верхний коридор — и рванулись вперед, крича от радости, потому что в это мгновение дверь открылась и вошла наша Семья.

В больнице тут же обнаружили рубцы в легких Хозяина; быстро выяснилось и то, что он болел туберкулезом, как, впрочем, и множеством других болезней.

— В своей рекомендации я напишу, что считаю целесообразным разрешить вам выезд, — сказал больничный врач, — ведь с вашим образованием и писательским даром вы станете настоящим сокровищем для Канады.

Прошло еще несколько дней. Наконец Хозяин получил письмо, которое гласило, что он может выехать в Канаду в случае, если подпишет эту бумажку, а также ту, и кроме того прибудет к главному врачу медицинской службы Канады. Хозяина настолько рассердили эти красные флажки, что он едва не порвал эти бумаги; к сожалению (сейчас мы понимаем, что это так), он просто подписал их, пожав плечами.

— А как мы перевезем туда Кошек? — спросила Ма.

— Либо они полетят вместе с нами на самолете, либо НИКТО из нас не поедет в Канаду. Меня БЕСЯТ все эти идиотские Правила! — ответил Хозяин.

Несколько дней они обращались в разные авиакомпании, пытаясь найти хоть одну, которая разрешит нам лететь вместе с СЕМЬЕЙ, вместо того, чтобы сидеть в темном, неудобном багажном отсеке.

В конце концов «Шведские авиалинии» согласились на это при условии, что Хозяин и остальные члены Семьи полетят первым классом, оплатят БАГАЖНЫЙ СБОР на Мисс Ку и меня, а также будут сидеть с нами в той части салона, где вокруг будут свободные места.

Поскольку Хозяин ясно дал понять, что он не согласится лететь отдельно от нас, ему пришлось заплатить полностью ту большую сумму, которую затребовала авиакомпания. После этого ему в голову пришло вот что: мы же полетим прямым рейсом в Нью-Йоркский аэропорт «Айдлуинд» вместо того, чтобы приземлиться в Монреале. Если бы нас взяла на борт авиакомпания Канады, нам бы не пришлось делать крюк через полстраны; однако рейс

«Свиссэйр» был прямым до Нью-Йорка — и выбора у нас не было. Возникал вопрос: шведы возьмут нас в салон для пассажиров, но согласится ли на это американская авиакомпания, рейсом которой мы будем лететь из Нью-Йорка в Детройт?

Хозяин опасался, что, не решив эту проблему сейчас, мы рискуем застрять в аэропорту Нью-Йорка, не имея возможности двигаться дальше. Наши проблемы с переездом решал Транспортный Агент в Дублине, и Хозяин потребовал, чтобы он добился однозначного ответа от американских авиалиний, а в случае их согласия — заказал и оплатил билеты первого класса на самолет из Нью-Йорка в Детройт, а также нанял машину, которая перевезет нас через Американо-Канадскую границу в Виндзор, где мы и будем жить.

Агент выполнил поручение и, установив, что авиакомпания в Нью-Йорке согласна разместить нас в пассажирском салоне, оплатил все необходимые дорожные расходы.

— Итак, — сказал нам агент, — больше беспокоиться не о чем. Теперь покажите эти квитанции в посольстве Канады, убедите их, что у вас достаточно средств, чтобы жить в этой стране, пока не найдете работу, — и все. Спасибо за то, что обратились ко мне. Если вы когда-либо решите вернуться, я с удовольствием займусь вашим переездом.

И вновь Хозяин и Ма поехали в Канадское посольство и показали, что все бумаги в порядке. — У вас есть справка ветеринарного врача о том, что ваши кошки здоровы? — ворчливо спросил угрюмый клерк.

— Да! — ответил Хозяин и достал необходимые бумаги.

Теперь, не имея больше ни одного повода придрататься, работники посольства подписали необходимые разрешения на въезд в Канаду в качестве «иммигранта, прибывшего на постоянное место жительства». Теперь, вспоминая это, Хозяин печально шутит:

— Да уж, неплохо мы здесь «осели»!

Тогда же, приготовив все документы, совершенно уставшие Хозяин и Ма вернулись в Гоут.

— Теперь, Кошки, — сообщил Хозяин, — мы уезжаем, и вам придется разместиться в своих корзинках. Однако, как только мы поднимемся в воздух, вы можете выбраться оттуда и сесть рядом с нами. Вам все понятно?

— Все ясно, Хозяин, — ответила Мисс Ку. — Однако помни, что мы безусловно захотим выбраться!

— Не волнуйтесь, вы безусловно сможете покинуть свои корзинки — ведь вы мне обошлись буквально на вес золота! Минуту подумав, он добавил:

— И вы, безусловно, стоите этого.

Мистер Ирландский Ветеринар знал нескольких слепых ирландцев, изготавливавших корзинки; у них Хозяин заказал корзинки для меня и Мисс Ку. Каждая из них была максимально большого размера, так что нам в них было Просторно. Хозяин посоветовал нам с недельку поспать в этих корзинках, чтобы привыкнуть к ним. Так мы и поступили — и это оказалось очень интересно!

Здоровье Хозяина ухудшалось. По всем законам здравого смысла нам следовало отказаться от переезда в Канаду. Вместо этого Хозяин вновь отправился к Ирландскому Доктору-специалисту, и тот сделал ему что-то, чтобы он мог продержаться.

Хозяину приходилось отдыхать все больше и больше, и я, понимая, что он стар и очень болен, весьма сомневалась в успехе всего предприятия. За свою жизнь Хозяин побывал во многих странах и пережил немало трудностей и страданий; теперь все это сказывалось на его здоровье. Мисс Ку и я смотрели за ним, как только могли.

— Как мы будем добираться до Шэннона? — спросила Лютик.

— ТОЛЬКО НЕ на ирландском поезде, — ответил Хозяин. — Тогда нам будет нужно сделать пересадку в Лимерике, а я не чувствую в себе достаточно сил для этого. Ты и Ма

отправитесь в Дублин и постараетесь договориться, чтобы сюда прислали микроавтобус или что-нибудь вроде этого.

— Мы выедем на день раньше, — сказала Ма, — поскольку перед посадкой в самолет тебе нужно будет денек отдохнуть — да и Кошкам это, не повредит.

И они выехали в Дублин, оставив Мисс Ку и меня сидеть сверху на Хозяине, чтобы он не вставал с кровати. Пока мы ожидали их возвращения, Хозяин рассказывал нам истории о кошках, услышанные им в Тибете.

— Мы обо всем договорились, — вернувшись, сообщила Ма. — Они согласны и пришлют за нами микроавтобус, который обычно используется для туристических экскурсий. Водителем будет человек, который часто ездит в Шэннон встречать туристов из Америки.

Теперь почти все было готово. Хозяину нужно было еще раз показаться Ирландскому Доктору-специалисту. Все приготовления велись в строжайшей тайне, потому что Пресса не давала нам покоя. Я помню, как совсем недавно, когда Хозяин сильно заболел и в первый раз собирался к Доктору-специалисту, его остановил буквально у двери Журналист, который начал задавать ему неподходящие вопросы.

Хозяина всегда поражало: почему журналисты считают, что у них есть некое право свыше задавать свои вопросы. Хозяин называл это «платными сплетнями» и всегда сдерживался, чтобы не сбросить назойливых писак со скалы.

— Эй! Ирландский Кролик! — закричала Мисс Ку откуда-то снизу, со склона скалы. — Кролик! Мы уезжаем, поэтому смотри не уродуй сад в наше отсутствие.

Мистер Ирландский Кролик ничего ей на это не ответил, поэтому Мисс Ку пришлось удовлетвориться страшным сопением в черную дыру норы. Неожиданно она помчалась вверх по откосу.

— Птицы! ПТИЦЫ! — завизжала Мисс Ку. — Мы будем летать так же, как и вы! И мы полетим дальше вас.

— Ш-ш-ш! Тише, Мисс Ку! — упрекнула я ее. — Ведь нас же попросили держать это в секрете, а теперь об этом знают и птицы, и Мистер Ирландский Кролик.

Мисс Ку посмотрела на меня через плечо, и я почувствовала, как она вся напряглась.

— МОГИЛА! Фиф, за мной! Идет Старая Ветеринарная Морда! Мы помчались в дом и через кухню добрались до чулана с углем.

— Ф-фу! — поежилась Мисс Ку. — У меня по ушам идут мурашки при одной мысли, что их чистят!

Мисс Ку осторожно выглянула за угол и, убедившись, что горизонт чист, отправилась на разведку. Послышались голоса. Они доносились со стороны лестницы.

— Транквилизаторы, — произнес мистер Ирландский Ветеринар. — Дайте им по одной из этих таблеток перед тем, как садиться в самолет, и они будут мирно отдыхать. Это хорошие специальные транквилизаторы.

Некоторое время было тихо, затем послышался сомневающийся голос Хозяина:

— А как они подействуют на Фиф?

— Безусловно, они не принесут ей вреда — как впрочем, и нам, — ответил мистер Ирландский Ветеринар.

Они прошли в комнату, и все стихло. Естественно, мы не пытались подобраться поближе из опасения, что нас поймают и примутся чистить наши уши. Мистер Ирландский Ветеринар был БОЛЬШИМ специалистом по чистке ушей!

Багаж послали вперед, чтобы погрузить в самолет. Среди прочих вещей в чемоданах была одежда, книги, кое-какое оборудование для фотографии и новая электрическая пишущая машинка, которую Хозяин купил незадолго до решения о переезде. Ручная кладь была сложена в

гостиной; ее было немного, ведь в самолет не разрешают брать много вещей.

Мы с мисс Ку взяли наши персональные Горшки, обширный запас Торфяного Мха (он служил нам вместо земли), а также вполне достаточный запас провизии. Мы ведь не собирались голодать!

Хозяин сидел и разговаривал с миссис ОТрейдди. На крыльце стоял мистер Лофтус; он выглядел очень бледным и озабоченным. Мы с Мисс Ку бродили по дому, кото рому было суждено вскоре опустеть: мы прощались с любимой мебелью. Вскочив на подоконник, Мисс Ку прокричала:

— Прощай, Мистер Кролик! Прощайте, Птицы!

— Автобус подан! — сказала Ма.

Руки быстро разобрали багаж и сложили его в задней части автобуса. Мистер и миссис ОТрейдди пытались шутить, чтобы как-то скрасить расставание. Старый милый мистер Лофтус грустно стоял рядом, украдкой вытирая глаза тыльной стороной руки.

Хозяин не спеша осмотрел дом, чтобы убедиться, что ничто не забыто,, затем устало закрыл входную дверь и, вынув ключ, передал его мистеру ОТрейдди с тем, чтобы он отправил его Стряпчему, который будет заниматься продажей дома. Еще раз пожав руки чете ОТрейдди и мистеру Лофтусу, Хозяин развернулся и пошел к автобусу. Щелкнула дверь. Автобус медленно покотился вниз по склону — прочь от оставшихся позади наших лучших в мире друзей. Мы завернули за угол и помчались навстречу новой жизни.

Глава 6

Автобус проехал по дороге, огибавшей бухту, нырнул под старый трамвайный мост и, набрав скорость, вскоре оставил позади Старый Гоутский Замок. Все молчали. Хозяин был измотан и утомлен; он глядел на полюбившуюся землю, которую он покидал, и было видно, насколько ему не хочется уезжать.

«Ах, если бы только налоговые инспекторы не были такими хищниками!» — думала я.

Мы сидели рядом с ним, храня сочувственное молчание. В Саттоне мы все как один взглянули налево, мысленно попрощавшись с еще одним нашим старым другом — доктором Чепменом. И вперед — в Дублин, сквозь запах морских водорослей, который приносил ветер от устья реки Лиффей, да под печальный клекот морских чаек над головой.

Мисс Ку сидела сзади на багажной сетке, откуда она могла свободно обозревать окрестности.

— Слушай хорошенько, Фиф, — обратилась она ко мне. — Я буду бегло комментировать тебе то, чего ты никогда не видела. Вот — Клонтарф; а сейчас мы проезжаем Гарденс.

В автобусе было тихо; все молчали, за исключением Мисс Ку. Я провела шесть райских месяцев в Ирландии — шесть месяцев, за которые я поняла, что я нужна и «принадлежу» кому-то. Теперь же мы уезжали. Ради ЧЕГО? Автобус катился вперед мягко, без рывков — люди в Ирландии очень вежливые и всегда уважают права другого водителя.

Теперь машин на дороге стало гораздо больше. Иногда мы останавливались, когда огни светофоров не хотели нас пускать дальше. Неожиданно Мисс Ку сказала:

— Мы проезжаем мимо Тринити Колледж. Прощайся с ним, Фиф.

Тринити Колледж! Ведь как раз напротив него находилось то самое Бюро путешествий, которое оформило нам выездные документы. Как мне хотелось остановиться и заставить их все отменить! Потянувшись ко мне, Хозяин почесал мне подбородок и плотнее прижал к себе. По мере того как мы приближались к городским окраинам, движение на дорогах стало спокойнее и водитель прибавил газу.

— Мы едем в Лимерик, Фиф, — произнесла Мисс Ку. — Кстати, сейчас я тебе расскажу один из них...

— Замолчи, Ку! — прервал ее Хозяин. — Разве можно сосредоточиться на собственных мыслях, если ты постоянно бубнишь?

Некоторое время сохранялась тишина; однако Мисс Ку никогда не могла молчать слишком долго. Она продолжала бегло сообщать мне о различных местных достопримечательностях, полагая, что мне следует об этом знать. Я уже совсем старая и прожила весьма тяжелую жизнь. Мне трудно жить, не имея возможности видеть. Дорога настолько утомила меня, что я решила немного соснуть.

Вдруг я почувствовала резкое изменение движения и быстро села. Где это мы? Как долго я спала? И что вообще происходит? Автобус медленно притормозил.

— Все в порядке, Фиф, — произнес Хозяин. — Мы просто остановились, чтобы попить чаю.

— Мы на полпути к Шэннону, — сказал Водитель. — Я всегда здесь останавливаюсь, потому что тут всегда готовят отличный чай.

— Вы двое идите, — сказал Хозяин, — а я останусь вместе с Кошками.

— Хорошо, — ответила Ма, — я принесу тебе чай сюда. Вместе с тобой попьют чаю Ку'эй и Фифи.

Ма и Лютик вышли из автобуса; я слышала, как они удалялись. Щелкнула дверь, и они

вошли в магазин.

— Торговый город, — сказала Мисс Ку. — На стоянках множество машин. Очень уютное и приятное местечко. Люди выглядят дружелюбными (кстати, Фиф, тебе улыбается одна старушка, так что улыбнись ей в ответ). Она слепая! — прокричала Мисс Ку старушке. — Она не может вас видеть. Лучше поговорите со мной!

— Конечно, конечно, — произнесла старуха, прижавшись носом к стеклу. — Какие они все-таки прелестные создания. Эта малышка только что поговорила со мной. Интересно, как они живут в наше время?

— Да ладно вам, Моу! Лучше отнесите этот чай для Поу, а не то он пойдет к О'Шонесси.

— Ах, ваша правда! Что-то я заболталась, — произнесла старуха и поковыляла прочь.

— Мне понравилась ее шаль, — сказала Мисс Ку. — Я хотела бы сделать из нее покрывало для моей кровати.

Вышла Ма; она несла поесть и попить Хозяину. Ма принесла чай и нам, но мы были слишком взволнованны, чтобы есть много.

— Что ты ешь, Хозяин? — спросила я.

— Хлеб с маслом и чай, — откликнулся он.

Я с облегчением услышала, что он хоть немного поел, так что я даже сделала несколько глотков чая — но как МОЖЕТ есть кошка, если она так взволнованна? Я все думала о том, как путешествовала раньше: втиснутая в коробку, брошенную на сиденье мчащейся скачками автомашины, или полузадушенная, отравленная лекарствами — в деревянном ящике, где вечно не хватает воздуха. ТЕПЕРЬ ЖЕ я собиралась лететь первым классом и никто не отнимет меня у Семьи. Усевшись рядом с Хозяином, я негромко замурлыкала.

— Старушка Фиф отлично переносит поездку, — обратился Хозяин к Ма. — Я думаю, что все это ей нравится, хотя она никогда не признается в этом.

— Эй, расскажите что-нибудь и про меня! — закричала Мисс Ку, сидевшая в задней части автобуса, — там она охраняла багаж и помогала Водителю управлять машиной.

— Не знаю, как бы мы справились без Ку'эй. Ведь она присматривает за нами и поддерживает порядок, — произнес Хозяин, почесывая меня за ухом. — Мисс Ку производит больше шума, чем все коты Килкенни, — добавил он.

Автобус басовито гудел, глотая мили и увозя нас прочь от всего, что мы любили и знали, навстречу неизвестности. Мы проехали графство Типперери и теперь мчались по дорогам графства Лимерик. Вокруг нас уже сгустилась темнота, так что ехать приходилось медленнее. Дорога оказалась такой длинной, что я сомневалась, выдержит ли ее Хозяин. Мисс Ку сообщила, что с каждой милей он бледнеет все больше.

Время для нас теперь ничего не значило; часы и минуты ползли с такой скоростью, как будто мы переместились в вечность. Оставалось лишь урчание мотора, шорох шин да мили, которые неслись нам навстречу и, проскальзывая под нами, скрывались в пустоте сзади. Даже Мисс Ку замолчала. Разговоров не было вообще — звучали лишь автобус и ночь вокруг. Время застыло, лишь мили одна за одной пропадали в черной пустоте.

Внезапно Мисс Ку вскочила на ноги:

— Фиф! — позвала она меня. — Ты спишь?

— Нет, Мисс Ку, — ответила я.

— Длинные пальцы света метут небо и вытряхивают пыль из туч, чтобы самолетам было лучше летать, — воскликнула она. — Наверное, мы уже неподалеку от Шэннона, мы должны быть совсем рядом.

Автобус все так же урчал, но теперь в воздухе повисло нетерпеливое ожидание. Все сели ровнее, ощутив приближение аэропорта. Водитель сказал:

— Еще минут пять. Хотите, я подвезу вас к главному входу? Вы улетаете сегодня ночью?

— Нет, — ответила Ма. — Мы отдыхаем здесь эту ночь, весь завтрашний день и лишь на следующую ночь вылетаем в Нью-Йорк.

— Тогда вам потребуется Мотель, — сказал водитель. — Вы увидите — у них здесь действительно неплохо.

Мы проехали еще немного, затем резко повернули и, проскочив еще около полумили по дороге, ведущей к аэропорту, остановились у здания справа. Водитель вышел и направился к месту Администратора.

— Нет, — сообщил он, вернувшись в автобус, — вам заказаны места не здесь, а в другом мотеле, что недалеко от Зала Ожидания. Сейчас я вам покажу, где это.

Еще четверть мили — и мы подъехали к другому зданию. Водитель убедился, что теперь мы попали туда, куда надо. Кое-какой багаж и вещи первой необходимости внесли в мотель; то, что потяжелее, сразу отправили в аэропорт.

— Я хочу в Туалетную Комнату для Дам! — прокричала Мисс Ку.

— Вот, пожалуйста, — ответила Ма, указав ей на отдельную миску, которую она поставила в ванной.

Затем она ласково взяла меня на руки, отнесла в ванную и наощупь показала мне мои удобства. После этого, пробравшись в спальню, мы почувствовали себя значительно лучше. Как обычно, каждому члену Семьи полагалась отдельная комната. Я спала с Хозяином, Мисс Ку — с Ма, а вот бедному Лютику пришлось коротать ночь в одиночестве.

Мы с Мисс Ку потрудились, не щадя своих сил, обследовав все вокруг и убедившись, что мы знаем все аварийные выходы, а также точное расположение всего, что нам может понадобиться. Затем мы вернулись к ужину.

Любую кошку НЕЛЬЗЯ одергивать до тех пор, пока она полностью не обследует комнату. Кошки должны ВСЕГДА совершенно точно знать, что и где находится, — ведь наше зрение во многом отличается от зрения людей и в большинстве случаев мы видим в двух, а не в трех измерениях. Людей может поразить наша способность «останавливать» изображение; кроме того, мы в состоянии так изменить фокус глаза, что предмет увеличивается, как если бы человек смотрел на него через увеличительное стекло. С другой стороны, мы легко приспособляемся к тому, чтобы четко видеть предметы не только в дюйме от нашего носа, но и находящиеся на большом расстоянии.

Красный цвет мы не видим — он нам кажется серебристым; зато голубой нам кажется таким же ярким, как и солнце. Мы в состоянии рассмотреть самый мелкий шрифт, самое крохотное насекомое. Люди не понимают, как устроены наши глаза. А ведь они являются замечательным инструментом, позволяющим видеть даже в инфракрасном свете. Конечно, о моих глазах речь не идет — ведь я слепая. Как мне говорят, мои глаза просто прекрасны: у них цвет незабудки и они всегда широко открыты. К сожалению, они ничего не видят.

В эту ночь мы все спали очень крепко; нас не тревожил даже гул самолетов, которые приземлялись и вновь взлетали, направляясь куда-то за океан. На следующее утро Ма с Лютиком вышли и вернулись с завтраком на всех

Мы лениво отдыхали. Мисс Ку сидела у окна, разглядывая платья женщин, входивших в аэропорт и выходящих из него. Хозяин, одевшись, вывел нас поиграть на траве перед зданием. Я постоянно следила за тем, чтобы оставаться в пределах досягаемости его рук: теперь я ни за что не рискну потеряться!

— Фиф! — спросила Мисс Ку. — Это тот самый аэропорт, куда ты прилетела из Франции?

— Да, Мисс Ку, — ответила я, — но я прибыла сюда через багажное отделение. Никогда я не была так счастлива раньше. Отсюда мы вылетели в аэропорт Дублина, но я тогда была без

сознания.

— Ладно, Старая Кошка, — произнесла Мисс Ку. — Я буду присматривать за тобой, чтобы ты все делала правильно. В этом я большая дока.

— Спасибо, Мисс Ку, — ответила я. — Я ЧРЕЗВЫЧАЙНО благодарна тебе за помощь.

Подошло время обеда, и Ма позвала нас, потому что нам надо было хорошенько подкрепиться и отдохнуть. После еды мы все легли: Мисс Ку с Ма, я — вместе с Хозяином, а Лютик — в одиночестве. Мы неплохо поспали, поскольку не были уверены, удастся ли нам отдохнуть в самолете. Я проснулась оттого, что Хозяин почесывал меня, приговаривая:

— Фиф! Ну какая же ты старая соня! А ну-ка, побегайте вместе с Ку'эй, чтобы нагулять аппетит перед чаем.

— Пошли, Фиф! — позвала меня Мисс Ку. — Мы еще не исследовали коридор. Сейчас там ни души. НУ ЖЕ, СКОРЕЕ!

Спрыгнув с кровати, я пару мгновений почесала себя за ухом, раздумывая, в какую сторону двинуться. Затем почувствовала, как руки Хозяина направили меня к раскрытой двери. Под руководством Мисс Ку мы произвели научные исследования коридора, проанализировав всех, кто проходил по нему.

— Давай сходим к Стойке Регистрации, — сказала Мисс Ку, — надо бы показаться на людях.

Многие никогда не видели Сиамских Кошек, так что, рискуя показаться нескромной, я вынуждена признать, что мы стали сенсацией. Невозможно описать словами, насколько меня поразило мнение людей, будто я являюсь матерью Мисс Ку! Покружив у стойки Администратора, мы вернулись в комнату, чтобы поспать еще немного.

Когда мы вновь проснулись и приступили к ужину, над аэропортом уже зажглись огни. Темнота постепенно сгущалась, пока не перешла в ночь. Мы не спеша собрали свои вещи, вышли в теплую ирландскую ночь и направились к зданию аэропорта.

Наши вещи взяли для Таможенного Досмотра. Хозяин всегда был самого высокого мнения об Ирландских Таможенниках — у него НИКОГДА не было с ними неприятностей. Единственными ирландскими служащими, доставлявшими нам проблемы, были Налоговые Инспекторы — это их жадность заставила нас покинуть Ирландию.

К нам подошел необыкновенно вежливый представитель «Шведских Авиалиний». Поприветствовав нас, он перекинулся парой слов со мной и Мисс Ку.

— Наша компания хотела бы пригласить вас в качестве почетных гостей на ужин, — вежливо обратился он к Семье.

— Благодарю, не стоит, — ответил Хозяин. — Мы уже поужинали, и, кроме того, мы не можем оставлять наших Кошек так надолго.

Осведомившись, не нужно ли нам чего-нибудь, служащий ушел, оставив нас одних.

— Не пора ли нам давать кошкам транквилизаторы? — спросила Ма.

— Не сейчас, — ответил Хозяин, — кроме того, Фиф всегда спокойна и я вообще не собираюсь давать ей их. Посмотрим, как будет вести себя Ку в самолете.

Поскольку я слепа, мне крайне сложно описать то, что происходило потом. Мисс Ку, поддавшись на мои уговоры и поборов собственное смущение, согласилась написать за меня несколько следующих страниц...

Ну вот. Мы сгрудились в Главном Зале Ожидания Аэропорта в Шэнноне, словно мурашки на коже. Вокруг сидело множество людей с поклажей. Они напоминали наседок в курятнике. Дурно воспитанные дети горланили что было мочи, так что голова моя раскальвалась от шума. В углу сидело несколько настоящих американских ребят — они напоминали мне фаршированных уток. Они воображали себя Большими Парнями — еще бы! Ведь у них на сумках

были наклейки чартерного рейса на Париж, откуда родом наша Старуха-Кошка.

По-моему, часы в аэропорту заржавели, так как время тянулось до жути медленно. Наконец к нам подошел мужчина, одетый во все голубое и медно-желтое. Он прямо-таки готов был целовать прах у наших ног, сообщая, что рейс «Шведских авиалиний» из Шэннона в Международный Аэропорт Нью-Йорка готов к посадке пассажиров. Я еще подумала: вот глупость-то — к посадке готов, а сам еще на земле. Он попытался было взять мою корзинку, но у Хозяина и Ма руки были свободны, так что Хозяин взял на плечо ремень корзинки, в которой сидела Старуха-Кошка, а Ма схватила мою корзинку. Что там взяла Лютик, я не знаю — я была слишком занята, чтобы глядеть в ее сторону.

И мы пошли парами, совсем как на Воскресной Школьной Вечеринке, через весь Главный Зал Ожидания прямо в черноту — которой не оказалось! Конечно, она была бы, но ведь каждая лампочка в Шэнноне сияла. На взлетной полосе было целое море разноцветных огоньков. Другие огоньки длинными пальцами шарили по небу. Тут я взглянула вперед и увидела самолет. Ничего себе! Он был громадный, больше любого самолета, который я видела в аэропорту Дублина. Он показался мне таким большим, словно весь Гоут поставили на колеса. Мы поехали к нему; по мере того как мы приближались, он становился все больше и больше. У его передней части стояла лестница с боковинками, чтобы люди на земле не могли видеть то, что всегда видим мы, кошки (то есть, я хотела сказать, женщины).

Старик с корзинкой, в которой сидела Старуха-Кошка, начал медленно подниматься по этой лестнице, или как его там — трапу, что ли? Хорошо откормленный Начальник (Господи! Могу поклясться, что он действительно любит поесть!) поклонился так низко, что едва не сломался. А еще лучше откормленная Стюардесса, одетая в форму цвета морской волны с белым воротничком, приветствовала нас. Она не кланялась — все равно ее корсет не позволил бы ей сделать это. Все Стюардессы и Служанки носят корсеты — я знаю, я читала это в книге, которую Хозяин написал некоторое время тому назад. Короче, они провели нас в Салон Первого Класа, а потом ушли размещать на борту маленьких пассажиров — определить, где они находились, можно было по доносившемуся шуму.

Появилась светящаяся штука, сообщавшая, что мы не должны курить (кто-нибудь видел курящую кошку, а?) и что нам надо пристегнуть ремни. Так мы и сделали. Хозяин прижимал к себе свою корзинку, как будто там было нечто ценное. Ма крепко держала свою — она знала, там ведь я.

Громадная металлическая дверь с шумом захлопнулась, и весь самолет задрожал так, как будто он собирался развалиться на кусочки. Однако этого не произошло. Лайнер медленно двинулся через море огней. Толпы оставшихся снаружи людей махали нам. Они что-то кричали: были видны их широко раскрытые рты. Они были точь-в-точь как та рыба, которую мы однажды держали у себя в баке с водой.

Я уж подумала, что мы доехали почти до самой Америки, как вдруг все вокруг так загудело, что у меня заложило уши, а гул еще больше усилился. Я заорала Пилоту, чтобы он немедленно прекратил это, но он затеял такой грохот, что, конечно, не слышал моего голоса. Тут появилось ощущение дикой скорости — такой, что обед в моем желудке перемешался с ужином, — и мы поднялись в воздух. Наверное, Пилот попался неопытный: положив самолет на бок, он облетел вокруг Аэропорта, чтобы убедиться, взлетел ли он. Я увидела внизу множество огней, много всякой всячины, а потом там появилась вода, блестящая под лунным светом.

— Э-эй! — я попыталась докричаться до Пилота. — Там же внизу вода! Если мы упадем, то наверняка утонем!

Очевидно, услышав меня, он наконец выровнял самолет и направил его на Америку.

Мы поднимались все выше и выше, вверх через разорванные облака, серебрившиеся под

светом луны. Мы летели все быстрее, взбираясь все выше; взглянув в окно вниз, я увидела, что из-под крыла вырываются языки пламени. «Боже мой! — подумала я. — Им не удалось утопить нас, так они, чего доброго, постараются нас поджарить!» Я позвала Хозяина, но он сказал мне, что все о'кэй (это американцы так произносят «ол райт») и мне не стоит волноваться. Я выглянула вновь и увидела, что некоторые трубки в моторе раскалились добела, совсем как мои нервы. Наверное, Пилот угадал мои мысли, потому что он начал говорить прямо с потолка; в своей речи он объяснил, что, мол, не волнуйтесь, мы всегда немножко горим, когда набираем высоту.

Подошла толстая Стюардесса. Я не разобрала, что она говорит, поскольку меня испугал треск, с которым она нагнулась к нам. «Да, ее одежда не выдержит», — подумала я. По Первому Классу разгуливало несколько глупых Янки. Если не считать этих жирных, мы сидели одни. Мы поднялись на высоту около тридцати тысяч футов, или около этого (думаю, что это совсем близко от Рая), затем самолет выровнялся, и мы поплыли среди звезд.

— Я дам Ку таблетку, — сказала Ма и засунула мне в губы какую-то гадость прежде, чем я или Старик могли возразить.

Мигнув от неожиданности, я глотнула. Некоторое время ничего не происходило, затем я почувствовала, как по моему телу разливается неопишуемая легкость. Желание петь стало совершенно непреодолимым. Слушайте! Я действительно стала как пьяная! Наши Старики злились все больше и больше, а мне становилось все лучше.

Примечание для любителей кошек: после Старик разузнал в Детройтском Зоопарке, что транквилизаторы оказывают на кошек совсем иное действие. МЫ ПРОСТО ПЬЯНЕЕМ ОТ ЭТОГО! Парень из Зоопарка сказал, что однажды, так же как и Хозяин, имел дело с опьяневшим котом. Пока лекарство действовало, все было замечательно. Во всяком случае, я свое дело сделала и передаю все дела Старухе-Кошке, поскольку это ее конек.

Самолет гудел, ежечасно преодолевая сотни миль. Постепенно огни слабели, пока вовсе не исчезли. Их сменил зыбкий голубоватый свет. Мисс Ку лежала в своей корзинке, тихо хихикая сама с собой. Из корзинки то и дело вырывался сдавленный смешок. Наконец мое любопытство победило, и я не выдержала.

— Мисс Ку, — мягко, чтобы никого не потревожить, спросила я, — Мисс Ку, что это ты там смеешься?

— А? Что? Я смеюсь? А, ну да, конечно, ХА-ХА-ХА!

Я мысленно улыбнулась: как говорят люди, Мисс Ку была действительно «навеселе». Я лишь однажды видела кота в подобном состоянии — это был Том, который завел привычку спускаться в винный погреб и допивать пролитое на пол. Теперь Мисс Ку изрядно напоминала мне его.

— Фиф, ты меня слышишь? — вновь захихикала Мисс Ку. — Мне сейчас так классно, Фиф! Ты меня слушаешь? ФИ-И-ИФ!

— Безусловно, Мисс Ку, — ответила я, — я тебя слышу. Я с удовольствием внимаю всему, что ты мне поведаешь.

— Ну вот, — начала она, — это произошло как раз перед твоим появлением в Гоуте. Ты же знаешь, что Хозяин — Лама, Буддийский Священник. Однажды он сидел на краю скалы у воды, и один молодой монах-католик, который вместе со своими единовѣрцами прогуливался в тех местах, подсел к нему.

— Сын мой! — обратился он к Хозяину (тот был слишком стар, чтобы годиться ему в дедушки!). — Сын мой, сегодня ты пропустил мессу.

— Ваша правда, отче, — вежливо ответил Хозяин, — я не был на ней.

— Ты должен посещать мессу, сын мой! — сказал ему тогда монах. — Пообещай мне, что

сегодня же сделаешь это!

— Нет, отче, — ответил ему Хозяин. — Я не могу обещать вам этого.

— В таком случае, — гневно возразил ему молодой монах, — ты плохой христианин, сын мой.

— Действительно, отче, — мягко ответил Хозяин. — Я буддийский священник, а по-вашему — аббат!

На мгновение замолчав, Мисс Ку рассыпалась жемчужинками смеха.

— Фиф! — наконец произнесла она. — Видела бы ты этого молодого монаха — он бежал оттуда, будто за ним черти гнались!

Наконец Мисс Ку, устав от смеха и болтовни, уснула. Я заворочалась в своей корзинке, и Хозяин, просунув ко мне руку, ласково почесал мне шейку. Я замурлыкала и погрузилась в сон.

Я проснулась, потому что Хозяину стало плохо. Летчик склонился над ним, предлагая какие-то лекарства. Ведь Хозяин уже очень стар и болен; он перенес много болезней и жизненных испытаний. В самолете с ним случился сердечный приступ, и я не надеялась, что он доживет до приземления. Однако перед полетом он сказал мне:

— Фиф, я бросаю тебе вызов! Если ты сможешь перенести полет, значит, и я смогу!

У меня было особое чувство к Хозяину — ведь с ним я могла говорить так же свободно, как и с Мисс Ку.

— БОЖ-ЖЕ МОЙ! — мрачно пробормотала Мисс Ку. — По-моему, я перебрала! Хотела бы я скормить Старой Ветеринарной Морде его транквилизаторы, чтобы он понял, каково это! В конце концов, что знают люди-ветеринары о кошках?

— Мисс Ку, скажи пожалуйста, который час? — спросила я.

— Час? Эх, ну... Не знаю. У меня все время спуталось. В любом случае, голубого света нет, и все лампы горят. Нам скоро дадут поесть.

Я услышала позвякивание посуды и слабые звуки — это просыпались люди. Я уже попривыкла к своей слепоте, однако это было **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** жутко — не знать, что творится вокруг, не быть в состоянии увидеть происходящее. Хозяин опустил руку, чтобы приласкать меня.

— Старая Глупая Кошка, — ласково сказал он. — Ну, о чем ты теперь переживаешь? Просыпайся, пора завтракать. Мы скоро совершим посадку.

С потолка послышался голос; с ним в салон ворвалась шумная, трескучая жизнь.

— Пожалуйста, пристегните свои привязные ремни, скоро наш самолет совершит посадку в Международном Аэропорту Нью-Йорка.

Послышался металлический щелчок, и Хозяин крепче взялся за мою корзинку. Нос самолета наклонился; двигатели изменили тембр своей песни. Появилось ощущение дрожи, затем провисания, наконец моторы загудели в полную силу. Толчок и визг колес. Еще один толчок — и самолет покатился по полосе.

— Пожалуйста, оставайтесь на своих местах, — сказала Стюардесса, — не вставайте до полной остановки самолета.

Мы все катились вперед; иногда взвизгивали тормоза: это Плот управлял самолетом, контролируя скорость. Последний толчок — и все замерло. Двигатели заурчали тише, потом замолчали вовсе. Мгновение слышалось лишь дыхание людей в салоне; затем снаружи донеслось громкое «БАММ!» и послышался скрежет металла о металл. Дверь распахнулась, и морозный воздух ворвался внутрь самолета.

— До свидания! — сказал нам Первый Пилот. — Летайте самолетами нашей авиакомпании!

— Счастливого пути! — сказала и Стюардесса. — Надеемся снова увидеть вас на борту

нашего самолета!

Мы спустились по трапу: Хозяин нес корзинку со мной, Ма держала мисс Ку, а тыл прикрывала Лютик. Я не могла понять, отчего здесь так холодно.

— Б-р-р! — с отвращением поежилась Мисс Ку. — Сначала этот ***** перебор, затем этот ***** холод!

Семья заспешила, чтобы мы не пробыли на холоде слишком долго. Скоро мы вошли в большой зал. Мисс Ку, которая знала абсолютно все, сообщила мне, что это Зал Таможенного Досмотра и Оформления Иммиграционных Документов и что здание является самым большим в мире среди себе подобных. Хозяин достал наши бумаги, мы оформили иммиграционные документы и пошли к таможне.

— Что везем? — на одном дыхании спросил Таможенник.

— Нам декларировать нечего, — ответил ему Хозяин. — Мы едем транзитом в Канаду.

— А это что — кошки? — не унимался Таможенник.

— А-ах! — восхитилась Таможенница. — Я видела таких раньше. И-ЗУ-МИ-ТЕЛЬ-НО!

Мы прошли таможню. По изменению запаха я поняла, что наш багаж несет человек с другим цветом кожи; однако Хозяин и Ма крепко держали корзинки со мной и Мисс Ку. В Главном Зале Ожидания Хозяин присел — он был очень болен. Ма отправилась искать представителей американской авиакомпании, которая должна была доставить нас в Детройт. Ее не было очень долго. Возвратившись, она едва не плакала от огорчения.

— Они расторгли соглашение! — сообщила она. — Они не хотят перевозить кошек в пассажирском салоне; они говорят, что кошек надо разместить в багажном отделении — так гласят какие-то их правила и требования. Они говорят, что служащие в Шэнноне просто ошиблись.

Вдруг я почувствовала себя очень старой. Я поняла, что НЕ СМОГУ пережить дорогу в багажном отделении, что с меня уже хватит этого. Я была поражена, что КОМУ-НИБУДЬ могла прийти в голову мысль, будто Мисс Ку в состоянии перенести это.

— Если кошек не пускают, значит, мы тоже не полетим! Пойди и сообщи им, что мы наделаем много шума по этому поводу и что мы потребуем наши деньги назад — ведь было условие, что они пустят кошек в салон, если мы заплатим наперед.

Ма ушла, и мы вновь сели ждать ее возвращения. Наконец, она пришла и сказала:

— Я объяснила им, что ты очень болен. Они выделили специальный автомобиль, чтобы отвезти нас в аэропорт Ла-Гуардиа. Они предложили нам побыть некоторое время в большом Мотеле — может быть, Авиакомпания изменит свое решение.

Вскоре мы сидели в большущей машине — «кадиллаке», — в которой был даже кондиционер.

— Боже мой! — вырвалось у Лютика, когда мы прокладывали себе путь через запруженный нью-йоркский Фривэй. — Не хотела бы я водить здесь машину!

— Это не сложно при условии, что вы держитесь своего ряда, мэм, — сказал Шофер.

Минут через двадцать мы подъехали к тому, что Мисс Ку назвала самым большим Мотелем, который она когда-либо видела. Мы вошли внутрь.

— Вы не против, если у вас поживут Сиамские Кошки? — спросил Хозяин у стойки регистрации.

— Напротив, мы всегда рады! — ответил клерк, внимательно оглядев нас. — Безусловно, мы рады, — повторял он, ведя нас в наши комнаты.

Мне показалось, что нам пришлось преодолеть несколько МИЛЬ, прежде чем мы добрались до наших комнат.

— Туалетную Комнату для Дам и ПОБЫСТРЕЕ! — закричала Мисс Ку.

Как я была ей признательна за это! Необходимые удобства в мгновение ока появились перед нами, немало способствовав нашему комфорту и успокоению.

— Теперь нужно поесть, — сказала Ма.

— Сначала — Кошкам, — уточнил Хозяин.

Обычный наш распорядок был сильно нарушен, но мы почувствовали, что спокойно переносим это. Мы побродили вокруг, исследуя выделенные нам три комнаты, затем осторожно выглянули в коридор.

— Я вижу Аэропорт, — сказала Мисс Ку. — Должно быть, это и есть Ла-Гуардиа. Ма встала:

— Ладно, я пойду в Авиакомпанию и погляжу, что можно сделать.

Дверь за ней захлопнулась. Мы с Мисс Ку сели присматривать за Хозяином. Он пластом лежал на кровати: долгое путешествие сказало на его сердце. Тут вошла Лютик:

— Как же мы доберемся до Виндзора, если нас не пускают в самолет? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Хозяин, — может быть, на поезде. Если удастся взять Сидячее Купе, то Кошки смогут поехать с нами.

Я уже подремывала, когда вернулась Ма.

— Они возьмут нас, только если Кошки поедут в багажном отделении, — сказала она.

— НЕТ! — запротестовал Хозяин. — Лучше мы найдем другой способ добраться до места.

Воцарилась долгая пауза. Мы с Мисс Ку прижались друг к другу, пугаясь перспективы лететь в багажном отсеке: ведь в конечном счете цены в Мотеле были просто фантастическими и долго оставаться здесь мы не могли.

— Все, что они смогли предложить, — это воздушное такси, — сказала Ма.

— Что ж, — ответил Хозяин, — поскольку Авиакомпания расторгла соглашение, мы вернем свои деньги за билеты из Нью-Йорка в Детройт. Это уменьшит наши расходы. Они сказали, сколько будет стоить перелет отсюда в Канаду? — поинтересовался он.

Когда Ма назвала приблизительную цифру, Хозяин чуть не потерял сознание (как, впрочем, и мы с Мисс Ку). Затем он произнес:

— Закажи самолет на завтрашнее утро, но он должен быть достаточно велик, чтобы поместились и наши Кошки. — Кивнув в знак согласия, Ма снова покинула нас.

Мисс Ку и я устроили небольшую тренировочную пробежку по комнатам. Поскольку комнаты были незнакомыми, Мисс Ку бежала впереди, попутно рассказывая мне, где что находится; я старалась не отставать. Мы получили немало удовольствия и одновременно развлекли Хозяина, которому нравилось наблюдать за нашими прыжками и играми. Когда мы устали, Мисс Ку подвела меня к окну и начала описывать высокие башни Манхэттена — там, среди них, некогда жил и работал Хозяин.

Вернулась Ма. Она сказала, что все улажено и что завтра в это же время мы уже будем в Виндзоре. Потом мы пили чай; а после сидели и размышляли о новых землях, в которые мы направляемся. Рано опустилась ночь, и мы все отправились в кровати, чтобы набраться побольше сил: путешествие из Гоута сюда оказалось гораздо более утомительным, чем мы ожидали. Мотель был очень хорошим; однако он располагался близко к Аэропорту и Нью-Йорку, поэтому цены в нем были очень высоки. Правда, Хозяину все равно был необходим отдых — иначе бы он просто не выдержал.

Утром мы позавтракали и попрощались с клерком у стойки регистрации; мы с Мисс Ку ему очень понравились, что, по ее мнению, говорило о его хорошем вкусе. Из-за болезни Хозяина и большого количества багажа Мотель выделил нам машину, чтобы добраться до офиса компании, занимавшейся перевозками воздушным такси. Нас вез очень приятный цветной человек; он очень переживал, к тому ли офису мы подъехали, и постарался подвезти нас как можно ближе.

— Ваша ждате здесь, хаспадин, — сказал он Хозяину. — Пока моя не уладить все.

Мы зашли в Офис. Поначалу никто не знал, кто мы и почему пришли. Затем одному из служащих пришла в голову светлая мысль, и он решил позвонить.

— Конечно! Конечно! — сказал он. — Пилот уже идет сюда. Подождите немного.

Мы подождали немного, потом еще немного. Наконец в Офис буквально ворвался человек, который спросил:

— Это вы те парни, которые летят в Канаду?

Мы сказали, что да (для усиления эффекта мы с Мисс Ку также прибавили свои голоса).

— О'кэй, — сказал он. — Ваш багаж мы заберем на борт. А как с кошками?

— ОНИ ПОЛЕТЯТ ВМЕСТЕ С НАМИ! — твердо заявил Хозяин.

— О'кэй, — согласился Пилот. — Две дамы должны будут сидеть сзади и держать корзинки на коленях. И он повел нас к самолету.

— Господи! — в ужасе воскликнула Мисс Ку. — Да ведь это всего лишь ***** игрушка! Два мотора, три сиденья — с пилотом четыре. Трехколесное шасси. КОШМАР! — вскричала она с еще большим волнением. — Я не знаю, как мы поместим Хозяина на этом крошечном переднем сиденье. Да ведь пилоту придется побрить голову, чтобы было больше места!

Ма и Лютик забрались в самолетик, который, по мнению Мисс Ку, был не просторнее автомобиля: на заднем сиденье могли уместиться два человека, правда, умеренной комплекции. Ма у нас довольно пухленькая, а Лютик худощава, так что вместе они вполне могли сойти за двоих умеренной комплекции. Когда Хозяин забрался внутрь, я почувствовала, как весь самолет закачался, — ведь он весил около двухсот двадцати пяти—двухсот тридцати фунтов (возможно, что в дороге он потерял около фунта). Даже нос этого «лайнера» наклонился.

Наш пилот, очевидно, был самым маленьким из всех пилотов, поскольку на его вес самолет никак не отреагировал. Один за другим он завел моторы, дал им прогреться, а затем, отпустив тормоза, мы покатались по дорожке. Мы проехали по земле бог знает сколько миль, пробираясь в дальний конец Аэропорта. Все это время Мисс Ку бегло комментировала происходящие события:

— Ничего себе! По-моему, все самолеты Америки стартуют отсюда каждую минуту.

Внезапно Пилот пробормотал ОЧЕНЬ неприличное слово и резко увел самолет вправо; мы откатились от взлетно-посадочной полосы.

— У нас прокол колеса, — кратко сообщил он. — Пилот этого лайнера только что сообщил мне это по радио.

Тут за нами раздался оглушающий вой сирен и рев двигателей. Через мгновение целая кавалькада автомобилей, промчавшись по аэродромной полосе, окружила нас.

— О небо! — Мисс Ку пыталась перекричать окружающий шум. — Да они вызвали Национальную Гвардию!

Прижав уши, чтобы ее не заметили, она осторожно выглянула в окно:

— Здесь полно полицейских, а еще пожарная команда, и целая машина служащих аэропорта и автоподъемник. ОГО-ГО!

— О Господи! — воскликнул Хозяин. — Какое оживление из-за одного несчастного спущенного колеса!

К нам отовсюду бежали люди, сирены издавали последние издыхающие завывания, а грохот автомобильных моторов сливался с ревом авиалайнеров, разгонявшихся перед взлетом. Неожиданно под нами возникли мощные крюки, и самолет был приподнят на несколько дюймов над землей, чтобы неисправное колесо можно было снять. Потом машины умчались, а подъемник увез наше неисправное колесо. Мы стали ждать — час, второй...

— Да за это время мы бы уже ПЕШКОМ добрались до Канады! — в сердцах воскликнул

Хозяин.

Автомобиль технической помощи медленно катился по служебной трассе, тянувшейся вдоль взлетно-посадочной полосы. Не торопясь — нет, ВЯЛО — из него выбрались люди и направились к нашему самолету. Наконец колесо было прилажено на место и машина уехала. Пилот вновь запустил двигатели и дал им прогреться. Затем он по микрофону связался с Диспетчерской Вышкой и сообщил, что мы готовы к взлету.

В конце концов мы получили разрешение на взлет, и пилот нажал на газ. Мы разогнались и плавно поднялись в воздух. Мы медленно поднимались, осторожно пробираясь между маршрутами больших лайнеров. Затем пилот, выбрав нужное направление, установил крейсерскую скорость.

Мы все летели и летели, но, казалось, оставались при этом на месте. I

— С какой скоростью мы летим, Мисс Ку? — спросила я. Она изогнула шею, пытаясь заглянуть Пилоту через плечо.

— Скорость сто двадцать пять, высота шесть тысяч футов, направление норд-вест, — отрапортовала она.

Я завидовала ее знаниям, ее способности видеть — ведь я могла лишь сидеть, будучи полностью зависимой от окружающих, которые рассказывали мне обо всем. Однако я тут же вспомнила о тех полетах, когда я в бессознательном состоянии лежала в коробке, и подумала, что сейчас мне ГОРАЗДО лучше, поскольку со мной обращались даже ЛУЧШЕ, чем с людьми, — я сидела на коленях у Ма.

ТУК-ТУК! — сказала Мисс Ку, заглядывая между плечами Хозяина и Пилота. — ТУК-ТУК-ТУК! Нам нужны парашюты, Фиф! СТРЕЛКА ТОПЛИВНОГО УКАЗАТЕЛЯ УЖЕ НА НУЛЕ! Развернувшись к Пилоту, Хозяин спросил:

— С индикатором топлива все в порядке?

— Закончился бензин, — спокойно ответил Пилот. — Но мы всегда успеем совершить посадку.

Под маленькими крыльями нашего самолетика простирались заснеженные вершины горной гряды Аллегени, что в Пенсильвании. Мурашки забегали у меня по спине от ужаса, когда Мисс Ку рассказала мне о глубоких расселинах и острых, как бритва, пиках, жаждавших слизнуть наш самолет с небес. Сверившись с картой, Пилот немного изменил курс.

— Ой, Мисс Ку! — в ужасе воскликнула я. — Мы ПАДАЕМ!

— Фу, угомони свои глупые страхи, — невозмутимо ответила Мисс Ку. — Сейчас мы приземлимся и возьмем немного бензина, прямо впереди у нас маленький аэродром. Так что просто вцепись когтями в корзинку и ДЕРЖИСЬ!

— БУМ! — начал вдруг самолет. — БУМ, бум!

Вначале мы коснулись земли немного сбоку, чиркнув по снегу, затем покатались по полосе аэродрома. Затормозив, Пилот остановил самолет и, открыв дверцу, спрыгнул. В кабину ворвался холодный воздух. Попрыгав на снегу, он крикнул женщине, стоявшей у заправки:

— Полный бак! — и помчался к ближайшему Заведению с Удобствами.

Даже не взглянув на нас, женщина подошла к самолету и налила в крылья самолета много бензина. Аэродром был весь укутан снегом; белое одеяло покрывало строения и взлетно-посадочные полосы. Мисс Ку описала мне множество маленьких самолетов, жавшихся к земле в ожидании хозяина, который выпустит их полетать на воле. Снег укрывал горы вокруг аэродрома, чьи опасные склоны поджидали неосторожные жертвы.

Не надевая пальто, Хозяин ступил на снежное покрывало.

— Осторожно! — крикнула я ему. — Ты простудишься!

— Не глупи, Фиф, — сказала мне Мисс Ку. — На самом деле морозная погода для Хозяина все равно что жара — он к ней привык. В Тибете, откуда он родом, стоит такой мороз, что даже произнесенные слова замерзают и падают на землю!

Моторы снова взревели, и мы двинулись по изрытому снегу. Контроль-Ной вышки в таком захолустье не было, так что пилот, прогрев двигателя, поддал газу, и самолет помчался по заснеженной полосе. Уже в воздухе он очертил круг над маленьким аэродромом, набирая достаточную высоту, а затем через горы направился в сторону Кливленда. Теперь мы уже настолько привыкли к тарактению моторов, что больше не замечали их.

Мы летели, иногда мягко подымаясь и опускаясь в воздушных вихрях; мы бесконечно летели в закат. Под левым крылом промелькнули дымки Питтсбурга, и впереди в легкой дымке виднелся Кливленд.

— Мы пролетим над Кливлендом, — сообщил Пилот, — и пересечем озеро Эри в районе Сендаски. Если что-нибудь случится с двигателями, под нами будут три острова.

Самолет все гудел, и два его двигателя пели одну и ту же монотонную песню, да пилот периодически притрагивался к рычагам управления. От долгого полета мы почувствовали, что отсидели все, что только можно. Когда самолет внезапно вильнул вправо, я как-то неудобно повернулась.

— Великие Прыгающие Коты! — воскликнула Мисс Ку. — По-моему, кто-то раздражил

холодильник и тот забросал все вокруг кубиками льда! Испуганно съежившись, она продолжила:

— На самом деле это, конечно, не кубики льда, но с такой высоты они смотрятся очень похоже. Все озеро заморожено, и по его поверхности повсюду высятся горы льда. Отсюда они действительно смотрятся, как разбросанные ледяные кубики, — повторила она уже автоматически.

Под нами топорщился лед; любая полоска чистой воды моментально одевалась в твердый ледяной панцирь. Эта зима, сообщил нам Пилот, необычайно холодная, а прогноз предсказывает еще большее усиление холодов.

— Остров Пили, — сказал нам Пилот, — а это значит, что мы как раз находимся над серединой Озера. Дальше мы пролетим над Кингсвиллом и оттуда — в Виндзор.

Теперь самолет немного потряхивало: лед сильно охлаждал окружающий воздух и это вызывало небольшие завихрения. Я совсем устала и проголодалась, и меня не покидало ощущение, что так я путешествую уже вечность. Тут я подумала о Хозяине; ведь он был безнадежно болен и стар. Но ведь ОН крепился, значит должна была крепиться и я. Распрямив плечи, я уселась поустойчивее — и почувствовала себя лучше!

— Через пять минут мы приземлимся в аэропорту Виндзора, — сказал Пилот.

— О! — пропищала Мисс Ку, вне себя от возбуждения. — Я вижу небоскребы Детройта!

Самолет наклонился и помчался к земле. Моторы запели по-другому, затем мы выровнялись и, легонько шаркнув по покрытой снегом взлетно-посадочной полосе, приземлились в Канаде. Мягко прокатившись, самолет свернул направо.

— ВЛЕВО! ВЛЕВО! — закричал Хозяин, который отлично знал этот аэропорт. — Это старый аэропорт, им больше не пользуются. Вам нужно повернуть к Новому.

Как раз в этот момент отозвалась Контрольная Вышка: ее служащие по радио подтвердили Пилоту слова Хозяина. Прибавив обороты правому двигателю, Пилот развернул самолет и, проехав с четверть мили, включил тормоза и заглушил моторы.

Мгновение мы сидели неподвижно. Мы чувствовали себя такими разбитыми, что сомневались в возможности выбраться наружу. Мисс Ку прошептала мне:

— Тут все такое же белое, как и верхушка на рождественском торте. Откуда же это все взялось?

Толкнув дверцу, Пилот начал выбираться из самолета. Неожиданно где-то рядом загрохотал мощный грубый голос:

— Эй! Откуда вас принесло, парни?

Суровый голос мужчины испугал меня, и я подумала: куда, интересно, мы попали? Теперь я знаю, что здесь все разговаривают так грубо. Хозяин говорит, что они считают, будто до сих пор находятся на Диком Западе, где вежливость и культурность всегда считались слюнтяйством.

Хозяин ответил, что мы Иммигранты и все наши документы в порядке. Мужчина прокричал:

— Вы опоздали, Служба Иммиграции закрыта, — и, развернувшись, ушел в здание аэропорта.

Медленно, разминаясь, мы выбрались из самолета и направились к двери с надписью «Таможня Канады». Войдя, мы очутились в большом и пустом зале. Я это поняла, услышав эхо, раздававшееся там от наших шагов. Мы подошли к конторке, за которой сидел человек.

— Вы прибыли слишком поздно, — сказал он, — и потом, вы не предупредили нас, что собираетесь прилететь. Сейчас представителя Службы Иммиграции здесь уже нет, а я не прикоснусь к вашему бараклу, пока вы не оформите все документы.

— Вас уведомили, — возразил Пилот. — Вчера мы сообщили вам об этом из аэропорта Ла-Гуардия в Нью-Йорке. А что теперь делать мне? Ведь мне надо возвращаться назад. Слушайте,

подпишите эту бумагу. В ней лишь подтверждается, что я довез людей до канадской таможни.

Таможенник вздохнул так тяжело, что форма на нем затрещала и натянулась.

— Вообще-то я не должен этого делать, — сказал он, — потому что через пару минут моя смена заканчивается. Ну да ладно...

Он нацарапал своей ручкой что-то на бумаге, Пилот пробормотал ему слова благодарности и, бросив нам: «ока, ребята!», навсегда исчез из нашей жизни. Скоро гудение его самолета промчалось по полю и растаяло где-то в вышине.

Открылась и закрылась дверь. В нашу сторону затопали тяжелые шаги.

— Эй, — с облегчением произнес таможенник, — эти парни говорят, что они Иммигранты. Что будем с ними делать? Уже поздно — хотя теперь это уже ТВОЯ проблема, моя смена только что закончилась.

Не сказав больше ни слова, он развернулся и вышел. Человек, вызвавший вздох облегчения у Таможенника, говорил с добрым старым ирландским акцентом:

— Безусловно, мы поможем вам пройти формальности. Сейчас я позову представителя Службы Иммиграции.

Повернувшись к телефону, он вскоре объяснял кому-то, какие «проблемы» свалились на него. Затем, повернувшись к нам, он сообщил:

— Служащий сейчас придет. Я не могу притрагиваться к вашим вещам, пока он не оформит вас в качестве Иммигрантов, прибывших на постоянное место жительства. Сначала они, потом придете ко мне на таможню. Что у вас там? — спросил он.

— Две Сиамские Кошки, — ответил Хозяин. — Вот бумаги, подтверждающие, что они находятся в добром здравии.

Вздохнув, человек вновь потянулся к телефону.

— ... да, две кошки. Сиамские. Да, я посмотрел их бумаги. Да, я лишь подумал, что вы, может быть, захотите осмотреть их. Нет? Отлично! — Он вновь развернулся к нам. — С кошками проблем нет. Теперь нужно дождаться, как будет с вами.

Захихикав, Мисс Ку шепнула мне:

— МЫ прошли, Фиф! А вот Семья осталась!

Мы ждали, ждали... Нам показалось, что за это время можно было слетать обратно. Аэропорт был ужасно скучным; ни один звук не нарушал тишины. Я почувствовала, что Хозяину становится все хуже. Ма беспокойно бродила туда-сюда, а Лютик дышала так, как будто находится на пределе истощения и вот-вот уснет. Где-то хлопнула дверь.

— А! — произнес Таможенник. — Вот и они.

В коридоре послышались шаги двух людей. Ближе, ближе...

— Эти люди говорят, что они — Иммигранты, — сказал Таможенник. — Я позвал вас, потому что я не могу заниматься их кладью, пока они не прошли через вашу службу. Санитарная служба проверила кошек, с ними все в порядке.

Представитель Службы Иммиграции оказался милым старичком; однако, казалось, он совершенно не ориентировался в здании Аэропорта и не имел ни малейшего представления о том, куда ему следовало нас вести. Он продолжил задавать Таможеннику вопросы, а потом нерешительно произнес:

— Пройдемте сюда, — и двинулся к маленькой боковой комнатке. — Прежде чем мы начнем, нужно найти все Формы и прочее, — бормотал он про себя, беспомощно тыкаясь в закрытые ящики столов. — Подождите здесь, — наконец сказал он. — Мне необходимо найти кое-какие ключи. —

Он вышел и вскоре вернулся с Таможенником. Они вместе стали пытаться открыть столы и двери шкафов, что-то бормоча про себя, когда натыкались на очередной замок. Затем оба

вышли, и мы вновь погрузились в долгое ожидание.

— Я их нашел! Я нашел ключи! — с неопишым триумфом сообщил нам представитель Иммиграционной Службы. — ТЕПЕРЬ уже недолго.

Несколько минут он пробовал один ключ за другим, с каждым разом хмурясь все больше, но ни один из ключей не подошел. Тогда он вновь призвал на помощь Таможенника, и они уже вдвоем начали осаду непокорного стола.

— Ты тяни наверх, — сказал представитель Иммиграционной Службы, — а я потяну вниз. Если мы сможем просунуть эту штуковину в щель, нам удастся открыть это.

Их побряхтывание и ворчание звучали как колыбельная, и мы едва не заснули; но тут раздался треск дерева и звук от падения на пол одного или двух шурупов из развороченного замка. Пауза длилась мгновение, затем представитель Иммиграционной Службы сдавленно пробормотал:

— Да этот ***** стол пустой!

И вновь они принялись бродить по комнате, наугад дергая и расшатывая ящики столов и шкафы. Лишь ЗНАЧИТЕЛЬНО позже представитель Иммиграционной Службы воскликнул:

— Ага! ВОТ ВЫ ГДЕ!

Послышалось шуршание бумаги, тихое бормотание, а затем невнятный голос:

— Ну, формы у нас есть — НО ГДЕ ЖЕ ПЕЧАТИ?

И вновь поиски, и вновь бормотание и долгое ожидание. Мисс Ку и я потихоньку вздремнули и проснулись, лишь ощутив, что наши корзинки подняли.

— Теперь идите в Таможню, то есть туда, откуда вы пришли, — сказал Представитель. И мы поплелись обратно в Зал.

— Ну как, все в порядке? — спросил Таможенник, проверяя наши бумаги, на которых теперь стоял штамп «Иммигрант, приехавший на постоянное место жительства».

Хозяин устало поднял чемоданы и поставил их на стойку; открыв замки, он предоставил содержимое к осмотру. Таможенник методично проверял перечень ввозимых предметов с имеющимся в чемоданах.

— Все в порядке, — наконец сказал он. — Вы можете идти.

Когда мы вышли из здания аэропорта, вокруг толстым слоем лежал снег. Здешний уборщик заверил нас, что «давненько не было такой холодной зимы». Наши вещи были быстро уложены в поджидавшую машину. Ма, Лютик, Мисс Ку и я забрались на заднее сиденье, а Хозяин сел рядом с водителем. Дорога была скользкой. Водитель, казалось, весьма слабо представлял, куда мы едем, и постоянно бормотал:

— А теперь повернем сюда — нет, это должно быть дальше; ох, нет, это все же здесь.

Ехать было очень неудобно и долго, так что нам дорога показалась столь же длинной, как и перелет.

— Вот, — наконец сказал водитель, — это ваш дом.

Мы выбрались из машины и внесли вещи внутрь. Мисс Ку и я были слишком измотаны, чтобы провести тщательную инспекцию дома, поэтому мы лишь побродили немного, пытаясь определить наиболее важные места. Лишь только Хозяин поднял меня на свою кровать, как я тут же уснула.

С наступлением утра пришла Мисс Ку. Она разбудила меня словами:

— Эй, вставай, старая ленивая негодница! У нас уйма работы, так что иди за мной, а я буду рассказывать тебе обо всем.

Спрыгнув с кровати, я была вынуждена хорошенько почесаться, чтобы полностью проснуться; затем я последовала за Мисс Ку.

— Здесь мы едим, — сказала она, — а вот — Заведение с удобствами. Здесь находится

стена, об которую ты могла бы расколотить свои мозги, если бы они у тебя были. Эй, запоминай хорошенько, дважды я повторять не буду!

Затем она продолжила:

— Тут дверь, которая ведет к маленькому саду, в конце которого расположен гараж, а за ним начинается дорога.

Проведя меня по всему дому, она запрыгнула на подоконник в спальне Хозяина.

— Господи, Фиф! — воскликнула она. — Снаружи есть солнечная веранда, за нею большой луг, а там и до моря рукой подать. Море все замерзло.

— Не будь такой глупой, Ку, — сказал Хозяин, усаживая меня себе на плечо. — Пойдем, — и направился к двери.

Открыв дверь, он вынес меня первую, но Мисс Ку тут же шмыгнула вперед, чтобы выскочить первой.

— Это не море, — сказал Хозяин. — Это — озеро Септ-Клер. Когда потеплеет, вы сможете выходить на улицу и играть в траве.

Дом был весьма странным; на потолке каждой из нижних комнат была вентиляционная решетка, пропускавшая теплый воздух в комнаты наверху. Мисс Ку ЛЮБИЛА сидеть на такой решетке в спальне наверху, наблюдая, что творится на кухне. Во-первых, она получала больше тепла, поднимавшегося от кухонной печки; во-вторых, ее очень привлекала возможность знать обо всем, что творится на кухне, наблюдать за проходящими торговцами и подслушивать, что говорят в спальне у Хозяина.

Через несколько дней после нашего приезда в Канаду наступило Рождество. Праздники прошли тихо: здесь мы ни с кем не были знакомы, так что на протяжении дней, которые для других были «праздничными», мы не увидели ни одной живой души и ни с кем не пообщались. Погода была противная: постоянные снегопады. Поверхность Озера представляла собой один плотный слой льда, по которому носились буеры.

И я невольно вспомнила другое время и другие Рождественские праздники. Мадам Дипломат была ревностной католичкой, для которой «Сайта Ноэль» был немаловажным событием. Я вспомнила, как на ПРОШЛОЕ Рождество меня закрыли в старом темном чулане; там же прошел для меня и следующий день праздника — развлекаясь, все просто забыли обо мне. ЭТО Рождество для меня было действительно самым счастливым, поскольку, оглядываясь на свою прошлую жизнь, я знала, что теперь я действительно нужна и никогда больше не буду одинока, забыта или голодна.

Во времена мадам Дипломат меня старались упрятать в каморку на возможно больший срок. Теперь же, даже если меня нет всего несколько минут, кто-нибудь обязательно беспокоится: «Где это Фиф? С ней все в порядке?», и будут организованы немедленные поиски. Теперь я поняла, насколько я нужна, так что я стараюсь держаться на виду или показываться, как только прозвучит мое имя.

Кормят нас тоже регулярно: Хозяин говорит, что я ем один раз в день, но зато целый день напролет! Он никогда не верил в то, что животных следует кормить раз в сутки, полагая, что у нас хватит разума остановиться, когда будет достаточно. Поэтому у нас с Мисс Ку в любое время есть еда и питье.

Прошли рождественские праздники, и мы стали все больше ощущать, что снятый нами дом расположен весьма далеко от магазина. Мимо нас не проезжал ни один автобус, а сам город находился приблизительно в пятнадцати милях. Единственным способом добраться куда-нибудь было такси. Конечно, к нам приходили торговцы, предлагая молоко, хлеб и мясо; но настоящего ВЫБОРА не было. Тогда Хозяин решил купить машину.

— Сначала мы возьмем подержанную, — сказал он, — а затем, когда привыкнем к этим

сумасшедшим канадским водителям, возьмем что-нибудь получше. — Едва ли не больше всего Хозяина удивляло практически полное отсутствие вежливости среди водителей. Он часто повторял, что американцы, вероятнее всего, являются наихудшими водителями в мире, а в этом смысле канадцы вряд ли уступят кому-нибудь свое второе место. Хозяин наверняка неплохо разбирался в этом — ведь он водил машину по дорогам почти шестидесяти стран.

Такси подъехало к двери, и водитель крикнул, известив о своем прибытии. Хозяин вышел. Мисс Ку закричала ему вслед:

— Хозяин! Не позволяй им обмануть тебя и возьми хорошую машину! Я услышала, как хлопнула дверца автомобиля, и машина покатила по Дороге.

— Надеюсь, что он возьмет хороший автомобиль, — сказала Мисс Ку. — Я так ЛЮБЛЮ водить машину, что просто не могу дожидаться, когда Мы выедем на своей.

И это было правдой: Мисс Ку была способна лихачить где угодно и в любое время. Она обожала скорость. Лично мне поездки на машине не нравились, во всяком случае, если скорость превышала двадцать миль в час. Какая радость от скорости, если глаза ничего не видят! А Мисс Ку предпочитает мчаться по шоссе на максимальной разрешенной полицией скорости.

Утро медленно тянулось; мы, кошки, скучали без Хозяина и Ма. Неожиданно уши Мисс Ку встали торчком.

— Они едут, Фиф, — сказала она.

Прислушавшись, я услышала этот звук. К сожалению, оказалось, что это было лишь такси. Лютик сбегала по ступенькам и поспешила к двери. Мисс Ку вскочила на подоконник и тут же издала возглас разочарования.

— Они вернулись на такси, значит, никакой машины они не купили! — раздраженно произнесла она.

Лютик открыла им двери:

— Ну? Как там дела?

К ней присоединились вопли Мисс Ку:

— НУ ЖЕ! ДАВАЙТЕ, раскальвайтесь! Что случилось?

— Понимаете, — сказал Хозяин, — мы увидели автомобиль, который нам показался вполне подходящим. Это был старый «Монарх». Компания пришлет нам его сюда, чтобы в течение дня мы могли его опробовать. Если машина нам понравится, мы заплатим деньги и оставим ее себе.

Развернувшись, Мисс Ку стрелой помчалась вверх по лестнице, задрав хвост от радости.

— Я пойду наверх и буду смотреть через окно ванной, — прокричала она нам сверху.

Затем Хозяин и Ма рассказали нам с Лютиком о том, как все происходило. Мы только собирались попить чаю, как Мисс Ку заорала:

— Едут, две машины! ЕИП-ГИП УРА!

Я услышала, как она исполняет маленький танец радости в комнате наверху. Хозяин и Ма вышли на улицу, а Мисс Ку просто была вне себя от возбуждения: она носилась как угорелая, будто кошка, у которой только что отняли ее котят.

— Так-так! — выдохнула она. — Что же они МОГУТ делать там? Не выдержала искушения и Лютик: накинув свое самое теплое пальто, она выскользнула из дому. Вдруг Мисс Ку издала душераздирающий вопль:

— Я вижу ее, Фиф! Она такая зеленая и большая, как автобус!

Семья зашла в дом как раз вовремя, чтобы спасти Мисс Ку, которая иначе неизбежно взорвалась бы от любопытства и огорчения, что ее не пускают на улицу. Посмотрев на нее, Хозяин взял ее на руки и сказал:

— Итак, тебе хочется посмотреть машину, не так ли? А ты Фиф, не хочешь ли взглянуть?

— Нет, благодарю, — ответила я. — Лучше оставьте меня в доме — здесь безопаснее!

Тогда Хозяин с Мисс Ку на руках и Лютик (она очень хорошо укуталась) вышли на мороз. Я услышала, как заработал двигатель. Почесав мою голову, Ма сказала:

— Теперь, Фиф, ты сможешь выезжать на прогулки. Через полчаса все вернулись. Мисс Ку просто-таки распирало от возбуждения.

— Потрясающе! ПОТЯСАЮЩЕ! — прокричала она мне. — Я ездила в Текумзе.

— Мисс Ку, — обратилась к ней я, — если ты не прекратишь, тебя, пожалуй, хватит удар. Почему бы не сесть спокойно рядом и не рассказать мне все по порядку? Я не могу уследить за тобой, когда ты буквально захлебываешься и сбиваешься с мысли от нетерпения.

На мгновение мне показалось, что она сейчас рассердится, однако она справилась с собой и села неподалеку от обогревателя. Ломая от волнения лапы, она торжественно начала:

— Ну вот как все было, Фиф. Старик вынес меня и посадил на заднее сиденье, а сам сел на место водителя (там для него действительно достаточно места — ты же знаешь, как много ему надо). Лютик села на переднее сиденье рядом с Хозяином, и он завел мотор. Ой! Чуть не забыла: машина зеленая и вся автоматическая (не знаю, что это точно значит). Кроме того, в ней достаточно места для всех нас и даже еще для двоих.

Хозяин вел машину медленно — он всегда такой законопослушный; я тут же сказала ему об этом, а он мне ответил, мол, надо подождать, пока мы не заплатим за нее. Так вот: они собираются еще поехать и сегодня же днем заплатят за нее; после этого мы сможем ездить быстро. И мы съездили в Текумзе и вернулись, вот!

Немного помолчав, она причесала кончик своего хвоста, а затем продолжила:

— Как бы я хотела, чтобы ты могла посмотреть на нее, Фиф! Ой! Я совсем забыла, что ты ничего не видишь; ну да ладно, ты сможешь расположиться на задних сиденьях. Как же это все замечательно!

Я мысленно улыбнулась: до чего же потрясла машина нашу Мисс Ку! Я была рада, узнав, что Хозяин теперь сможет выбираться куда-нибудь хоть ненадолго.

— Фиф! — снова начала Мисс Ку. — Знаешь, машина ТЕПЛАЯ! Класс! Если захочется, в ней можно яичницу поджарить.

Пообедали быстро, и Хозяин вместе с Ма приготовились к поездке.

— Мы недолго, — сказала Ма. — Только заплатим за машину и проедемся по магазинам. А когда вернемся, покатаем вас.

— Я не хочу никуда ехать, Мисс Ку, — предупредила я. — Мне не очень нравятся машины.

— Ты консервативная старая кошка! — возмутилась Мисс Ку. Усевшись поудобнее, она занялась собственным туалетом: сначала уши, затем затылок, все тело и так до кончика хвоста.

— Необходимо произвести на новую машину хорошее впечатление, — пояснила она. — Иначе она меня невзлюбит и будет плохо ездить.

Хозяин и Ма вернулись на удивление быстро. Я с удовольствием услышала хруст оберточной бумаги: это значило, что прибыли новые запасы провизии. Со времен, когда я голодала, во мне навсегда затаился страх остаться без еды. Благоразумие подсказывало мне, что этот страх не имеет под собой никаких оснований, однако избавиться от навязчивого состояния не так-то просто.

Что бы мне ни говорило по этому поводу собственное благоразумие, у меня был еще больший навязчивый кошмар — вдруг кто-то опять поднимет меня за загривок! Эта практика обращения с кошками настолько порочна, что я, пожалуй, посвящу ей несколько строк. В конце концов, если мы, кошки, не поведаем людям о своих проблемах, они даже не будут знать об их существовании!

Когда я собиралась рожать в третий раз, Пьер — наш Француз-Садовник, служивший у

мадам Дипломат, неожиданно схватил меня за шерсть на шее и поднял в воздух. Боль в шейных мышцах оказалась настолько сильной, что все мои бедные малыши просто выпали из меня и разбились о камень садовой дорожки. Кроме того, я получила сильнейший психологический шок.

Позвали мистера Ветеринара, который был вынужден напичкать меня какими-то лекарствами, чтобы остановить кровотечение.

— Вы загубили пять моих котят, Пьер! — гневно сказала тогда мадам Дипломат. — Я вычту за это из вашего жалованья.

— Но, мадам, — взвыл Пьер. — Я был очень осторожен! Я поднял ее за загривок. Наверно, она просто очень чахлое создание — ВЕЧНО с ней что-то не так.

Мистер Ветеринар побагровел от ярости:

— Эту кошку здесь угробят! — закричал он. — НИКОГДА нельзя поднимать взрослых кошек за загривок! Только ИДИОТЫ могут так обращаться с дорогостоящими животными!

Мадам Дипломат была в ярости при мысли о том, какие потери она понесла в результате гибели моих детенышей; в то же время ситуация ее немного озадачила.

— Однако, мсье, — произнесла она, — кошки-матери всегда НОСЯТ своих котят, держа зубами за шкуру на шее. Отчего же в этом случае все не так?

— Да, конечно, мадам! — произнес мистер Ветеринар. — Но ведь мама-кошка носит таким образом своих детенышей лишь тогда, когда они нескольких дней от роду. Когда котяткам лишь НЕСКОЛЬКО дней от роду, они весят так мало, что это не приносит им вреда. Взрослых же кошек следует поднимать так, чтобы их вес равномерно распределялся на грудь и задние лапки, иначе животное получит внутренние повреждения.

Может быть, я действительно глупая старая кошка, но я боюсь, когда меня берет на руки кто-либо, кроме членов моей Семьи. Хозяин НИКОГДА НЕ ПОЗВОЛИТ незнакомцу взять меня на руки, так о чем же я беспокоюсь? Он берет меня так, как никто, а именно — правильно. Он подкладывает левую ладонь под мою грудь между передними лапами, там, где они соединяются с телом. Правой рукой он поддерживает наружную часть моих бедер, либо позволяет мне стоять задними лапками на его ладони.

Если вы держите нервную или отличающуюся странным поведением кошку, всегда придерживайте правой рукой ее бедра снаружи — тогда она не поцарапает вас и не выскользнет из рук. Это — наиболее безболезненный для кошки способ держать ее на руках. Люди частенько говорили Хозяину: «А я всегда беру их за загривок — так рекомендуют в некоторых книжках!»

Что ж, «некоторые книжки» говорят одно, мы же — Кошки — знаем, как нам лучше; теперь это знаете также и ВЫ! Итак, ПОЖАЛУЙСТА, если вы любите нас, Кошек, и хотите избавить нас от боли и повреждений, поднимайте нас, пожалуйста, так, как описано выше. Вот лично ВАМ бы хотелось, чтобы вас подняли за затылок или за волосы? Так же и мы ОЧЕНЬ НЕ ЛЮБИМ ЭТОГО!

Не любим мы также, когда с нами начинают слащаво сюсюкать: «Ах ты, моя кисонька!» Мы понимаем ЛЮБОЙ язык при условии, что человек будет думать о том, что говорит. Обращение с нами, как с детьми, раздражает нас и делает невозможным нормальное общение. У нас есть разум, и мы знаем, как его использовать. Из всех вещей подобного рода, касающихся отношений между человеком и зверем, нас больше всего изумляет глубокая уверенность людей в том, что мы — просто «тупые животные».

Люди настолько уверены, что кроме них не существует другой разумной формы жизни, так что в других мирах жизни ПРОСТО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ! Еще бы — ведь люди считают, что именно они и есть высшая форма эволюции! Позвольте же мне сказать по этому поводу кое-что: мы не говорим ни по-английски, ни по-французски, ни по-китайски (в нормальном понимании

этих языков); однако мы понимаем любой из них. Мы общаемся с помощью мысли и «понимаем» других с ее же помощью.

Когда-то так умели и люди... Да-да! Так было прежде, чем они предали животный мир и по этой причине ПОТЕРЯЛИ способность к чтению мысли! Мы не используем «разум» как таковой, поскольку у нас нет лобных долей головного мозга; однако мы ЗНАЕМ благодаря интуиции. Ответы на вопросы как бы сами собой приходят к нам без необходимости обдумывать проблему.

Для того чтобы общаться на расстоянии, люди пользуются телефоном; для этого им необходимо знать номер. Мы же, кошки, зная «номер» того представителя кошачьего племени, с которым желаем говорить, с помощью телепатии можем послать свои мысли за тысячи миль. Люди крайне редко в состоянии понять наши телепатические сообщения. Иногда это получается у Ма. Хозяин всегда умеет это.

Ох, простите! Мисс Ку правильно только что напомнила мне, что это весьма пространное отступление от описания первого автомобиля, купленного нами в Канаде. И все же, при всем уважении к Мисс Ку, я скажу в заключение, что в вопросах, как взять кота на руки и как с ним обращаться, никогда не лишне узнать мнение самого кота.

На следующее утро почтальон принес письма — целую гору писем. Хозяин просмотрел конверты, и я услышала звук разрываемой бумаги. Послышалось шуршание: это Хозяин вынимал письмо из конверта; затем, пока он читал, воцарилась тишина.

— О, — сказал он, — эти канадцы не меньшие хищники! Это письмо из министерства здравоохранения, и в нем говорится, что если я не явлюсь туда в указанные сроки, то меня могут ДЕПОРТИРОВАТЬ из страны!

Ма взяла письмо и тоже прочла его.

— Учитывая, что они обращаются к тебе впервые, меня удивляет, почему они делают это так грубо? — спросила она.

— Не знаю, — отозвался Хозяин, — но знаю точно, что я уже горько жалею о переезде в эту ужасную страну! Затем он принялся за другие письма.

— Вот извещение из Таможни, в котором говорится, что паши вещи, — те, которые мы отправляли паромом, — уже прибыли и кому-то из нас надо прибыть на Таможню, чтобы забрать их. Это где-то в Озлетт.

— Я съезжу, — Ма сразу начала собираться. Ма вернулась как раз к обеду.

— Не понимаю, отчего канадские чиновники столь недружелюбны, — сказала она прямо с порога. — Они попытались раздуть целую проблему из пишущих машинок. Они заявили, что если нам нужна электрическая пишущая машинка, то нам следовало приобрести ее в Канаде. Я объяснила им, что она была куплена ДО ТОГО, как мы приняли решение о переезде сюда. Конечно, сейчас все улажено, но до чего же неприятно было с ними разговаривать!

Ма села за стол, и мы все приступили к обеду.

— Кто желает прокатиться? — спросил Хозяин.

— Я! — заорала Мисс Ку и помчалась к двери.

— А я останусь дома и составлю компанию Фифи, — сказала Ма.

Хозяин, Мисс Ку и Лютик спустились вниз. Я услышала, как открывается дверь гаража. Заурчал двигатель машины.

— Вон они поехали, Фиф, — сказала Ма, поглаживая меня по спинке вверх-вниз. — Они собираются осмотреть окрестности Виндзора.

Мы немного занялись домашними делами. Я помогала Ма застилать кровати: я пробежала по простыням туда и обратно, благодаря чему они замечательно разравнились. Затем нам пришлось пообщаться с зашедшими разносчиками товаров: булочником, молочником, а также

еще кем-то, кто решил спросить у нас имя местного землевладельца. На улице одна за другой проносились машины, и я не могла понять, зачем это людям надо так много передвигаться.

Где-то через час вернулся Хозяин. Лютик принесла Мисс Ку на руках, чтобы та не отморозила свои лапки в снегу. Закрыв гараж, Хозяин вернулся в дом и сел с нами за чай.

— Это не так красиво, как в Дублине, Фиф, — сказала Мисс Ку. — Виндзор очень маленький городок, и все его жители, по-моему, как один курят крепкие сигары и говорят только «ну-у, я думаю...». Мы проехали вдоль улицы, и я надеялась увидеть там гигантские небоскребы; однако на противоположном ее конце мы наткнулись лишь на реку. Все большие дома остались в Детройте.

— Человек из Таможни привез наши чемоданы, — сказала Ма.

В дом начали неспешно заносить вещи: ящики с одеждой, коробки с книгами, магнитофон и большую электрическую пишущую машинку. Всю вторую половину дня мы занимались распаковкой. Мы с Мисс Ку вносили наш посильный вклад, исследуя содержимое ящиков и сгребая на отдельные кучи одежду и все бумажное. Хозяин раскрыл большой ящик, в котором стояла пишущая машинка.

— Мы отлично сэкономили время, — сказал он, — заранее поменяв электродвигатель в ней соответственно напряжению в канадской сети. Теперь можно начать новую книгу, не откладывая.

Он с натугой поднял машинку с пола и поставил ее на стол. Вставив в нее чистый лист бумаги и воткнув штепсель в розетку, он хотел начать печатать. Машина рывнула и остановилась. Хозяин сердился все больше; поднявшись, он подошел к электросчетчику и прочел: «115 Вольт, 60 Герц». Вернувшись к пишущей машинке он перевернул ее и увидел надпись: «115 Вольт, 50 Герц».

— Рэб! — позвал он. — Они установили в этой машинке не тот электродвигатель. Ею невозможно пользоваться.

— Давай позвоним на фирму-изготовитель, — сказала Ма, — у них есть филиал в Виндзоре. Лишь несколько НЕДЕЛЬ спустя мы узнали, что изготовители нисколько не заинтересованы ни в обмене пишущей машинки, ни в продаже. В конце концов Хозяину удалось обменять ее на обычную портативную, сдданную другой фирмой. Теперь этой машинкой пользуется Лютик, а Хозяин работает на своей старой портативной «Олимпии», на которой он уже написал «Третий глаз», «Доктор из Лхасы», «История Рампы», а теперь печатает вот эту мою книгу.

Однажды Ма и Лютик отправились в Виндзор, чтобы купить нам с Мисс Ку торфяного мха. Лишь только они вернулись, как Мисс Ку мрачно заметила:

— Что-то должно произойти, Фиф, попомни мои слова! Лютик просто вне себя. Что-то будет! — Важно кивнув мне головой, она побрела прочь, что-то бормоча про себя.

— Шила увидела обезьянку! — сказала Ма. Хозяин вздохнул:

— Но ведь раньше она видела столько разных обезьянок, не правда ли?

— Эй, Фиф! — прошептала Мисс Ку, пулей вернувшись ко мне обратно. — ТАК вот почему она так странно пахнет! Она была рядом с обезьяной. Святые Коты! Кто знает, что еще придумает эта молодая особа!

— Как ты смотришь на то, что у нас будет жить обезьянка? — спросила Ма у Хозяина.

— Господи Боже! — заартачился он. — Разве недостаточно того, что я уже живу с двумя — с вами?

— Я серьезно говорю, — сказала Ма. — Шила хочет обезьянку!

— Лютик, о Лютик! Лютик, что же ты натворила! — произнесла Мисс Ку. — Фиф, — зашептала мне она, — старика уже хватил удар от этой, как ее, ОБЕЗЬЯНЫ! Кто будет

следующим?

Хозяин сидел на стуле. Я подошла к нему и потерлась головой об его ногу, чтобы показать свою солидарность с ним. Взъерошив мой мех, он повернулся к Лютику.

— Ну и к чему это все? — спросил он. — Ну, понимаете, — сказала она, — мы поехали за торфяным мхом, а там, на дне клетки, скорбно сидела эта бедная обезьянка. Она такая МИЛЕНЬКАЯ! Я попросила, чтобы мне дали посмотреть на нее; мне кажется, что у нее настоящий клеточный паралич от долгого сидения в заточении. Однако, если мы возьмем ее к себе, она быстро выздоровеет, — быстро добавила Лютик.

— Ну что ж, воспрепятствовать тебе я не могу, — сказал Хозяин. — Если ты хочешь обезьянку — иди и бери ее, хотя это очень беспокойные создания.

— Ой, пожалуйста, давайте съездим вместе и вы посмотрите на нее, — взволновано сказала Лютик. — Она такая МИЛЕНЬКАЯ!

Хозяин встал, вздохнув так глубоко, что я услышала, как затрещали пуговицы на его одежде.

— Ладно, тогда едем сейчас, — сказал он, — иначе попадем в вечерний час пик.

В порыве радости Лютик промчалась мимо нас, взлетела вверх по лестнице и через мгновение уже стояла внизу. Когда они вышли, Мисс Ку улыбнулась про себя.

— Видела бы ты лицо Хозяина! — шепнула мне она.

Вот уж чего я действительно ХОТЕЛА бы — так это видеть сейчас лицо Хозяина. Я знаю: он лысый, бородатый и высокий. Мисс Ку часто описывает мне людей — причем неплохо, — но иногда никакое описание не заменит одного-единственного взгляда. У нас, слепых, развивается способность «видеть» насквозь. Мы формируем некий мысленный образ человеческого облика. Мы можем ощутить лицо человека, понюхать его; многое можно будет рассказать на основе его прикосновений и голоса. Однако нам недоступен «цвет» человека.

Мы бесцельно бродили по дому. Наши мысли частично были заняты приближающимся чаепитием, частично пребывали вместе с Хозяином и Лютиком: что-то они привезут сюда?

— Как-то мне довелось несколько дней прожить в клетке для обезьян, — обратилась я к Мисс Ку, чтобы как-то завязать разговор.

— Н-да? — осведомилась Мисс Ку. — Что ж, думаю, у них были основания для того, чтобы запихнуть тебя туда! Боже мой, обезьяна! — продолжала она огорченно. — Ну кому нужны эти обезьяны?!

Затем мы сели и принялись ждать. Накрыв чай, Ма тоже села рядом с нами. Наверное, она тоже думала про обезьян.

— Я пошла наверх — буду смотреть через окно ванной, — сообщила Мисс Ку. — Если что-нибудь увижу, дам вам знать, — добавила она, уже отворачиваясь, и легко взбежала по лестнице. В дверь позвонил мальчик-разносчик вечерней газеты. Ма взяла ее и начала проглядывать заголовки. Мисс Ку, спрятавшись на окне ванной, не подавала признаков жизни. Все замерло в ожидании.

Открылась дверь и вошли Хозяин и Лютик. Уже по тому, как тяжело они передвигались, я заключила, что они несут нечто тяжелое или громоздкое. Мисс Ку подбежала ко мне поближе.

— Фу! Узкоглазая! — воскликнула она.

Я наморщила нос: вокруг распространился пронзительный кислый запах, напоминавший смесь ароматов мокрого кролика, несвежих отбросов и старого дворового кота.

— Ну, Кошки, — сказал Хозяин, — идите поздоровайтесь с нашей обезьянкой.

Он поставил что-то на пол. Необычные впечатления настолько захватили меня, что вдоль позвоночника пробежал холодок ужаса, а хвост начал нервно подергиваться.

— Осторожно, Фиф! — взволнованно выдохнула Мисс Ку. — По-моему, среди нас появился подозрительный субъект, сидящий в большой клетке для попугаев! О Господи! — в отчаянии простонала Мисс Ку. — Она обмочилась!

— Как вы думаете, может снять с нее цепь? — спросила Лютик. — Я УВЕРЕНА, что и без этого все будет нормально.

— Да, — сказал Хозяин. — Но сначала давайте выпустим ее из клетки.

Он подошел к клетке, и я услышала, как маленькая дверца со скрипом отворилась. И вдруг совершенно неожиданно на нас обрушились все демоны преисподней. Гвалт, который стоял в доме, напоминал некую смесь корабельных сирен, которые я слышала в нью-йоркской гавани, и противотуманного ревуна на маяке Бейли в Дублине. Опешившая Мисс Ку попятилась.

— Пресвятые Коты-Прыгуны! — возопила она. — Как бы мне хотелось быть виновницей такого шума — тогда бы я ушла, избавив вас всех от этого. Фиф, назад! Она опять сделала лужу!

Я несколько попятилась, не решаясь повернуться спиной к странному созданию, а затем, склонившись к Мисс Ку, спросила:

— Это... животное... его что, убивают?

— Убивают? Господи, нет же! Просто эта тварь — невротик по натуре. Она подняла весь этот содом еще до того, как к ней прикоснулись. Теперь Хозяин снимает с нее тяжелую звенящую цепь, чтобы ей было удобнее.

— Положите на пол газет, — сказал Хозяин, — надо же хоть как-то извлекать пользу из Прессы!

Послышался шорох газет, и тут это создание снова начало визжать, свистеть и угукать.

— Мисс Ку, — поинтересовалась я, — а как мы будем называть... это?

— Лично я собираюсь называть это Буйной Обезьяной! — ответила Мисс Ку. — Боже ты мой! — добавила она. — Лютик **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** потеряла последнюю заклепку!

— Смотри, Шила, — сказал Хозяин, — если мы повесим клетку здесь, между двумя комнатами, она сможет увидеть больше. Ты как думаешь?

— Да, конечно, — ответила она, — но я бы хотела, чтобы она не сидела в клетке.

— По-моему, ей необходим уход и внимание, — сказал Хозяин. — Надо вызвать Ветеринара, чтобы он осмотрел ее.

— Фиф! — прошептала Мисс Ку. — К ЧЕРТУ ЭТО! Сюда едет Ветеринар, он точно не оставит наши уши в покое.

Чтобы обезопасить себя, мы отступили под укрытие кровати Хозяина. Ма вернулась от телефона.

— Ветеринар прибудет завтра, — сказала она. — Он не хотел приезжать, но я ему объяснила, что привезти обезьянку будет затруднительно. Он будет здесь около одиннадцати утра.

— Отлично, Фиф, — сказала Мисс Ку. — Нас спас удар гонга. Можно опять выбираться.

— Мисс Ку, — спросила я, — а как выглядят обезьяны?

— Как выглядят, говоришь? О, да они ни на что не похожи! Действительно преотвратное создание. Последний раз я видела что-либо подобное лишь тогда, когда Лютик родила своего последнего ребенка. Ты знаешь, это было в Англии. То, что получилось, называлось Томом, и лицо у него было, как у этой обезьяны — или у этой обезьяны лицо, как у маленького Тома: сморщенное и беспомощное. При этом существо постоянно издает бессмысленные звуки и мочится под себя.

Замолчав, Мисс Ку предалась воспоминаниям.

— Ох! Странные это были деньки, — сказала она. — Сначала у Лютика был муж, потом однажды она сказала: «Эй! У меня будет ребенок!» — так она и поступила, в тот же момент и на том же месте. А теперь она завела себе обезьяну!

— Ненавижу, ненавижу! — произнесла Буйная Обезьяна. — Все ненавижу! В магазине жить плохо. Не хотела идти. Эдди продал на корню. Ненавижу!

— Мисс Ку, — я была в некоторой растерянности, — как вы считаете, может, нам стоит поговорить с Буйной Обезьяной? Ведь нам НЕ НУЖНА тут никакая ненависть — это ПОРЯДОЧНЫЙ дом.

— Эй! Да этот парень спятил! — ответила Мисс Ку, которая иногда переходила на американский или канадский диалект.

— Спятил? Я спятила? — переспросила Буйная Обезьяна. — Коты спятила! Я есть хорошая американка, всех ненавижу. Ненормальные коты вон.

Хозяин подошел поближе и взял меня на руки.

— Фиф, — сказал он мне, — я поднесу тебя поближе к клетке, а ты скажешь обезьяне, что она ведет себя глупо. Все равно она не сможет добраться до тебя, Фиф.

— Всех, всех ненавижу! — заверещала Буйная Обезьяна. — Пошли вон отсюда!

Тут я почувствовала изрядное сожаление по поводу того, что животное может быть таким глупым, бестолковым и духовно слепым.

— Эй, Буйная Обезьяна! — сказала я. — Слушай меня. Мы хотим, чтобы ты была счастлива, чтобы ты выбралась из клетки и играла с нами. Мы будем ухаживать за тобой.

— Сумасшедшая старая кошка! — не унималась Буйная Обезьяна. — Пошла вон отсюда!

Хозяин погладил мою шейку и грудь.

— Не обращай внимания, Фиф. Возможно, когда мы оставим ее ненадолго, она придет в себя.

— Хорошо, Хозяин, — ответила я. — Мы с Мисс Ку присмотрим за ней. Если нам удастся чего-нибудь добиться, мы сообщим. Думаю, что она слишком долго пробыла в магазине, поэтому и нервы у нее расшатались. В общем, время покажет.

— Слушай, Хозяин, — позвала Мисс Ку, — дай-ка мне перекинуться словом с Лютиком. Если она выпустит ее из клетки на пол, может быть, ей станет лучше.

Клетка была подвешена в арке между двумя комнатами. Пока Лютик удерживала клетку, Хозяин пытался вынуть Буйную Обезьяну из клетки. Воздух был пропитан — нет, скорее ПРОНИЗАН воплями Буйной Обезьяны, которая не переставала орать, вцепившись в клетку.

— Да, — сказала Мисс Ку, — это действительно жутко нервная обезьяна.

А Буйная Обезьяна все кричала о ненависти. Наконец ее освободили и посадили на пол. Я услышала какое-то хлюпанье и двинулась вперед, чтобы узнать, что происходит.

— Имей в виду! — сказала Мисс Ку. — Если ты двинешься вперед, то тебе придется перепрыгнуть через Желтое море. А если будешь зевать, — уже орала она, — то тебя захлестнут приближающиеся волны.

— Рэб!

— Что? — откликнулась Ма.

— Как насчет того, чтобы укутать кошек и сводить их глянуть на воду? Бедная старушка Ку просто умирает от желания прогуляться.

У нас с Мисс Ку были специальные кофты на случай холодной погоды: они были связаны из плотной шерсти, имели отверстия для лап и действительно отлично согревали. Теперь, одетые в кофты и завернутые в еще более теплую шаль, мы были готовы к выходу на улицу.

Хозяин нес Мисс Ку, поскольку оба они были более склонны к приключениям. Ма несла меня. Открыв дверь по другую сторону веранды, мы ступили на заснеженную траву. Судя по времени нашей прогулки, я заключила, что задний сад длиной приблизительно в три дома. В конце его была широкая каменная стена, за которой находилось покрытое льдом озеро.

— Осторожно, — предупредил Хозяин Ма и меня, — здесь очень скользко.

— Ох! — закричала Мисс Ку, — Какое ГРОМАДНОЕ озеро! Ах, Фиф, — воскликнула она, обернувшись ко мне, — оно напоминает море, оно такое же большое, как море в Гоуте. И еще оно покрыто льдом. Что же мне рассказать тебе о нем? Ах да, поняла. Итак, передо мной — озеро. Слева от меня находится остров. На его оконечности стоит вышка, с которой люди следят, чтобы никто не крал лед. Люди должны покупать холодильники — вот в чем суть бизнеса. Прямо перед собой, далеко, я вижу Америку, а направо озеро расширяется, становясь все больше.

— Как дела, Фиф? — спросил Хозяин. — Тебе не холодно? Я сказала ему, что у меня все в порядке и мне нравится приятное разнообразие.

— Ку'эй, — сказал Хозяин, — скажи: ты действительно храбрая взрослая барышня-Кошка?

— Я? Безусловно, — откликнулась Мисс Ку.

— Хорошо. Тогда держись крепче, — сказал Хозяин. — Сейчас мы с тобой спустимся на лед, а потом ты расскажешь об этом Фиф.

Мисс Ку буквально завизжала от радости. Я услышала звуки шагов по замерзшему дереву; немного погодя издали донесся голос Мисс Ку:

— Эй, Фиф! Меня держат на льду. Знаешь, а он твердый. Я могу так дойти до Америки, Фиф!

И все же возвратиться домой было приятно: там было тепло и там сидела Лютик, кормившая Буйную Обезьяну (которая в этом случае оказалась весьма послушной). Когда мы вошли, Лютик быстро поднялась, опустив обезьяну на пол.

— Ой! ВОТ НЕПРИЯТНОСТЬ! — воскликнула она. — Все на мое чистое платье.

Мисс Ку обернулась ко мне:

— Так, так! — пробормотала она. — Напомни МНЕ, Фиф, чтобы я никогда не вздумала заводить себе ***** обезьяну!

Всю ночь бушевала буря. Как сказал один из Мудрейших, который принес нам хлеб и молоко, она была «самой свирепой за многие годы». «Но будет еще сильнее», — предупредили Мудрейшие. Мы также это знали, потому что слушали сообщение по радио. Водопроводные трубы в фундаменте дома замерзли. По этому поводу Мисс Ку печально заметила, что «у дрянной Буйной Обезьяны эти самые трубы никогда не замерзнут».

Приходил Обезьяний Ветеринар и, к нашему счастью, ушел.

— Тут ничем не поможешь, — сказал он. — Попробуйте помассировать ей ноги. ДОЛЖНО помочь, хотя я сомневаюсь в этом — животное слишком запущено.

Покачав головой, он вышел. После этого и мы вылезли из-под кровати Хозяина.

Хлопала крыша на соседнем доме, где-то сильные порывы ветра катали по заснеженной дороге пустую консервную банку. Буйная Обезьяна сидела посреди комнаты; мы расположились

на диване. «У-У-У!» — сердито говорил ветер, мощно выдыхая. «БАМ? СКРРИП!» — отвечала ему двойная оконная рама — и ветер врывается в комнату, принося с собой немного бури.

Лютик примчалась в комнату и, схватив Буйную Обезьяну, скрылась вместе с ней в дальней спальне. В ожидании дальнейшего развития событий мы с Мисс Ку спрятались под кроватью Хозяина, а сам он, взяв инструменты, гвозди и прочее, поспешил из дома прямо в бурю, твердо намереваясь сделать что-нибудь, прежде чем отлетит крыша или развалятся стены. Вниз по лестнице просеменила Лютик; она была одета в дождевик и разную другую одежду, способную защитить от ветра и снега.

— Ползучие Гусеницы! — пробормотала Мисс Ку. — Если они не поторопятся, то нас, бедный кошачий народ, прямо по льду ветром понесет в Америку.

Дом буквально сотрясался от урагана. Во дворе Хозяин и Лютик боролись с кусками пластика и досками. Несмотря на это, их чуть было не унесло, когда ветру удалось забраться под один из листов пластика. Ма прилагала героические усилия, удерживая шторы закрытыми, чтобы снег не засыпал комнату. Наверху, как сумасшедшая, визжала Буйная Обезьяна, а ветер творил бесчинства вокруг дома. Наконец Хозяин и Лютик вернулись, кое-как закрыв разбитое окно.

— Надо найти домохозяина, — сказал Хозяин, — и сказать ему, что временный ремонт мы сделали, однако если он не починит это должным образом, то сорвет всю крышу.

— Хозяин выглядит ужасно, — сказала Мисс Ку. — Сердце у него плохое, сама знаешь.

Казалось, зиме не будет конца. Мы с Мисс Ку уже думали, что Канада находится совсем недалеко от Северного Полюса. День за днем стояла все та же унылая погода; бесконечно падал снег, и температура была очень низкой. Мисс Ку много занималась машиной. Она регулярно посещала магазины и рассказывала Хозяину, куда следует ехать. Иногда она обращалась к водителям автомашин, едущих сзади, убеждая их «не висеть на хвосте» и укоряя за их дурную манеру вождения.

Однажды Хозяин и Лютик попросили ее съездить с ними в Детройт. Они уехали, оставив на хозяйстве меня и Ма. Буйная Обезьяна сидела в своей клетке. Когда они вернулись, Мисс Ку вошла в дом, высоко задрав хвост и всем своим видом демонстрируя легкое превосходство.

— Можешь сесть рядом со мной, Фиф, — грациозно обратилась ко мне она, — и я расскажу тебе о Детройте — так или иначе, тебе нужно расширять твой кругозор.

— Конечно, Мисс Ку, — ответила я, искренне благодарная ей за такую заботу обо мне.

Подойдя к месту, где она возбужденно колотила своим хвостом, я присела. Удобно расположившись, Мисс Ку начала рассказ, рассеянно приглаживая свои вибриссы.

— Так вот, — начала она, — мы покинули эту свалку и отправились туда, где старый Хирам делает свое виски. Это то место, куда Хозяин ездил обследовать свои легкие. Повернув налево, мы проехали под железнодорожными путями; оттуда помчались прямо в Виандотт. Мы ехали так долго, что я решила, будто мы добрались обратно в Ирландию, — и тут Хозяин повернул сначала направо, потом налево.

Какой-то парень в форме помахал нам, а потом мы умудрились забраться под землю. Имей в виду, я несколько не испугалась — просто мы промчались через слабо освещенный тоннель. Хозяин рассказал мне, что мы проезжаем под рекой Детройт. Охотно верю, поскольку именно такое ощущение у меня и возникло — иначе с чего бы у меня забегал холодок по спине? Затем мы выехали наверх и повернули туда, где висел знак «Скользко после дождя». Там мы уплатили деньги. Через несколько футов в окно всунулась противная физиономия мужчины, который спросил: «Вы куда, ребята?» Хозяин объяснил ему; Лютик, как обычно, тоже не осталась в стороне, и тогда мужчина сказал «О'кэй», и мы отправились дальше.

— Наверное, все это действительно замечательно, Мисс Ку, — сказала я. — Как бы я хотела

посмотреть сама на эти чудеса.

— Фу! — сказала Мисс Ку. — Ты еще ничего не знаешь. Так слушай внимательно. Мы въехали на улицу с такими высокими домами, что я ожидала увидеть ангелов, сидящих на их верхушках, — ну, я имею в виду верхушки зданий, ведь ангелы, естественно, сидели бы на СОБСТВЕННОМ заду. Автомобили носились с такой жуткой скоростью, будто их водители посходили с ума — но ведь они были американцами.

Мы проехали немного вперед — и тут я увидела воду и два белых парохода. Они были завернуты в свои зимние плащи, чтобы не пускать внутрь снег. Хозяин объяснил мне, что потом с них снимут эти холщовые накидки и тогда пароходы возьмут на борт много-много американцев и поплывут куда-нибудь, а затем вернуться. За это путешествие люди заплатят деньги.

Тут я согласно кивнула с видом знатока — ведь мне пришлось однажды садиться на корабль совсем далеко отсюда, на теплом побережье Средиземного моря — в Марселе. Я улыбнулась, подумав, что теперь вот сижу здесь, в заснеженной Канаде, и присматриваю за Буйной Обезьяной.

— Не перебивай, Фиф, — сказала Мисс Ку.

— Но ведь я не сказала ни слова, Мисс Ку, — попыталась запротестовать я.

— Да, но ты думала о посторонних вещах. Чтобы я продолжала, мне необходимо все твое внимание.

— Да, конечно, Мисс Ку, — ответила я, — я вся внимание.

И она, вздохнув, продолжила;

— Мы осмотрели кое-какие большие — нет, просто огромные магазины. У Лютика ведь неудержимая страсть к обуви. Так вот, пока она смотрела обувь, я ложилась на спину и смотрела на верхушку дома, который гораздо больше, чем просто большой. Хозяин сказал мне, что он называется «Игла Скотта», или нечто в этом духе; правда, я так и не поняла, куда собирался воткнуть свою иглу этот Скотт. А потом Лютик решила, что с нее уже достаточно обуви, и они вновь уделили немного внимания бедной старенькой Ку.

Мы поехали по такой ужасной, тряской дороге, что я думала, будто мои зубы вот-вот выпадут. Хозяин сказал, что мы едем «вдоль Портера». Сначала я подумала, что речь идет о портере, который пьют (только не я, конечно), а затем вспомнила, что здесь так называют носильщиков, которые все таскают на себе. В конце концов я обнаружила, что это название улицы — Портер-стрит. Мы повернули налево и наткнулись на страшный ухаб на дороге; я даже подумала, что у нас поотлетают колеса.

Хозяин передал какому-то мужчине в форме деньги, и мы проехали мимо ряда маленьких домиков, откуда они контролируют уличное движение. Взглянув вверх, я увидела штуковину, наподобие гигантского Конструктора, на ней была табличка — Мост Амбассадор, это значит «Посольский мост».

Мы въехали на мост, и — ОГО! — какой замечательный вид открылся перед нами! Въезжая в Детройт, мы проехали под рекой — представляешь, над нами плавали корабли! Мы возвращались в Канаду и были так опьянены радостью, что американцы, наверное, сказали бы, что у нас просто отравление.

Остановившись на мосту, мы вышли посмотреть. Перед нами лежал Детройт. Он напоминал мне одну из моделей, которые делает Хозяин. Железнодорожные паромы перевозили по озеру много вагонов. Мимо промчался быстроходный катер, и большие озерные корабли закачались, как надувные игрушки в ванной. Тут на Мост налетел порыв ветра, и он слегка закачался тоже. Я составила ему компанию. «Поехали отсюда, Хозяин», — сказала ему я. Он согласился, и мы поехали к другому концу моста. «Что у вас там, ребята?» — спросил нас мужчина в форме,

недобро взглянув на меня. «Ничего», — ответил Хозяин. И мы поехали дальше, в сторону Виндзора. И вот мы здесь!

— Ничего себе! — воскликнула я. — Да у вас БЫЛО настоящее приключение!

Однако это была ерунда по сравнению с тем, что Мисс Ку предстояло пережить через несколько дней.

У Хозяина особое отношение к автомобилям. По его мнению, все должно выполняться надлежащим образом, и если машина не соответствует представлению Хозяина, тот сразу же начинает заниматься ею. Три (или четыре?) дня спустя после поездки Мисс Ку в Детройт Хозяин, войдя в комнату, сказал:

— Мне не нравится, как машина слушается руля. По-моему, опорные подшипники перетянуты.

— Съезди на Станцию Техобслуживания, что на шоссе, — сказала Ма. — Все равно, это будет ближе, чем добираться до Виндзора.

И Хозяин уехал. Вскоре мне послышалось завывание полицейской сирены, однако я не придала этому значения, решив, что мне показалось. Где-то через полчаса к дому подъехала машина. Хлопнула дверь, и вошел Хозяин. За окном послышался звук отъезжающей машины.

— Ну как, сделал? — спросила Ма.

— Нет, — ответил Хозяин. — Я вернулся на такси. Наш автомобиль отремонтируют лишь к обеду: нужно поменять рулевые тяги, и тогда все будет в порядке.

— А что, собственно, произошло? — спросила Ма, которая отлично разбиралась в интонациях Хозяина.

— Я ехал со скоростью около двадцати пяти миль в час, — начал свой рассказ Хозяин, — как вдруг у меня за спиной взвыла сирена. Полицейская машина обогнала меня и притормозила буквально у меня под носом. Естественно, мне пришлось остановиться; из машины вышел полицейский и вразвалку направился ко мне. Я гадал: что же я сделал не так? Ведь ехал я со скоростью на пять миль ниже установленного предела.

«Вы — Лобсанг Рампа?» — спросил Полицейский. — «Да», — ответил я. — «Я читал одну из ваших книг», — сказал мне он.

— Как бы там ни было, — продолжал Хозяин, — он лишь хотел поговорить со мной и предупредил, что Репортеры все еще надеются напасть на наш след.

— Жаль, что они не могут придумать себе лучшего занятия, — сказала Ма. — Мы не желаем иметь ничего общего с прессой, поскольку они наплели достаточно лжи о нас.

— Который час? — спросил Хозяин.

— Половина четвертого, — ответила Ма.

— Думаю, что стоит съездить и посмотреть, готова ли машина. Если готова, я вернусь, заберу тебя и Мисс Ку и мы поедem ее опробовать.

— Может, я позвоню им? — спросила Ма. — Если они отремонтировали автомобиль и согласятся перегнать его сюда, ты потом довезешь механика до гаража, а затем вернешься за нами. Сейчас я позвоню, — закончила Ма и поспешила вниз по лестнице, где у нас стоял телефон.

— Ух! Слава Богу, — сказала Мисс Ку, — я еду. Фиф, привезти тебе чего-нибудь?

— Нет, спасибо, Мисс Ку, — ответила я. — Надеюсь, ваше путешествие будет приятным.

Тут вернулась запыхавшаяся Ма;

— Механик уже едет сюда. Пока ты наденешь свое пальто, машина будет под домом.

В отличие от других людей, Хозяин не носил толстых теплых пальто; ему вполне хватало чего-нибудь легкого, защищающего от снега. Я всегда улыбалась, глядя на Хозяина, одетого лишь в брюки и кофту, в то время как все окружающие были буквально ЗАКУТАНЫ во все

теплое, что только могли найти у себя дома.

— Машина приехала, — сообщила Лютик сверху — там она развлекала Буйную Обезьяну.

— Спасибо! — ответил Хозяин и вышел из дому к механику, поджидавшему его в большом зеленом «Монархе».

— Пойдем, Мисс Ку, — сказала Ма. — Нам нужно подготовиться, потому что он вернется буквально через несколько минут.

Мисс Ку нетерпеливо пританцовывала, помогая Ма, которая надевала на нее пальто: голубое, из чистой шерсти с красной и белой окантовкой. Машина отапливалась хорошо, но вот дорожка к ней была ледяной.

— Я буду думать о тебе, Домоседка! — сказала мне Мисс Ку. — Когда я буду стрелой нестись по шоссе, тебе придется слушать визги Буйной Обезьяны.

— Он вернулся, — сказала Ма.

— До свидания, Мисс Ку, — крикнула я. — Береги Хозяина!

Хлопнула дверь, и машина уехала, а я села ждать. Как тяжело было оставаться в одиночестве! Я была совершенно зависима от Хозяина и Мисс Ку: они были моими глазами, а иногда — и ушами. Когда стареешь, особенно пройдя нелегкую жизнь, слух тоже становится менее острым. Мисс Ку была молода, и у нее всегда было достаточно пищи. Она была полна жизненных сил и здоровья; она всегда была настороже и обладала острым и ясным умом. А я — впрочем, что я? — я была Старой Кошкой, у которой было слишком много детеньшей и жизненных тягот.

— Долго же их нет, Фиф! — сказала мне Лютик, спускаясь по лестнице, — ей наконец удалось успокоить Буйную Обезьяну.

— Точно! — ответила было я, но тут же вспомнила, что она не знает Кошачьего языка.

Подойдя к окну, она выглянула наружу, а затем принялась хлопотать у плиты. Насколько я помню, она готовила что-то из фруктов и овощей — Лютик ОЧЕНЬ любила фрукты. Лично я их совершенно не переносила, если не считать грубой травы. Мисс Ку в последнее время нравился виноград, в особенности белый: ей нравилось снимать с ягод шкурку и сидеть, высасывая вкусный сок. Как это ни странно, она также любила жареные каштаны. А я знавала во Франции кошку, которая обожала сливы и финики! Лютик включила свет.

— Уже темнеет, Фиф. Что-то я волнуюсь, отчего они не едут? — сказала она.

На дороге оживленно сновали машины — это жители Виндзора возвращались домой, отработав целый день в магазине, офисе или на фабрике. Не менее мощный поток машин двигался из города — это искатели удовольствий мчались через Реку в поисках развлечений. Машины, машины, машины... И среди них не было той единственной, которую я хотела бы видеть.

Лишь много позже того, как последняя птица, устраиваясь на ночлег, стряхнула снег со своей ветки и сунула голову себе под крыло, послышался хлопок автомобильной дверцы, и в дом вошли Хозяин, Ма и Мисс Ку.

— Что случилось? — бросилась к ним Лютик.

Я тут же следом повторила свой вопрос. Задыхаясь от волнения, Мисс Ку бросилась ко мне:

— Пошли под кровать, Фиф, я должна тебе обо всем рассказать!

Мы вместе отправились в спальню Хозяина, и там, под кроватью, началась наша беседа. Устроившись, Мисс Ку скрестила лапы. Из комнаты наверху доносился невнятный говор.

— Так вот, Фиф, вот как все было, — начала Мисс Ку. — Мы сели в машину, и я сказала Хозяину: «Давай-ка выжмем из этой штуки все, что можно, и посмотрим, на что она способна». Мы выехали на дорогу в направлении Текумзе — я рассказывала тебе об этом месте, там все говорят по-французски, — а затем свернули на один из этих суперсовременных автобанов, где

просто нажимаешь на педаль газа и забываешь обо всем.

Мисс Ку выждала эффектную паузу, чтобы убедиться, что ее рассказ производит на меня должное впечатление. Удовлетворившись тем, с каким вниманием я ее слушала, она продолжила:

— Мы пожужжали вперед немного, и тут я сказала: «Слушай, Хозяин, да утопи ты эту дрянную педальку до самого пола, а?» Он прибавил немного, но я заметила, что мы едем лишь шестьдесят миль в час — а это совсем в дозволенных пределах. Потом мы поехали чуть быстрее, где-то около шестидесяти пяти — и тут послышался удар, а из-под машины вылетел сноп искр (совсем как в Шоу Гая Фоукса!), который шлейфом стелился за нами. Взглянув на Хозяина, я в ужасе поспешно отвела глаза: он держал в руках напрочь оторванный руль!

Тут она вновь сделала паузу, чтобы усилить жуткое впечатление от собственного рассказа; заметив, что я уже едва дышу от волнения, она продолжила:

— Вот так мы и мчались по длинному шоссе на скорости шестьдесят пять миль в час, и даже чуточку больше. Управлять машиной мы не могли — рулевые тяги лопнули. К счастью для нас, движение было не особенно сильным. Хозяину кое-как удалось затормозить, и машина остановилась, свесившись передним колесом над откосом. В воздухе пахло горелой резиной, так как тормозить пришлось резко, чтобы не перевернуться в кювет.

Хозяин вылез из машины, вручную повернул передние колеса, а затем, сев на свое место водителя, задним ходом вывел автомобиль на дорогу. Ма выбралась наружу и пошла искать телефон; затем она позвонила в гараж, чтобы оттуда приехали и забрали эти обломки. Мы все вместе сели в машину, чтобы подождать, пока за нами приедет машина технической помощи.

Я поразилась, что Мисс Ку нисколько не выдавала своего волнения. Она казалась спокойной и собранной. Я же нетерпеливо ждала продолжения.

— Но ведь, Мисс Ку, — подтолкнула я ее, — рулевое управление только что починили! Именно для этого машину и отправляли в мастерскую.

— Да, Подруга, конечно, — ответила Мисс Ку. — Все отремонтированные части рулевого управления просто вываливались, потому что в мастерской их забыли закрепить «шплинтами», или как там оно называется. Так вот приехала техническая помощь с громадным краном сзади. Из машины вылез человек; увидев, что произошло, он зацокал языком и поинтересовался, как нам удалось остаться живыми. Всем нам пришлось вручную толкать машину, чтобы машина технической помощи могла подъехать спереди.

— Я села на переднее сиденье и, перекрикивая шум, руководила всеми. Ох, это была настоящая работа, Фиф! — воскликнула она. — А ведь я еще не рассказала тебе и половины того, что было. Потом мы трое сели на переднее сиденье «Монарха», а кран поднял автомобиль так, чтобы передние колеса не касались земли. Я еще подумала, как позорно мы, должно быть, выглядим со стороны. Тут тягач завелся и поехал, а мы болтались позади него. Так мы проехали много миль и, должна тебе заметить, быстрая езда на буксире окончательно испортила нашу автоматическую коробку передач.

Фыркнув в мою сторону, она добавила:

— Жаль, Фиф, что ты не инженер — иначе ты бы знала, насколько вредно буксировать машину с автоматической коробкой передач. Слишком быстрая буксировка может разрушить все что угодно — как и вышло в нашем случае. Ну да ладно, я не собираюсь читать тут лекцию по технике. Все равно, это не доступно твоему пониманию, Фиф.

— А что происходило дальше, Мисс Ку? — спросила я.

— Что дальше, говоришь? Ах да, мы протарахтели через железнодорожный переезд в Текумзе и вскоре уже были у ворот мастерской. Хозяин был в ярости: ведь он заплатил за этот ремонт. Однако механик мастерской не взял на себя ответственность за это, объяснив

происшедшее «непредвиденной случайностью» — не знаю, что он имел в виду. Однако он подвез нас домой на собственной машине после того, как я объяснила ему, что не смогу всю дорогу нести Хозяина. И вот мы здесь!

Я услышала позвякивание тарелок и подумала, что как раз пришло время перекусить что-нибудь — ведь во время томительного ожидания мне кусок не лез в горло. Однако сначала я решила выяснить один вопрос:

— А вам не было страшно, Мисс Ку?

— Страшно? МНЕ — СТРАШНО? Святый Боже и Десять Великих Котов! Конечно же, нет. Я знала, что Хозяин безусловно вытащит нас из неприятностей, а я всегда посоветую ему, как это лучше сделать. Ма вела себя очень спокойно, и никаких проблем с ней не было. Я опасалась, что она, чего доброго, начнет паниковать и царапаться, однако она восприняла все нормально. А теперь — за стол!

Мы поднялись со своих мест, выбрались из-под кровати и отправились на кухню, где уже был накрыт ужин.

— Что-то заботит Старика, — сказала Мисс Ку. — Интересно, что именно?

Мы поспешили к еде, чтобы побыстрее с ней разделаться и спокойно слушать, не опасаясь ни за ужин, ни за информацию.

— Шевелись, Фиф, — требовательно сказала Мисс Ку, — слушая, мы вполне можем умываться.

Пробравшись в гостиную, мы сели мыться после ужина, прислушиваясь к новостям.

— Я устал от этой машины! — ворчал Хозяин. — Нужно обменять ее на что-нибудь получше.

Ма с шумом прочищала горло, что указывало на то, что она сомневается.

— Надоела мне эта Ма! — прошептала мне Мисс Ку. — Она опять считает гроши!

— А может, подождем? — сказала Ма. — Ведь мы же ждем денег за авторские права, а они могут прийти буквально со дня на день.

— ПОДОЖДЕМ? — переспросил Хозяин. — Если мы обменяем машину сейчас, у нас найдется что менять; если же мы будем ждать, пока сможем себе это позволить, старый «Монарх» развалится на куски и не будет стоить ломаного гроша. Нет! Если мы будем ждать, пока сможем себе это ПОЗВОЛИТЬ, то мы никогда не сделаем этого.

— Буйная Обезьяна сегодня вела себя ужасно, — вмещалась Лютик, желая сменить тему разговора. — Не знаю, что с ней делать.

Конечно, Мисс Ку объяснила ей, что делать, и счастье Лютика, что она не понимала Кошачьего языка! Однако Хозяин понимал его и, заплодировав, постарался перевести это Лютику в вежливой и цензурной форме.

Ложась спать в эту ночь, я размышляла о том, сколько опасностей таят в себе машины. Сначала ты платишь целую кучу денег за то, чтобы их отремонтировали, а потом от них начинают отваливаться кусочки, еще больше увеличивая расходы. Мне это казалось какой-то фантастикой: зачем люди мотаются по стране в этих консервных банках на колесах. «Опасные до крайности» — вот как я их называла, предпочитая оставаться дома и никогда больше на них не ездить. Я думала о том, что поехала уже немало и ничего хорошего мне это не принесло.

Вдруг я неожиданно как бы проснулась: не забрось меня вынужденные переезды в Ирландию — если я не попала бы в эту страну, — я бы не встретила с Хозяином, Ма, Лютиком и Мисс Ку. Совершенно проснувшись, я проскользнула в кухню, чтобы немного перекусить и убить пару часов. Там я встретила с Мисс Ку, которой тоже не спалось от воспоминаний об опасных перипетиях прошедшего дня.

Буйная Обезьяна что-то раздраженно бормотала, и (как это всегда у них случается) от ее

пристанница доносилось хлюпанье. Коснувшись моего локтя, Мисс Ку проворчала:

— Бьюсь об заклад, что с момента, когда это существо появилось у нас, река Детройт стала значительно полноводнее. Лютик, должно быть, совсем спятила, если захотела такую тварь!

— Ненавижу! Ненавижу! — раздавались крики Буйной Обезьяны в ночной тишине.

— Спокойной ночи, Фиф, — сказала Мисс Ку.

В ответ я также пожелала ей спокойной ночи.

На следующее утро Хозяин поехал в мастерскую, чтобы посмотреть, как там наш автомобиль. Он отсутствовал все утро и вернулся уже за рулем «Монарха». Когда была необходимость в принятии важного решения, Хозяин созывал Семейный Совет — этого восточного обычая придерживаются и Кошки (мы с Мисс Ку всегда обсуждали предстоящие важные дела).

На Семейном Совете все разместились попарно: я сидела с Хозяином, а Ма — с Мисс Ку. Лютик сидела в одиночестве, поскольку Буйная Обезьяна, не обладая интеллектом, продолжала визжать: «Ненавижу! НЕНАВИЖУ! Хотела уходить! Не хотела приходить!»

— Во-первых, — сказал Хозяин, — нам придется оставить этот дом. По разговорам механиков мастерской я понял, что с противоположной стороны дороги собираются устроить городскую свалку, заполнив отходами весь кювет. Летом здесь будут буквально роиться мухи. Кроме того, в сезон отпусков по дороге невозможно проехать из-за американских автотуристов. Итак — мы переезжаем.

Замолчав, он оглядел всех. Никто не пошевелился. Все хранили молчание.

— Далее, — продолжил он. — Рулевое управление в машине починили, однако скоро на ее поддержание в рабочем виде потребуется немало денег. Я полагаю, что нам следует поехать в Виндзор и обменять эту машину на другую. В-третьих, что мы будем делать с Буйной Обезьяной? Она становится все более неуправляемой, и ветеринар говорит, что ей потребуется все больше внимания и ухода. Может, мы отдадим ее ветеринару? Он хорошо разбирается в обезьянах.

Мы довольно долго обсуждали предложения Хозяина относительно машин, домов и обезьян. Мисс Ку все замечает; у нее отличные способности к бизнесу и ей хорошо удается общение с другими людьми.

— Думаю, что сегодня утром нам необходимо отправиться в Виндзор, — сказала Ма. — Если заниматься этим, то поездка придется кстати. Кроме того, мы могли бы заодно присмотреть и дом.

— Слава Богу! — воскликнула Мисс Ку. — Наконец-то мы перешли к действию! Да-а, сегодня они настроены по-боевому.

— Шила, а что мы решим относительно Буйной Обезьяны? — поинтересовался Хозяин у Лютика.

— Нужно посмотреть, можно ли ее вылечить, — сказала она. — Но поскольку ее состояние не улучшается и она скучает по другим животным, то думаю, что ее стоит отправить назад.

— Правильно, — сказал Хозяин. — Посмотрим, что можно сделать в этом случае. Итак, ближайшая неделя у нас полностью занята.

Тут вмешалась Мисс Ку: она рассказала, насколько, по ее мнению, глупо жить в дикой местности в стороне от города.

— Я хочу видеть магазины, хочу ЖИЗНИ! — сказала она.

— На этот раз мы найдем себе дом прямо в Виндзоре, — объявил Хозяин.

Ма встала:

— Если мы и дальше будем сидеть здесь, то ничего не найдем. Я пошла собираться. — И она поспешно удалилась, а Хозяин отправился ругать «Монарха», который так сильно подвел

нас.

Хозяин вернулся прежде, чем Ма собралась.

— Там, на дороге, стоит человек, — сообщил он, — проезжая, он видел меня в мастерской. Он специально остановился, чтобы сообщить о Журналистах, которые рыщут по округе, пытаюсь отыскать нас.

Пресса была настоящим бичом Семьи: со всех концов земного шара съезжались люди, рассчитывающие получить «эксклюзивное интервью». Кроме того, мы получали сотни писем отовсюду, и Хозяин отвечал на все, несмотря на то, что ни одно из них не предусматривало оплаченный ответ. Однако теперь Хозяин стал несколько умнее и больше не стремится отвечать на ВСЕ послания. Мы с Мисс Ку серьезно поговорили с ним на эту тему, убедив его избирательно подходить к этому. У него есть одна слабость: его можно убедить, показав, что разбираешься в обсуждаемом вопросе. Мы с Мисс Ку были нередко вынуждены откапывать факты, чтобы убедить его. Но ведь чувство здравого смысла — вещь гораздо более надежная, чем эмоции.

Тут Хозяин позвал Лютика:

— Шила! Тут вокруг носится толпа Репортеров. Прошу тебя, не открывай дверь на звонки и убедись, что она хорошо закрыта!

Они с Ма вышли, оставив меня и Мисс Ку защищать Лютика от нападков Прессы. Я услышала, как заработал двигатель автомобиля; немного сдав задним ходом, Хозяин вывернул на дорогу.

— Ну что ж, Старая Кошка, — игриво сказала мне Мисс Ку. — Вскоре я буду ездить на другой машине, гораздо лучше этой. ТЫ, Фиф, должна попробовать себя в автоделе — это расширит твой кругозор.

— Берегитесь, кошки, — сказала Лютик, спускаясь по лестнице. — Я собираюсь вымыть здесь пол.

Отодвинувшись, мы с Мисс Ку сели на кровати Хозяина. Мисс Ку выглянула в окно и начала описывать мне происходящее на улице.

— Фиф! На Озере ледоход, — с удовольствием сообщила мне она. — Я вижу, как от сильного течения в воде кружатся громадные глыбы. Значит, скоро потеплеет. Может быть, мы даже покатаемся на лодке — тебе это понравится — питья вокруг сколько хочешь, так что от жажды не умрешь.

Мы, Сиамские Кошки, создания очень нежные. Нам НЕОБХОДИМО, чтобы окружающие ЛЮБИЛИ нас. Мы все сидели и ждали. Время тянулось все медленнее, пока не остановилось вовсе. Лютик хлопотала на кухне; нам не хотелось беспокоить ее. Буйная Обезьяна развлекалась тем, что пела в одиночестве: «Хотелауйти, хотелауйти, хотелауйти. Всех ненавижу! Всех ненавижу!» Я еще подумала, как это трагично, если это существо живет в лучшем из возможных домов и все еще не довольна! Часы пробили одиннадцать. Я зевнула и решила немного вздремнуть, чтобы убить время. Мисс Ку уже спала, и ее легкое посапывание разносилось по притихшей комнате.

Ура! Ура! — с восторгом воскликнула Мисс Ку. — Какой замечательный, мощный автомобиль! Ее голос становился все выше и выше, пока она не завизжала:

— И ЭТО МОЙ НОВЫЙ АВТОМОБИЛЬ! Он едет сюда! Она все сильнее вжималась носом в стекло окна на кухне.

— Великие Коты! — наконец выдохнула она. — Закрытый верх, Фиф, голубого цвета — цвета твоих глаз — и с белой крышей. Классно! Хозяин просто умница, что приобрел такую штурковину!

«Мне нужно набраться терпения, — подумала я, — и подождать, пока она расскажет мне еще что-нибудь». Слепому иногда очень тяжело зависеть от благосклонности других. Как она сказала? Машина цвета моих глаз? Меня это ОЧЕНЬ поразило. Да еще и с белым верхом. Наверное, это замечательно выглядит и выгодно оттеняет голубой цвет. Но вот я услышала, как хлопнули дверцы машины — значит, скоро войдут Хозяин и Ма. Послышались шаги на тропинке, затем открылась противомоскитная дверь и пружина со скрежетом захлопнула ее. Они пришли: Хозяин и Ма. Лютик быстро сбежала вниз по лестнице, соскучившись не меньше, чем мы с Мисс Ку.

— Выйдете посмотреть? — спросил Хозяин у Мисс Ку и меня.

— Нет уж, спасибо, — ответила я. — Мисс Ку все мне расскажет, когда вернется.

Хозяин и Лютик, у которой восседала на руках заботливо укутанная Мисс Ку, вышли к машине. А я телепатически улавливала мысли Мисс Ку, как она того и хотела.

«Шикарно, Фиф, до чего славно пахнет кожей. И коврики, в которые можно ХОРОШЕНЬКО запустить когти. Великие Кузнечики-Прыгуны, да здесь же целые АКРЫИ стекла, и есть замечательное местечко у заднего окна. Прокатимся с ветерком, би-би, Фиф, пока».

Кое-кто поговаривает:

— Что ж, миссис Грейвискерс, почему бы вам все время не общаться с помощью телепатии?

Ответ на этот вполне уместный вопрос прост: если бы все кошки постоянно и в полную силу пользовались своими телепатическими способностями, то в «эфире» стоял бы такой галдеж, что никто ничего бы не понял. Людям ведь тоже приходится как-то регулировать работу своих радиостанций, чтобы те не мешали друг Другу.

Кошки же просто настраиваются на длину волны той подружки, с которой хотят пообщаться, и расстояние при этом не имеет значения. Но зато эту весточку слышит всякая кошка, которая настроена на ту же волну, так что о конфиденциальности не может быть и речи.

Желая поговорить друг с другом вблизи, мы пользуемся речью, а к телепатии прибегаем лишь для общения на дальних расстояниях, передачи весточек и широкого оповещения кошачьего сообщества.

Зная длину волны той или иной кошки, которая определяется основной частотой ее ауры, можно общаться с нею где угодно, причем разный язык здесь нисколько не помешает. НИСКОЛЬКО? Ну, не то чтобы очень. Люди, как, впрочем, и кошки, обычно думают на своем родном языке и проецируют мыслеобразы, созданные непосредственно на основе своей культуры и своего представления о вещах.

Не стану извиняться за слишком подробные объяснения, поскольку если моя книга даст людям хоть малейшее понимание кошачьих проблем и мыслей, то это будет чрезвычайно полезно.

И человек, и кошка видят одно и то же, но с разных точек зрения. Человек видит стол и то,

что на нем. Кошке видна лишь нижняя сторона столешницы. Мы смотрим снизу вверх, почти с уровня земли. Мы видим сиденья стульев снизу, нам открывается вид из-под автомашины, человеческие ноги возвышаются, словно деревья в лесу. Для нас пол — это обширная равнина, где там и здесь расставлены огромные предметы и снуют неловкие ноги.

Где бы кошка ни находилась, перед нею открывается примерно одинаковый вид, так что другой кошке будет вполне понятен смысл послания. Вот читать мысли людей — это совсем другое дело, потому что они все видят с точки зрения настолько несхожей с нашей, что мы временами теряемся в догадках. Кошки живут вместе с расой гигантов. Люди же живут с расой карликов.

Лягте на пол, положив голову на лапы, и тогда вы все увидите глазами кошки. Кошки норовят забраться на мебель и даже на стены, чтобы увидеть мир, как видят его люди, и понять приходящие к ним мысли.

Человеческие мысли неуправляемы и излучаются повсюду. Только люди вроде моего Хозяина умеют управлять излучением своих мыслей, чтобы те не «заглушали» всех прочих.

Хозяин как-то рассказывал нам с Мисс Ку, что много-много лет назад люди общались с помощью телепатии, но затем стали использовать во зло эту способность и в конце концов утратили ее.

В этом, по словам Хозяина, заключен смысл Вавилонской башни. Как и мы, люди прежде пользовались устной речью для бесед в тесном кругу и телепатией — для дальних разговоров и группового общения. Теперь, конечно, люди — по крайней мере их большинство — пользуются только устной речью.

Людям никогда не следует недооценивать кошек. Мы наделены умом, сообразительностью и многими способностями. Не пользуясь «рассудком» в общепринятом значении этого слова, мы зато пользуемся «интуицией». К нам это просто «приходит», мы УЗНАЕМ ответ, не давая себе труда на его поиски. Многим людям это покажется невероятным, но, как сказал однажды Хозяин:

«Если бы люди, прежде чем соваться в космос, занялись изучением ЭТОГО мира, то впоследствии им и в космосе было бы легче. А не будь разума, не было бы и НИКАКИХ механических шгуковин, потому что все они придуманы разумом».

Некоторые наши предания повествуют о великих делах между людьми и кошками в те далекие времена, когда люди еще не утратили дара телепатии и ясновидения.

НЕУЖЕЛИ кого-нибудь из вас позабавила мысль о том, что и у кошек есть свои предания? Почему бы тогда не посмеяться заодно и над цыганами, преданиям которых не одна сотня лет? Кошки не умеют писать, да нам это и не нужно, потому что мы храним в памяти все происходящее и можем заглянуть в Хронику Акаши. Многие цыгане тоже не умеют писать, но столетиями передают свои легенды из уст в уста.

Да и кто понимает кошек? Может быть, ВЫ? МОЖЕТЕ ли вы сказать, что кошки не наделены разумом? Поистине, вы живете рядом с племенем, которого не знаете, потому что мы, кошачий народ, и НЕ ХОТИМ, чтобы нас знали. Надеюсь, что когда-нибудь мы с Хозяином напишем книгу кошачьих преданий — то-то подивятся ей люди! Но все это весьма далеко от того, о чем я сейчас пишу.

Солнышко уже хорошо пригревало меня сквозь кухонное окно, когда вернулась Мисс Ку.
— Бррр! — сказала она, входя. — На улице холодно, Фиф. Хорошо, что в машине есть обогреватель!

Тут она вышла, чтобы слегка подкрепиться после увлекательной прогулки в новой машине. Я тоже решила, что неплохо бы перекусить, зная к тому же, что ей будет по душе моя компания.

— Какая вкуснота, Фиф, — сказала она, — пожалуй, после прогулки у меня разыгрался

аппетит. Тебе бы тоже неплохо прокатиться, и тогда ты съешь даже больше, чем сейчас, — если это возможно!

Я посмеялась вместе с ней, так как никогда не скрывала, что люблю вкусно поесть. После стольких лет полуголодной жизни очень славно иметь возможность поесть когда вздумается. Усевшись умываться после обеда, я попросила:

— Расскажи-ка мне о новой машине, Мисс Ку.

Она на минутку задумалась, моя лапкой за ушами и расчесывая усы.

— О цвете я тебе уже рассказывала, — промолвила она, — теперь, думаю, тебе хочется узнать, как все было. Ну, сели мы в машину, и Хозяин все о ней рассказал Лютику и мне. Хозяин и Ма поехали на автостоянку и пересмотрели там множество машин. Управляющий хорошо знает Хозяина и потому показал ему одну очень хорошую. Хозяин попробовал ее на ходу, она ему понравилась, и он ее купил. Ну а старого «монарха» продали. Немного погодя Хозяин собирается взять нас на прогулку и специально для тебя будет ехать помедленнее.

Горлопан опять завопил во всю мочь:

— Хочуехать! Хочуехать! — орал он.

Лютик побранила его, хоть и очень ласково, за этот гвалт. Горлопан свихнулся, уж это мы точно знали. Вечно он на все жалуется.

— Когда мы отвезем его обратно? — спросила Лютик Хозяина.

— Ура! — взвизгнула Мисс Ку, подскочив от радости. — Старую Противную Мартышку увезут, и теперь кругом будет сухо! Хотела бы я, чтобы у НЕГО замерз краник!

Прошлой ночью нагрязнул сильный мороз, и у нас замерз водопровод. Как не раз замечала Мисс Ку, Горлопан был самой мокрой на свете мартышкой.

— Надо будет позвонить и сказать, что мы привезем его обратно, — сказал Хозяин, — нельзя же просто так свалить это создание на ничего не подозревающий мир, словно снег на голову!

Ма спустилась по лестнице к телефону. Хозяин НИКОГДА, если мог, не пользовался телефоном, так как нередко вместо слов читал мысли собеседника, — а это совершенно разные вещи! После нескольких случаев, когда Хозяин улавливал не то значение, что надо, было взято за правило, что по телефону будут говорить Ма или Лютик.

Ма выступала в роли «делового менеджера», так как Хозяин считал, что для этого она больше подходит. И за всеми счетами тоже следила Ма, но только потому, что так хотел Хозяин.

— Да, они возьмут его обратно, — сказала Ма и мрачно добавила: — Но денег не вернут!

— Что же нам делать, Шила? — спросил Хозяин.

Лютик так расстроилась, что начала заикаться и шаркать ногами.

— Ну, — сказала она, — он так и не поправляется, да и здесь ему явно не по душе. Может быть, он просто боится кошек, или ему было бы лучше в доме, где их нет. Давайте отвезем его обратно!

— ТОЧНО? СОВЕРШЕННО точно? — настаивал Хозяин.

— Да, ему же будет лучше, если мы отвезем его назад.

— Хорошо, сейчас я выведу машину. Хозяин встал и вышел в гараж.

— Ненавижу! Ненавижу! — взвыл Горлопан. — Хочуехать! Хочуехать!

Огорченная Лютик вынула его из клетки и укутала в одеяло. Вернулся Хозяин, вынес из дома большую клетку и поставил ее во вместительный багажник, после чего немного посидел в машине с включенным мотором, чтобы обогреть кабину для Горлопана. Затем, решив, что стало достаточно тепло, он просигналил Лютику.

Я услышала, как захлопнулась дверца, затем раздался шум тронувшейся с места машины и постепенно растаял вдали.

Машина была просто замечательная, и Мисс Ку очень ее любила. Да и я тоже выезжала несколько раз, хотя, как я уже говорила, я отнюдь не без ума от автомобилей. Как-то Хозяин повез Ма и нас с Мисс Ку в одно славное местечко под Амбассадор-бридж.

Мы сидели в машине, и Хозяин чуть приоткрыл окно, чтобы до меня донесся из-за реки запах Детройта. Мисс Ку сейчас напоминает мне, что в данном случае слово «запах» совершенно не подходит, но оно по крайней мере приличное!

Пока мы сидели там в уютном тепле кабины, Мисс Ку описывала мне вид из окна:

— Прямо над нами через реку протянулся Посольский мост, словно игрушка из детского конструктора над ванной. По нему бесконечной чередой гремят грузовики. Несметная рать легковых машин. Зеваки останавливают машины на мосту, чтобы сделать несколько снимков. По ту сторону видно железнодорожное депо, а немного правее американцы строят какой-то большой зал — они вообще любят ходить в такие места и разговаривать. У них это называется конференциями или съездами, а на самом деле это значит, что они смываются от своих жен, накачиваются даровой выпивкой и связываются с платными подружками.

Мисс Ку немного помедлила и заговорила снова:

— Смотри-ка! По реке лед пошел! Вот бы нам наловить хоть немного и сохранить до лета, мы бы тогда заработали кучу денег. Ну, как я обещала, если хочешь, я велю Хозяину отвезти нас в Детройт.

— Нет, Мисс Ку, спасибо! — занервничала я. — Боюсь, мне это не доставит никакого удовольствия. Все равно я ничего не вижу, так что и ехать незачем. Правда, я уверена, что Хозяин охотно тебя покатает!

— Ну и трусиха же ты, Фиф! — заметила Мисс Ку. — Мне просто стыдно за тебя.

— Давай-ка отвезем кошек и поедem искать новый дом, — предложила Ма.

— Ладно, — ответил Хозяин, — нам все равно пора переезжать, мне наш дом с самого начала был не по душе.

— До свидания, мистер Посольский мост, — сказала я.

С послами и консулами у меня были связаны свои воспоминания, так что мне не хотелось проявить неуважение к мосту. Мотор ожил и ровно заурчал, а Мисс Ку скомандовала Хозяину:

— ДАВАЙ! Поехали!

Хозяин мягко нажал на педаль, машина медленно покатила по заснеженному склону и выехала на набережную. Когда мы проезжали Виндзорский вокзал, стоявший там поезд нетерпеливо загудел, и я со страху чуть в обморок не упала. А мы ехали все дальше и дальше, мимо Пьяного Завода и еще дальше.

Мы миновали монастырь, и Мисс Ку заметила, что всегда, проезжая это место, вспоминает о мистере Лофтусе из далекой Ирландии. Дочь мистера Лофтуса стала Монахиней в Монастыре, и как мы слышали, дела у нее идут хорошо.

Проехав довольно долгое время, мы свернули в сторону, и Хозяин сказал:

— Потерпи, Фиф, скоро приедем домой, там и перекусишь. Может, сначала выпьем чайку, Рэб? — обратился он к Ма.

— Я не прочь, — ответила она, — потом не придется оглядываться на время.

Хозяину когда-то так крепко досталось, что теперь ему приходится есть часто и понемногу. И мне довелось пережить «постные годы», прежде чем я нашла свой Дом, как и предсказывала Старая Яблоня; и мне было худо, так что теперь тоже приходится есть часто и понемногу.

Тепло укутанные, мы вернулись в дом на руках Хозяина и Ма, потому что на земле еще лежал снег. Дома Лютик уже приготовила чай, так что я подошла к ней и сказала, что очень рада вернуться домой.

Напившись чаю, Хозяин встал и сказал:

— Ну, нам пора, не то мы попадем в вечерний час пик.

Попрощавшись со мной и Мисс Ку, он велел нам присматривать за Лютиком, после чего вышел вместе с Ма. Мы снова услышали тающий вдали шум автомашины. Зная, что на часок-другой мы будем предоставлены сами себе, мы первым делом немного побегали, сначала я погналась за Мисс Ку по комнате, потом она за мной. Затем мы стали состязаться, кто быстрее проделает как можно больше дыр в газете. Вскоре нам это надоело, да и газеты уже не осталось.

— А ну-ка, кто дальше сможет пройти по лестничным перилам и не упасть, Фиф! — предложила Мисс Ку и тут же спохватилась: — Ой, я забыла, что ты ничего не видишь.

Присев, она легонько почесала за левым ухом в надежде на вдохновение.

— Фиф! — позвала она.

— Да, Мисс Ку? — ответила я.

— Фиф, расскажи-ка мне какую-нибудь историю, лучше всего одно из наших старых преданий. Только говори тихо, я хочу, чтобы ты меня убаюкала. А ты сама можешь заснуть потом, — великодушно добавила она.

— Хорошо, Мисс Ку, — ответила я, — я расскажу тебе о Котах, которые спасли Царство.

— Вот это класс! Ну, валяй, рассказывай! — она устроилась поудобнее, а я повернулась к ней мордочкой и повела рассказ:

«Давным давно, может, тысячу, а может, и миллион лет назад под теплым взглядом ласково улыбающегося солнца нежился прекрасный зеленый Остров. Лазурные волны игриво плескались о лениво развалившиеся береговые камни, взбиваясь вверх фонтанами белоснежной пены и брызг и раскидывая в воздухе широкие мосты радуг.

Земля была богата и плодородна; обласканные благоуханными ветрами, высокие и стройные деревья росли до самых небес. С возвышенностей по огромным камням стекали реки, низвергаясь звенящими водопадами в глубокие водоемы и разливаясь затем по равнинам, чтобы спокойно течь дальше в вечно гостеприимное море. Вдали на горизонте громоздились горы, которые — как знать — служили фундаментом Обителям Богов.

На окаймленных белой пеной прибоя песчаных пляжах беззаботно играли, плавали и любили жители Острова. Здесь царил лишь покой, радость и невыразимое наслаждение. Здесь не было места ни мыслям о будущем, ни мыслям о горестях или зле, — одна лишь радость в тени пальм, тихо качающихся на ветру.

От берега вглубь острова вела широкая дорога, исчезая в прохладных сумерках могучего леса, чтобы снова появиться многими милями дальше, где пейзаж был совершенно иным. Здесь стояли храмы, высеченные из цветного камня, золота и серебра. Высокие шпили вздымались ввысь, касаясь самых небес. Своды куполов поднимались над простором поседевших от времени зданий.

Вспугнув тысячи птиц, дремлющих на солнышке на древних стенах, из амбразуры высокого храма донеслись низкие звуки гонга.

Под этот неумолчный звон в главное здание заспешили облаченные в желтые одежды люди. На некоторое время все пришло в движение, затем суэта стихла, и вновь на землю опустился безмолвный покой.

А в главном Зале Собраний огромного Храма беспокойно шелестели одеждой монахи, раздумывая над причиной внезапного вызова. Наконец в дальнем углу Храма стукнула дверь, и из нее показался короткий ряд одетых в желтое людей. Впереди медленно шагал Настоятель, глубокий старец, которого сопровождали два громадных кота с черными хвостами, ушами и масками на мордочках, но с белыми телами.

Между котами и старцем было явное телепатическое взаимопонимание. Все вместе они прошли на возвышение, где старец немного постоял, взглядываясь в море собравшихся перед ним

лиц.

— Братья всех степеней, — медленно произнес он наконец. — Я призвал вас, чтобы сообщить, что нашему Острову угрожает смертельная опасность. Давно уже над нами нависает угроза, исходящая от ученых, населяющих этот край по ту сторону гор. Они отрезаны от нас глубоким горным разломом, который почти делит Остров пополам, и подступиться к ним непросто. В их краях религию заменила собой наука; у них нет ни Бога, ни представления о правах ближних. Теперь же, о Братья всех степеней, — старый священник помедлил, обведя печальным взглядом собравшихся.

И удовлетворившись тем, что полностью завладел их вниманием, продолжил:

— Нам угрожают. Если мы не падём на колени перед этими безбожниками и не отдадим себя в полное подчинение этим злым людям, они грозят уничтожить нас неведомыми и смертоносными вирусами.

Он устало смолк под тяжким бременем прожитых лет.

— Мы, Братья, собрались здесь, чтобы обсудить, как можно отвести от себя эту угрозу нашей жизни и свободе. Мы знаем, где хранятся запасы этого вируса, ибо некоторые из нас тщетно пытались похитить их и уничтожить. Однако нам это не удалось, а те, кто пытался это сделать, были подвергнуты мучительной смерти.

— Святой Отец! — молвил один юный монах. — Разве эти культуры вирусов так громоздки и тяжелы? Не может ли похитивший их человек просто УБЕЖАТЬ с ними?

И он сел, оробев от собственной смелости обращения к Святому Отцу. Старец невесело взглянул на него.

— Громоздки? — переспросил он. — Нисколько. Культуры вирусов помещены в пробирке, которую можно удержать двумя пальцами, но одной лишь капли довольно, чтобы уничтожить всех нас. И тяжести здесь никакой нет, но вирусы хранятся в башне, которую тщательно охраняют.

Он снова умолк и вытер лоб.

— Чтобы показать нам свое презрение, они поставили пробирку в открытом окне, так чтобы ее хорошо видели все те, кого мы посылаем в их страну. У самого окна тянется тонкая ветвь стройного дерева — не толще моего запястья. Чтобы показать, что нас они не боятся, они направили нам послание с советом молиться, чтобы нам были дарованы пустые головы, и тогда, возможно, ветка не сломается под нашим весом.

Собрание затянулось до глубокой ночи — монахи обсуждали всевозможные способы спасения своего народа от гибели.

— Не можем ли мы сбить ее на землю, чтобы она разбилась? Тогда они сами падут ее жертвами, а мы будем спасены, — предложил один монах.

— Верно, — ответил другой, — но уж если бы можно было ее сбить, то лучше захватить ее, и тогда власть окажется в наших руках, ибо сказано, что от вирусов нет ни противоядия, ни защиты.

В тайном святилище престарелый священник в изнеможении лежал на своем ложе. Рядом с ним, словно два стража, лежали оба кота.

— Ваше Святейшество, — телепатически сказал один из них, — а не мог бы я проникнуть в их страну, забраться на дерево и унести сосуд?

Другой кот поднял взгляд на собрата:

— Мы отправимся вместе, — сказал он, — это удвоит наши шансы на успех.

Старый жрец надолго задумался, взвешивая все за и против. Наконец он телепатически произнес:

— Возможно, это и есть выход, так как никто, кроме кошки, не сможет забраться на это дерево и проползти по ветке. Да, возможно, это решение.

Он снова ненадолго углубился в размышления, а ни один владеющий телепатией кот не позволяет себе проникать в чужие мысли.

— Да, это может быть выход! — вновь заговорил Старец. — Вас обоих отнесут через горный разлом, чтобы вы не слишком утомились, и там будут дожидаться вашего возвращения.

И помедлив, он добавил:

— И мы никому не скажем, что собираемся сделать, ибо даже в такой общине, как наша, есть те, кто слишком много болтает. Да! — и тут он хлопнул в ладоши от радости. — Мы отправим посланца, чтобы узнать их условия, и это отвлечет от вас их внимание.

Вслед за этим наступили хлопотные дни. Настоятель дал знать, что намерен отправить посланца, и вскоре пришел ответ с разрешением. Люди из охраны посланца, несшие с собой две корзины, добрались по горным перевалам до разлома, пересекли его и оказались на вражеской территории.

Посланец отправился в твердыню врага, и под покровом ночи коты выпустили из корзинок. Безмолвные, как сама ночь, они тронулись в путь. Незаметно пробравшись к дереву, они остановились у его подножия. Там они призвали на помощь все свои телепатические способности, чтобы выявить, не затаился ли где-нибудь враг. Затем один стал осторожно взбираться на дерево, тогда как другой остался внизу, телепатически следя за всем, что происходит вокруг.

С бесконечной осторожностью кот прополз по ветке и выхватил сосуд из-под носа у захваченного врасплох стража.

Задолго до того, как из крепости выбежала поднятая по тревоге толпа воинов, оба кота растворились во мраке, унося с собой сосуд, на долгие годы обеспечивший безопасность их родному краю. С тех пор в той стране для всех последующих поколений Кошки стали Священными, и лишь одним кошкам ведомо, по какой причине!

Тихое похрапывание поставило точку в заключительной фразе. Я подняла голову и прислушалась. Ну да, храп, на этот раз погромче.

Довольно усмехнувшись, я подумала:

«Ну, так и быть, пусть я Старая нудная Кошка, но по крайней мере я умею убаюкать Мисс Ку!»

Впрочем, долго она не спала. Вскоре она уселась, вытянувшись в струнку.

— Пора умываться, Фиф, — скомандовала она, — они уже едут домой, и я не могу допустить, чтобы ты выглядела такой неряхой.

Несколько минут спустя мы услышали шум автомашины и вслед за ним скрежет гаражной двери. Затем — шаги на дорожке, и вот вошли Хозяин и Ма.

— Ну, как у вас дела? — спросила Лютик, снимая передник и откладывая его в сторону.

— Мы нашли дом, — ответил Хозяин, — он отлично нам подходит. Если хотите, я отвезу вас взглянуть, и Фанни Плюх захватим с собой.

Хозяин часто называл Мисс Ку «Фанни Плюх» из-за ее манеры носиться как угорелая от возбуждения. Я была рада, что он не стал приглашать меня взглянуть на новую квартиру, Впрочем, Хозяин и сам отлично знал, что я терпеть этого не могу и предпочитаю дожидаться, пока ВСЕ мы не переберемся вместе. Что там может быть такого для слепой кошки? Чего ради мне туда ехать, если мне это место совершенно незнакомо, и я шагу не смогу ступить, чтобы не наткнуться на что-нибудь?

Уж лучше я дождусь, пока все устроится на новом месте, и тогда Хозяин и Мисс Ку проведут меня по всем комнатам и покажут, что где стоит, а Хозяин будет ставить меня на

разные предметы, чтобы я запомнила, как далеко надо прыгать.

Освоившись на новом месте, я умею прыгать со стула на стул без промахов и ушибов. Сначала я встаю на задние лапки и оцупываю стул, чтобы не прыгнуть на спинку, а потом уж прыгаю куда захочу. Само собой, временами я наталкиваюсь на разные предметы, но у меня хватает ума не налетать на одну и ту же вещь дважды!

Их отсутствие не было долгим. Вернувшись, Мисс Ку со всех лап бросилась ко мне.

— Ушки на макушку, Фиф, — велела она, — самое время все тебе рассказать. Так вот, это дом, в котором две квартиры. Мы берем весь дом, чтобы Хозяин мог спокойно написать новую книгу. Мы будем жить в верхней квартире. Там просторные комнаты с видом на реку Детройт. Еще там есть большой балкон с перилами, и Хозяин говорит, что мы сможем на нем сидеть, когда потеплеет. И там еще есть ЧЕРДАК, Фиф, где можно играть и кататься в пыли сколько хочешь. Ты будешь в ВОСТОРГЕ!

Стало быть, Хозяин собирается писать новую книгу? Я знала, что Люди настаивали на том, чтобы она была написана; знала, что он получил на этот счет особые указания от бестелесных существ. Уже и название было придумано. Мисс Ку перехватила мои мысли.

— Да! — радостно воскликнула она. — Как только мы переберемся на той неделе в новый дом, мы тут же отправимся к миссис Дэрр, купим у нее писчей бумаги и начнем работать.

— Миссис Дэрр? — переспросила я. — А кто она такая?

— Как, ты не знаешь миссис Дэрр? Да ее же ВСЕ знают, эта женщина торгует книгами для одной виндзорской фирмы, но скоро собирается открыть собственное дело. Она не знает миссис Дэрр! Ну и ну! Ты прямо не от мира сего, да и только, — и покачав головой, она что-то недовольно проворчала.

— А как же она выглядит, Мисс Ку? — спросила я. — Ты же знаешь, что я ничего не вижу!

— Ах, да, конечно, я совсем забыла, — заметно смягчившись, ответила Мисс Ку. — Ладно уж, садись, старушка, я тебе расскажу.

Забравшись на подоконник, мы сели друг против друга, и Мисс Ку начала:

— Ты, конечно, многое пропустила. Мисс Дэрр — а для друзей просто Рут — воплощенная ЭЛЕГАНТНОСТЬ! В меру полненькая, милые черты лица, и по словам Ма, у нее золотисто-каштановые волосы, не знаю, правда, что это значит. Она носит юбки-кринолины, разве что спать в них не ложится, и Хозяин говорит, что она похожа на фигурку из дрезденского фарфора. И кожа у нее красивая. Словно фарфоровая, понимаешь, Фиф?

— Конечно, ты очень живо ее описываешь, Мисс Ку, спасибо, — ответила я.

— Она продает книги и все такое, и хотя она настоящая голландка, но продает книги в Англии. Она продает и книги Хозяина. Нам она нравится, и теперь, когда мы будем жить в Виндзоре, мы надеемся, что будем видеть ее чаще.

Мы немного помолчали, размышляя о достоинствах миссис Дэрр, а потом мне пришел в голову вопрос:

— А есть у нее кто-нибудь из кошачьего семейства? Мисс Ку помрачнела.

— Ах! Как жаль, что ты об этом спросила. Это очень печальная история, ОЧЕНЬ печальная.

Она умолкла, и я даже расслышала пару всхлипов. Вскоре она справилась со своими чувствами и продолжила:

— Да, у нее есть Стабби, это котик, который ничего не может, к тому же он еще и барышня, которая тоже ничего не может. Словом, произошла ужасная ошибка; у бедняги Стабби все безнадежно перепуталось в его или ее Жизненном Отделе. Но у него золотое сердце, просто золотое. Добрейшая душа. Застенчивый, очень сдержанный, что, впрочем, вполне естественно в его состоянии. Из бедняжки получилась бы хорошая мамаша для каких-нибудь бездомных котят. Непременно поговорю об этом с Хозяином.

— А есть мистер Дэрр? — поинтересовалась я и добавила:

— Конечно, должен быть, иначе она не была бы миссис.

— О да, мистер Дэрр тоже есть, он производит молоко для Виндзора, без него все пропали бы от жажды. Он тоже голландец, так что дочка у них, надо думать, двойная голландка. Да, Фиф, тебе миссис Дэрр понравится, она из тех, кому стоит помурлыкать. Но теперь у нас нет времени на эти разговоры, нам надо заняться устройством дома. На будущей неделе мы переедем, и я пообещала Хозяину позаботиться о том, чтобы ты не слишком боялась нового места.

— А я и не испугаюсь, Мисс Ку, — ответила я, — на моем веку было немало переездов.

— Ну, — сказала Мисс Ку, пропустив мимо ушей мое замечание, — через неделю багаж и прочие вещи погрузят в грузовик, и Ма отправится туда следить за доставкой. Затем Хозяин заберет тебя, Лютик и меня, и когда мы устроимся на новом месте, Хозяин и Ма вернутся сюда, чтобы проверить, все ли здесь в порядке, и отдать ключи домовладельцу.

Снега уже начали таять, лед в озере тронулся и поплыл по реке. Внезапные снежные бури напоминали нам, что до лета еще далеко, но мы чувствовали, что самое худшее уже позади. Жизнь в Канаде была поразительно дорогая, цены на все были вдвое — а то и втрое — выше, чем цены в Ирландии или Франции.

Хозяин попытался подыскать работу в прессе или на телевидении, но на горьком опыте убедился, что канадские фирмы не жалуют приезжих, если только они (как назвал их Хозяин) не РАБОТЯГИ. Обнаружив, что ни в прессу, ни на телевидение ему не попасть, он попытался найти хоть какую-то работу, и тут тоже выяснилось, что он никому не нужен.

И всем нам Канада не нравилась из-за поразительно низкой культуры кнеумения ценить прекрасное в жизни. Я же утешала себя мыслью о том, что скоро лето и всем станет лучше.

Хозяин, Лютик и Мисс Ку отправились однажды на прогулку. Надо думать, они поехали в магазин купить торфяного мха.

Мы с Ма взялись стелить постели и занялись мелкой домашней работой. Надо было подмести лестницу, сложить и прибрать старые газеты. Когда мы со всем этим управились, они вернулись домой.

— Как тебе это нравится, Фиф? — зашептала Мисс Ку, подойдя ко мне.

— Что, Мисс Ку? Что случилось?

— Ох, Боже мой, ты ни за что не догадаешься, — промурлыкала Мисс Ку. — Ни за что. Тебя это УБЬЕТ НАПОВАЛ. Она познакомилась с человеком по имени Хедди, который любит обезьян.

— Мартышек, Мисс Ку? Неужели у нас в доме опять будет обезьяна! Мисс Ку цинично усмехнулась.

— Нет, Фиф, у нас будет не ОДНА обезьяна, у нас будут целых ДВА этих ужаслика. Пожалуй, нам придется пускаться вплавь, если обе устроят потоп, работая сверхурочно.

И немного помолчав, она добавила:

— Но, может быть, их будут держать на балконе, не могут же две дикие мартышки носиться по всему дому. Горлопан хоть не мог ходить, зато эти две в полном порядке, полная гарантия, море удовольствия или деньги обратно.

И шумно вздохнув, она сказала:

— Лютик собирается вскоре зайти к этому Хедди, она ведь ОБОЖАЕТ мартышек!

— Очень странно, — заметила я, — ведь у обезьян такая скверная репутация. Помню, во Франции у одного отставного моряка была мартышка, так вот в один прекрасный день она сбежала и совершенно разорила фруктовую лавку.

Сама я этого, правда, не видела, но мне все рассказала одна особа по имени мадам Баттерболл, которая заведовала ветеринарной клиникой. Когда я там лечилась, она рассказала

мне историю прежнего жильца моей клетки, этой самой мартышки, которая сильно порезалась, разбив стеклянный прилавок.

Потом мы всю занялись сборами, ведь столько всего надо было упаковать в ящики. Мы с Мисс Ку изо всех сил топтались по вещам, чтобы поплотнее уложить их в чемоданах. Временами нам приходилось даже вытаскивать вещи из уложенных чемоданов, чтобы убедиться, что ничто не забыто. Приходилось нам и сминать оберточную бумагу, так как всем известно, что мятая бумага мягче новой и гладкой.

Мы трудились не покладая лап, и я горжусь тем, что мы тоже помогли делу. Особенно мы любили готовить к употреблению чистые простыни. Ну кому на свете нравятся простыни прямо из прачечной, жесткие и шершавые! Мы с Мисс Ку придумали целую систему беготни по простыням, пока те не станут мягкими и гибкими, избавившись от своих жестких наглаженных складок.

— Шила! — позвала Ма из кухни. — Пришел Плотник насчет обезьяньей клетки.

— Иду, — отозвалась Лютик, топоча ногами по лестнице. Мисс Ку недовольно проворчала:

— Ага, обезьянья клетка! Ну и влетит же она в копеечку! Честное слово, не знаю, к чему мы все идем. Надо будет пойти послушать, это не помешает.

— Та, та, — говорил Плотник, — стало быть клетка фам нужна разборная, нет? Да? Я ее быстренько сфарганю. Мой шена тоше люпит мартышек. Я и ее прифеду, а? Я еще приту.

Мисс Ку тихо посмеивалась про себя.

— Не успел сказать «Я приту» — и тут же ушел, Фиф. Ну и ну! Должно быть, у него получится не клетка, а целый сарай, где поместятся и Хозяин, и Ма, и Лютик, и мы с тобой.

— А места ей в новом доме хватит, Мисс Ку? — спросила я.

— Да! Да! Там уйма места, а наверху у нас будет большая веранда, забранная сеткой. Я было понадеялась, что там у нас будет площадка для игр, но вместо этого там будет обезьянник! Вот так все надежды и рушатся!

И побежали друг за другом последние деньки. Хозяин и Лютик съездили к Мистеру Голландскому Плотнику и вернулись с известием, что клетка закончена и устанавливается в новом доме. С каждой поездкой Хозяина в Виндзор отвозилось все больше вещей.

Мисс Ку съездила посмотреть, все ли там в порядке, и вернулась со словами:

— Ну, Фиф, завтра ты уже будешь спать в Виндзоре, откуда открывается прекрасный вид на Детройт. Там есть на что посмотреть, некоторые даже переезжают через реку сюда в своих блестящих машинах. Правда, они и доллары в страну привозят. Очень полезно для торговли и всего такого.

Хозяин взял меня на руки, и мы немного поиграли. Я очень любила играть с ним. Он брал тонкий прутик с привязанной на конце погремушкой и водил им по полу, чтобы я могла гоняться за ним по звуку. Он, конечно, часто позволял мне поймать его, просто чтобы меня подбодрить.

Я ЗНАЛА, что он позволяет мне поймать прутик, но притворялась, будто не знаю. А в этот вечер он взъерошил мне шерсть и погладил грудку.

— Сегодня ложимся спать пораньше, Фиф, завтра у нас трудный день.

— Спокойной ночи, — сказали Ма и Лютик.

— Спокойной ночи, — ответили мы, и я услышала щелчок выключателя. Это Хозяин в последний раз выключил свет в этом доме.

А завтра? Завтра будет новый день, который приведет нас в новый дом. А сегодня я улеглась и заснула.

Глава 10

Хей хо! — пропела Мисс Ку. — Опять переезжаем. Мы странствуем по свету, словно старый кот на барже. И в этот Виндзор мы едем, чтобы потом отправиться еще куда-нибудь.

— Ах, успокойся, Ку, — сказал Хозяин. — Своими песнопениями ты мешаешь мне думать. Ты уж как-нибудь смиришься с тем, что у тебя не больше музыкальных способностей, чем у меня.

Я усмехнулась про себя. Было утро, и Мисс Ку приветствовала песней давно отпыхавший рассвет. Когда же Хозяин заговорил с ней, она отошла в сторону, бормоча:

— Ты просто не умеешь ценить Искусство, — что не дано, то не дано!

Я лениво потянулась. Скоро будем завтракать.

Ма уже суетится на кухне. До моих ушей донесся сначала стук посуды, а потом:

— Ку! Фиф! Идите завтракать!

— Иду, Ма! — ответила я, нащупывая лапой край постели и спрыгивая на пол.

Этот прыжок с кровати по утрам всегда был целым приключением. Все чувства и ощущения спросонок не так отчетливы, и я всегда немного побаивалась, что прыгну на туфли Хозяина или еще на что-нибудь. Страх был, правда, невелик, потому что все очень заботились, чтобы я ничего такого не натворила.

— Фиф идет! — сказал Хозяин Ма.

— Иди завтракать, Фиф, — сказала Ма, — что-то ты сегодня замешкалась, как Старая Бабушка!

Улыбнувшись ей, я уселась завтракать.

— Нет, чуть правее — теперь в самый раз! — подсказала Мисс Ку.

— Ну, что теперь? — спросил Хозяин. — Я съезжу за почтой.

Ма отобрала самые хрупкие вещи, и Хозяин с Лютиком отнесли их в машину. У нас в Виндзоре был свой почтовый ящик, потому что мы обнаружили, что, зная наш адрес, люди частенько неожиданно заявлялись к нам в дом, что приводило к немалому замешательству, так как Хозяин никогда не принимал тех, кто запросто приходил и требовал приема.

Мисс Ку рассказывала мне, что, когда вся семья жила в Ирландии — еще до моего появления, — однажды из Германии приехала какая-то женщина и ПОТРЕБОВАЛА немедленной аудиенции, так как она, видите ли, «хочет сидеть у ног великого Ламы».

Когда ей ответили, что войти нельзя, она разбила лагерь прямо у порога и сидела там, пока мистер Лофтус в своем мундире, придававшем ему очень суровый и воинственный вид, не велел ей убираться восвояси.

Переезд был делом, которое совершенно не касалось ни Мисс Ку, ни меня. Вскоре люди из транспортной фирмы погрузили вещи и уехали. Мисс Ку отправилась побродить по дому, прощаясь с комнатами. Мы рады были этому прощанию, потому что этот дом никогда не казался нам уютным.

Наконец нас с Мисс Ку хорошенько укутали и вынесли в теплую машину. Хозяин запер дверь дома, и мы поехали. Дорога была ужасно скверная, как и большинство канадских дорог. Мисс Ку говорила, что однажды даже видела надпись «Плохая дорога, езжайте на свой страх и риск!» Мы поехали и вскоре добрались до перекрестка.

Мисс Ку воскликнула:

— Так вот откуда берется наша еда, Фиф! Тут есть местечко, которое называется «Остановись и купи». А теперь мы выехали на главную улицу Виндзора.

Дорога стала ровнее. Внезапно нос у меня сморщился от знакомого запаха, который живо напомнил мне Мистера Ирландского Ветеринара и его Ирландскую Кошачью Больницу. Мисс

Ку расхохоталась:

— Не будь такой трусихой, Фиф, это просто человеческая больница, куда берут людей при последнем издыхании.

Мы проехали еще немного, и она объявила:

— А вот в этом месте делают машины, мы проезжаем мимо завода Форда. Я тебе все расскажу, Фиф, чтобы ты получила полное представление.

— Мисс Ку! — окликнула ее я. — Что это за странный запах? Он как-то смутно напоминает мне французские виноградники, хотя он совсем ДРУГОЙ.

— Конечно, другой, — ответила Мисс Ку. — Это завод, где делают всякую выпивку. Зерно, которым можно было бы накормить голодных людей, перерабатывается здесь в разные напитки, без которых люди вполне могли бы обойтись. А теперь мы проезжаем железнодорожный мост. По нему проходят все поезда, идущие в Виндзор.

Мы проехали еще немного, и тут что-то как ГРОХНЕТ! — Я даже подскочила на месте от неожиданности.

— Нечего паниковать, Фиф, — сказала Мисс Ку. — Это просто локомотив выпускал пар.

Хозяин куда-то свернул, и мы остановились.

— Приехали, Фиф, — сказала Ма.

Нас с Мисс Ку пронесли по заснеженной дорожке в дверь и вверх по лестнице.

Там стоял запах свежего лака и мыла. Принюхавшись к полу, я решила, что его недавно хорошо отлакировали.

— Не обращай внимания, — сказала Мисс Ку, — с полом разберешься позже. Я проведу тебя по всем комнатам и расскажу, что где стоит. Будь осторожна, потому что кое-где появилась новая мебель.

— Шила! — позвал Хозяин. — Мы едем отдать ключи домовладельцу. Скоро вернемся.

Хозяин и Ма вышли, я услышала, как они спускаются по ступенькам, садятся в машину и отъезжают.

— Ну, а теперь идем со мной, — сказала Мисс Ку. Мы прошли по всей Квартире, и Мисс Ку указывала мне все препятствия и еще — где расставлены стулья. Затем мы вышли на заднее крыльцо.

— Открой, пожалуйста! — завопила Мисс Ку.

— Хочешь выйти, Ку? — спросила Лютик. — Хорошо, сейчас открою. И, пройдя через кухню, она открыла дверь. В дом ворвался порыв морозного воздуха, а мы выскочили наружу.

— Вот, — сказала Мисс Ку, — здесь наверху большая веранда. Огорожена с трех сторон. Скоро здесь будет обезьянник. Даже с обогревом. Брр! Давай вернемся, здесь слишком холодно.

Мы вернулись в кухню, и Лютик со вздохом облегчения захлопнула за нами дверь, давая понять, что эти глупые кошки бродят по дому — с ее точки зрения — без всякой цели.

— А это спальня, где будете спать вы с Хозяином. Окна смотрят на железную дорогу, на реку Детройт и на Детройт-сити на том берегу. Мне рассказывали, что летом мимо окон проходят по реке корабли со всего света. Посмотрим, посмотрим!

Описывая все эти виды, Мисс Ку была в своей стихии.

— Чуть слева от нас находится место, где люди выкопали нору под Рекой и устроили в ней дорогу в Америку, а еще левее стоит Посольский мост. Хозяин говорит, что слово «Детройт» — это искаженное французское слово «Пролив». Думаю, что уж об этом ты все знаешь, Фиф!

Тут Мисс Ку крунулась на месте так, что задела хвостом мою мордочку.

— Ух ты! — выдохнула она. — Какой-то ужасный тип уставился на меня, а в руке у него жутко официальный портфель.

В эту ночь мы спали урывками, так как нас постоянно будил грохот поездов за окном.

Наутро Ма спустилась вниз за молоком. Назад она вернулась с молоком и письмом, которое отдала Хозяину.

— Что это? — спросил он. — Не знаю, — ответила Ма. — Оно было в ящике.

Послышался звук разрываемого конверта, а потом тишина, пока Хозяин читал.

— Боже ты мой! — воскликнул он. — Неужто нет НИКАКОГО предела глупости канадских чиновников? Ты только послушай. Это письмо из Налогового департамента. Начинается оно так:

«Дорогой Сэр!

Полученная нашим ведомством информация указывает, что вы вносите арендную плату лицу, не являющемуся гражданином Канады, не удерживая при этом суммы налога. Поскольку вы не проводили налоговых отчислений с 1 мая 1959 года, вы обязаны удержать из очередной арендной платы достаточную сумму, чтобы покрыть эту задолженность.

В случае невыполнения этого требования в соответствии с налоговым законодательством, вы будете оштрафованы согласно...»

— Видишь? — сказал Хозяин. — Не успели мы переехать, как нам уже угрожают. Хотел бы я, чтобы мы проснулись от этого кошмара и снова оказались в старой доброй Ирландии. Ну ПОЧЕМУ эти неразумные канадцы так запугивают нас? Я, пожалуй, обращусь с этим делом в Оттаву.

Мисс Ку толкнула меня:

— Видишь, Фиф! Я так и знала, что этот ужасный вчерашний тип был налоговым шпионом. Я его видела.

И мы снова прислушались к тому, что говорит Хозяин.

— Не пойму я эту страну. С первого же присланного мне официального письма они грозят высылкой. Вместо того чтобы пригласить меня к чиновнику Службы здравоохранения, они ГРОЗЯТ мне депортацией, если я не явлюсь. А теперь, едва мы успели въехать в новый дом, как они снова грозят мне несусветными карами. Людям в этой стране не хватает ума сообразить, что времена Дикого Запада давно миновали.

— Хозяин озверел, — прошептала Мисс Ку, — давай-ка спрячемся под кровать.

И дни плавно покатили за днями. Мы понемногу свыклись с грохотом поездов. Хозяин затеял жуткий скандал из-за этих грозных писем и получил извинения от местных налоговых чиновников и даже от правительства из Оттавы. В газетах даже появилась статья о том, как канадские чиновники пытаются запугать новых поселенцев! На улице потеплело, и мы с Мисс Ку могли теперь сидеть на балконе и играть в садике у дома.

Однажды утром Хозяин, как обычно, вернулся из Уокервильской почты с большой пачкой писем и газет, но именно в этот день он принес очень милое письмо от миссис ОТрэди.

— Я соскучилась по ней, — сказала Ма, — хорошо бы ей приехать погостить у нас.

Хозяин немного помолчал, а потом взял да и сказал: — на была нам добрым другом. Почему бы нам не пригласить ее в гости?

Ма и Лютик онемели от изумления.

— Не иначе, как Хозяин свихнулся, — шепнула Мисс Ку, — вот до чего его довела Канада.

— Рэб, — сказал Хозяин, — напиши-ка письмо миссис ОТрэди и спроси, не хочет ли она у нас погостить. Скажи, что если она приедет в будущем месяце, то ее приезд совпадет с визитом королевы Британии. Подумать только, британская королева и миссис ОТрэди из Эйре здесь в одно время. Напиши, что королева проедет вверх по реке прямо перед нашими окнами. Напиши еще, пусть РАДИ ПИТА ответит поскорее!

Мисс Ку без всякого умысла пошутила:

— Ну, Фиф, не успели мы избавиться от мартышек, как у нас появится миссис ОТрэди.

Все мы ЛЮБИЛИ миссис Отрэди и считали ее нашим настоящим другом. Рассмеявшись, я заметила, что Мисс Ку поставила «Ви От» на одну доску с мартышками. Но Мисс Ку с ее обычной находчивостью обернула мои же слова против меня:

— Глупости, Фиф, всем, кроме тебя, понятно, что после грозы выглядывает солнце. Вот и миссис Отрэди как солнышко после обезьяньей грозы.

Мартышки были настоящей грозой — с этим я совершенно согласна. Вскоре после того, как мы перебрались в Дом на Набережной, на грузовике явился Мистер Голландский Плотник и привез клетку.

— Я хочу прифести свой шена посмотреть на обезьян, та? — сказал он.

Лютик, эта обезьянья королева, разрешила ему привести жену посмотреть на мартышек, когда они поселятся в клетке. Мистер Голландский Плотник и Мистер Сын Голландского Плотника втащили наверх все детали и усердно — ну, может, не СЛИШКОМ усердно — потрудились над ее сборкой. Потом они потеряли ладони, отошли в сторонку и стали ждать платы. Уладив это дело, они ушли с заверениями, что Миссис Жена Голландского Плотника будет приглашена в этот обезьянник.

Спустя день-другой прибыли обезьяны, разумеется, в большой корзине. Лютик, придя от них в совершенный восторг, неосторожно приоткрыла крышку.

— ОУ! — завопила Мисс Ку. — **НЫРЯЙ ПОД КРОВАТЬ, ФИФ, ДИКИЕ МАРТЫШКИ ВЫРВАЛИСЬ НА СВОБОДУ!**

Мы нырнули под кровать, чтобы не угодить кому-нибудь под ноги во время ловли мартышек. А Хозяин, Ма и Лютик гонялись за ними по комнатам, захлопывая все окна и двери. Некоторое время царил полный бедлам. Казалось, по дому носятся целые орды обезьян.

Мисс Ку сказала:

— Я сяду поближе к стене, Фиф, а если какая-нибудь мартышка в тебя вцепится, я тебя схвачу и оттащу назад.

Наконец сначала одну мартышку поймали и водворили в клетку, а немного погодя, с немалыми усилиями, — и вторую. Вся семья в полном изнеможении плюхнулась на стулья, отирая вспотевшие лица. Вскоре Лютик поднялась с места, сформировала из себя единоличный Санитарный Корпус и взялась убирать в изобилии оставленные по всему дому следы обезьяньего пребывания.

Как мудро заметила Мисс Ку:

— Боже ты мой! Как я рада, что эти твари не летают, Фиф!

Хозяин и Ма тоже принялись расставлять все по местам и помогать приводить дом в дообезьянье состояние.

Эксперимент с мартышками окончился полным провалом. Гвалт, вонь, общий переполох, который умудрялись производить эти твари, — все это было чересчур. И к человеку по имени Хедци полетела отчаянная мольба.

— Да, — согласился он, — эти дикие мартышки из джунглей Южной Америки не вполне подходят для жизни в обычных домах. Их место в зоопарках.

Он пообещал забрать обезьян и дать нам вместо них ручную, воспитанную в неволе и более подходящую для домашних условий. Но бледная от потрясений Семья единодушно заявила: НЕТ! Пусть только заберут этих и клетку в придачу. Так обе мартышки и одна специально сделанная для них клетка отправились обратно.

Теперь мы с Мисс Ку гораздо увереннее разгуливали по дому, не ожидая всякий раз, что мартышки удерут из клетки. Когда вонь выветрилась, а пол на веранде несколько раз был тщательно вымыт, мы стали проводить там много времени. Это было очень славное местечко, где солнце грело нас по утрам и куда доносился аромат цветов и разных растений из соседних

палисадников. Мы много смеялись над мартышками, но это уже потом, когда все было позади.

Наша радость от того, что мартышки убрались из дома, только увеличилась с получением письма от миссис ОТрэди. Да, она приедет, говорилось в нем, ее Муж очень рад такой возможности для нее повидать мир.

— А кто он такой? — шепнула я Мисс Ку.

— Он был очень важной персоной, — прошептала она в ответ. — Он когда-то был Голосом Корабля и говорил так, что его слышали повсюду на свете. Тогда его звали Спаркс.

Немного подумав, Мисс Ку добавила:

— Думаю, он имел какое-то отношение к радио. Да, должно быть так и есть, он ведь теперь ведаёт всем электричеством Дублина. Ну да, все сойдётся!

— А есть у них семья, Мисс Ку? — поинтересовалась я.

— Ну, конечно, — ответила она, — у них есть человеческий котенок по имени Дорис, она тоже приедет. И есть еще мистер Сэмюэл Пес, который присматривает за домом. Он почти такой же старей, как ты, Фиф.

Недели шли за неделями. Однажды утром Хозяин позвал нас с Мисс Ку и сказал:

— Так вот, киски, следующая неделя будет очень суетливой и шумной. В Виндзор приедет королева Британии, будут оркестры и фейерверки. А сегодня приезжают миссис ОТрэди и Дорис. Ты, Ку, присмотри-ка за Фиф. Я назначаю тебя ответственной за ее безопасность.

— Ладно, Хозяин, ладно! — сказала Мисс Ку. — Я и так всегда за ней присматриваю, как за пра-прабабушкой.

И начались бесконечные приготовления. Ма и Лютик натерли все полы несметным количеством липучей мазилки, а Хозяин и мы, кошки, изо всех сил старались не попадаться им под руку, чтобы нас не вывели из дома.

— Давай-ка уйдем на чердак, — сказала Мисс Ку наконец. — Из-за этих женщин с их суетой в этом доме становится опасно жить.

Стояла ужасная жара. Нам с Мисс Ку даже дышать было трудно. Какой холодной была наша первая канадская зима, таким же на удивление жарким оказалось и лето. Как сказала Мисс Ку:

— Бог ты мой! Ты сейчас ничего сырого и не съешь, Фиф, все в такую погоду получается вареным.

Днем раньше Ма отправилась в Монреаль, чтобы вылететь обратно вместе с миссис ОТрэди. Примерно в час пополудни «Дня Приезда» Хозяин сел за руль большой машины и выехал в аэропорт Виндзора. Лютик хлопотала по дому, как пчелка, и все поглядывала в окно. Мисс Ку сказала, что смотреть пока не на что. Вот через несколько дней будут процессии, оркестры, полеты аэропланов.

— Не для миссис ОТрэди, разумеется, — пояснила Мисс Ку, — а для английской королевы.

А еще будут фейерверки, что, как я знала, означает много шума. Но пока что мы ожидали приезда миссис ОТрэди.

Мы с Мисс Ку слегка перекусили, чтобы подкрепить силы. Лютик все выглядывала в окно. Вдруг она воскликнула:

— А, вот и они! — Это она сказала, разумеется, по-английски, — ведь по-кошачьи она не умеет, — и побежала вниз по ступенькам открывать дверь.

— Отойди в сторонку, Фиф, — предупредила Мисс Ку. — Маленькие девочки бывают очень неловки. Да и ВСЕ люди тоже, — добавила она, немного подумав. — Держись ко мне поближе, а я уж позабочусь, чтобы тебя не задела.

На лестнице послышался топот, громкие голоса и смех, на пол со стуком поставили чемоданы.

— Бог ты мой! — шепнула Мисс Ку. — Бедная старушка «Ви ОТ» так и пышет, словно

поджаренный ломтик бекона. Надеюсь, она выживет!

Наконец все поднялись наверх, и миссис ОТрэди плюхнулась на ближайший стул. Когда она немного пришла в себя, Ма сказала:

— Выйдем на балкон, там может быть прохладнее.

Мы всей толпой вышли на веранду и расселись там. Некоторое время разговор шел об Ирландии, то есть на тему, милую сердцу и Хозяина, и Ма. Затем разговор перешел на английскую королеву, то есть на тему, милую сердцу Лютика, но совершенно не трогавшую Хозяина.

Мисс Ку заметила:

— Если вам хочется поговорить о королевах, то лучше НАС вам королев не найти!

Миссис ОТрэди чуть не таяла от жары. Наконец она ушла в нижнюю квартиру, где немного поостыла в Лучшей Воде Виндзора, и наконец вернулась заметно посвежевшей.

Ма заказала для миссис ОТрэди и Дочки номер в очень хорошем отеле под названием «Метрополь», и после того, как они вдоволь насмотрелись на огни Детройта, Хозяин и Ма отвезли их в отель. Мисс Ку поехала показывать Хозяину дорогу. Их не было около получаса, затем Хозяин, Ма и Мисс Ку вернулись, и все мы легли спать, чтобы хорошенько отдохнуть перед завтрашним днем.

Наутро Ма сказала:

— Мы заедем за ними после завтрака, когда отправимся за почтой. Думаю, надо будет покатасть их по Виндзору, чтобы они немного познакомились с городом.

Мы позавтракали, после чего мы с Мисс Ку помогли Хозяину одеться. Он, видите ли, очень болен, на его долю выпало немало такого, что любого другого давно свело бы в могилу. Теперь он должен помногу отдыхать и беречь себя. Мы с Мисс Ку посвятили жизни заботам о нем.

Вскоре они с Ма спустились по задней лестнице и прошли через сад в гараж. Наша домовладелица жила в Детройте, но в Виндзоре ее делами занималась ее кузина, очень приятная дама, которая всегда очень вежливо разговаривала с Мисс Ку и со мной. Всем нам она очень нравилась. Наша машина была слишком велика для гаража в этом доме, и Мисс Кузина Домовладелицы разрешила нам держать ее в своем гараже, который был очень просторным.

Да, это была очень приятная женщина, которая много с нами разговаривала. Помню, однажды она сказала нам, что во времена ее отца все поселенцы не расставались с оружием из-за реальной угрозы индейских набегов. Ее отец, говорила она, гонял свое стадо на водопой к Реке там, где теперь проложена железная дорога. У нее был еще один дом в нескольких милях от Виндзора — настоящая хижина, срубленная из ореховых бревен. Мисс Ку как-то ездила на него взглянуть, и на нее произвели огромное впечатление зверушки, жившие под ступеньками.

— Великие Кузнечики! — сказала Мисс Ку. — До чего же они ДОЛГО!

Сочтя праздное ожидание напрасной тратой времени, мы отправились на чердак, поточили там когти о деревянные брусья и хорошенько покатались в прохладной пыли. Забравшись на краешек крыши, Мисс Ку выглянула на улицу, раскинувшуюся в сорока футах под нами.

— Приехали, — сказала она и легко спрыгнула на пол. Кубарем скатившись по лестнице, мы едва успели поприветствовать их у входа. Хозяин взял меня на руки, посадил на плечо и отнес наверх. Мисс Ку прыгала по ступенькам и звала по дороге Лютика выйти и поздороваться с гостями.

— Мы ездили смотреть на британские эсминцы, — сказал Хозяин. — Они стоят на якоре возле парка Дъепп. А потом мы поехали по городу. А теперь миссис ОТрэди хочет присесть и передохнуть от жары.

Взяв стулья, мы вышли на балкон. Миссис ОТрэди очень заинтересовалась видом на Реку, по которой проплывали корабли со всего света. Хозяин принялся рассказывать о каком-то

Морском пути и сказал, что потому-то здесь и ходят корабли.

Я ровно ничего из этого не поняла, да и Мисс Ку тоже, но похоже было на то, что какие-то люди выкопали глубокую канаву, чтобы позволить воде из Великих Озер быстрее течь в море. А поскольку некоторые американские города потребляли слишком много воды, то были построены шлюзы, ключи от которых держат у себя канадцы. Чтобы пропустить тот или иной корабль, надо сначала открыть шлюз, потом закрыть, после чего открыть другой. Все это было для Мисс Ку и меня совершенной загадкой, но Хозяин все это знал и рассказывал миссис ОТрэди, которая, похоже, все понимала.

Дни шли за днями. Семья возила миссис ОТрэди на разные экскурсии. Мне это казалось напрасной тратой времени, а Мисс Ку восклицала, завидев их из окна:

— Ты только посмотри на эту женщину, Фиф! Ну и вид!

Тем временем у нас перед домом начались суетливые приготовления — на улице развешивались украшения и устанавливались большие ящики для мусора. Маленькие катера с очень официальными людьми с ревом носились по Реке и громко кричали, чтобы показать свою важность. Потом собрались несметные толпы народу и расселись на железнодорожных путях, глядя на Реку, а огромные скопища машин запрудили всю дорогу.

Вся Семья разместилась на балконе. Хозяин много фотографировал, а в этот день даже установил на балконе трехлапую штуквину с фотоаппаратом наверху. В ней, по словам Мисс Ку, был мощный телеобъектив, которым можно было сфотографировать даже детройтскую кошку.

Миссис ОТрэди возбужденно заерзала на стуле.

— Смотрите! — вдруг заволновалась она. — Вдоль всего американского берега выстроилась канадская конная полиция в красных мундирах! Мисс Ку только хмыкнула, а Хозяин сказал:

— Нет, миссис ОТрэди, это не конная полиция, это просто поезд, груженный окрашенными в красный цвет тракторами, которые экспортируются из Канады.

По словам Мисс Ку, они действительно походили на войска в красных мундирах, так что эта невинная ошибка была вполне простительна.

Вверх по Реке плыло все больше кораблей. Гомон толпы на время стих, потом вдруг все разом заговорили, зашумели и послышались одиночные приветственные выкрики.

— Вот она, — сказала Ма, — стоит одна на кормовой палубе.

— А вот и Принц, — сказала Лютик, — ближе к центру корабля.

— У меня получился хороший снимок вертолета, — сказал Хозяин, — из него выглядывал человек и снимал плывущие под ним корабли. Хороший будет снимок!

Корабли проплыли вверх по Реке, и едва скрылся из виду последний, как разом пришли в движение все машины на дороге. Толпы рассеялись, и Мисс Ку сказала, что от всего праздника осталось только полтонны мусора, И опять через реку начали снова железнодорожные паромы, а у нас под окнами загрохотали и загудели поезда.

Еще засветло в фарватер Реки отбуксировали несколько барж и поставили на якорь там, где Канада переходила в Америку, а Америка — в Канаду. По-видимому, если запускать фейерверки с этой точки, то обе страны, а не одна, несли бы ответственность за возможный ущерб.

Снова собрались толпы народу, принося с собой съестное и выпивку — особенно последнее. Опять остановились все поезда, и кто-то, наверное, велел всем судам не плыть дальше. Наконец наступил Час Фейерверков. И — ничего.

Время шло, но так ничего и не происходило. Нас окликнул какой-то человек и пояснил, что что-то там упало в воду. Наконец послышалось несколько слабых хлопков, которые не напугали бы даже новорожденного котенка, и Мисс Ку заметила, что в небе появилось несколько

странных вспышек.

И на том все закончилось. Хозяин и Ма сказали, что пора отвезти миссис ОТрэди в отель. Ма сказала:

— Мы возьмем такси, потому что в такой толпе не сможем вывести машину из гаража. — Она позвонила, чтобы вызвать такси, но ей ответили, что все машины застряли в дорожных заторах.

— По берегам реки скопилось больше миллиона народу, — сказали ей, — и весь транспорт совершенно парализован.

Хозяин вывел машину, и он, Ма и миссис ОТрэди нырнули в толпу. Спустя час с лишним Хозяин и Ма вернулись и сказали, что на две мили до отеля потратили целый час.

На другой день Хозяин и Ма повезли миссис ОТрэди осматривать Детройт, много ездили там по городу, а затем вернулись к нам с Мисс Ку. Миссис ОТрэди сказала, что хочет походить по магазинам, и они отправились туда вместе с Ма и Лютиком, оставив нас с Мисс Ку присматривать за Хозяином.

Это была очень хлопотливая неделя, так переполненная всякими событиями и зрелищами, что их хватило бы на добрых две-три недели. Не успели мы оглянуться, как самолету пришло время лететь обратно в Ирландию, в Шеннон, откуда мы когда-то улетали сами.

Хозяин и Ма отвезли миссис ОТрэди с Дочкой в аэропорт Виндзора. Мы слышали, как Ма рассказывала позднее Лютику, что они дождались отлета самолета.

И семья ОТрэди отправилась домой в Ирландию, куда мы и сами очень хотели вернуться. Хозяин всеми силами старался найти работу в Виндзоре или вообще где-нибудь в Канаде. Он готов был ради этого поехать в любой уголок страны. Но ему предлагали только тяжелый ручной труд, а это такая несуразица, что просто слов нет.

Все мы сошлись во мнении, что Канада — это ужасно некультурная страна, и с нетерпением ожидали дня, когда сможем отсюда уехать. Впрочем, эта книга отнюдь не трактат о недостатках Канады, которых все равно хватило бы на целую библиотеку!

Теперь мы с Мисс Ку могли почаще выходить в сад, само собой не в одиночестве, потому что в округе было полно собак. Сиамские Кошки не боятся собак, но люди опасаются того, что МЫ можем сделать с собаками. О нас идет слава, что мы вскакиваем на спину нападающего пса, впиваемся в нее когтями и едем верхом, словно человек на лошади.

Людам, надо думать, позволено ранить бока лошади острыми шпорами, зато, когда мы, защищая себя, запускаем когти в собачью спину, НАС называют «свирепыми».

Стояла очень приятная пополуденная пора; мы сидели рядышком под креслом Хозяина — он человек очень большой, весу в нем двести двадцать пять фунтов, и ему нужно большое кресло, — когда, гудя во всю мочь, перед нами проехало целое стадо машин. Меня это прежде никогда не тревожило, я считала, что просто таковы уж канадцы, и нечего искать в их поступках какой-либо смысл. Помню, я спросила:

— Мисс Ку, с чего бы это они подняли такой гам?

Мисс Ку была очень образованной кошкой, и будучи к тому же зрячей, имела передо мной огромное преимущество.

— Я все тебе расскажу, Фиф, — ответила она. — Там женятся человеческие кот и кошка, все машины разукрасили лентами, и теперь вся эта вереница едет по улице, гудя что есть силы. По мне это значит: «Осторожно! Едет компания полоумных!»

И, усевшись поудобнее, она добавила:

— А когда какой-нибудь человек умирает, и его отвозят, чтобы закопать в яму, все похоронные машины включают фары, а с боков у них развешаны бело-голубые флажки с надписью «похороны». Тогда все машины уступают им дорогу, и они не останавливаются перед

светофорами.

— Это КРАЙНЕ интересно, Мисс Ку, КРАЙНЕ интересно, — ответила я.

Мисс Ку пожевала немного травинку и заметила:

— Я вообще многое могла бы порассказать тебе о Канаде. Здесь, например, если человек умирает, то его тело отвозят в Похоронный Дом, приводят его в порядок — у них это называется бальзамированием, — разрисовывают красками лицо и выставляют напоказ в гробах или в ларцах, как их здесь называют. Потом созывается вечеринка, чтобы отдать ему «последние почести». Иногда тело в гробу чуть ли не сидит. Хозяин говорит, что все эти Похоронные Дома — самый прибыльный на свете бизнес. А еще, когда какая-нибудь пара женится, то друзья устраивают им дождь. Мисс Ку умолкла и рассмеялась.

— Когда я в первый раз об этом услышала, Фиф, — улыбнулась она, — я подумала, что друзья поливают их из душа в ванной. А они, оказывается, осыпают их дождем подарков. В основном, это либо вещи, которые им совершенно не нужны, либо то, что дарят ВСЕ. Ну что невесте делать с полдюжиной кофемолок?

Она вздохнула.

— Словом, сумасшедшая это страна, да и только. Взять тех же детей. С этих милых крошек волоску не дадут упасть, голоса на них не повысят, специальные стражи помогают им переходить улицу. Обращаются с ними так, словно у них своих мозгов нет, что, в общем-то, так и есть, но все дело в том, что, едва закончив школу, они оказываются предоставленными самим себе. Никто больше о них не заботится. Здесь, Фиф, царит какой-то нездоровый культ Человеческих Котят. Они всегда и во всем правы. Что плохо для них, Фиф, то плохо для всей страны. А им бы нужна прежде всего дисциплина, потому что, повзрослев, они станут преступниками из-за того, что в детстве с ними обращались слишком мягко. Дети здесь настоящие инвалиды, ничтожества, БА!

Тут я сочувственно кивнула. Мисс Ку была совершенно права. Начни только потакать котенку, и из него непременно вырастет вечно всем недовольный кот.

Хозяин встал:

— Вы, киски, побудьте здесь еще немного, если хотите, — сказал он, — а я поднимусь наверх и принесу фотоаппарат. Я хочу сфотографировать эти розы.

Хозяин был страстным фотолюбителем, и у него была замечательная коллекция цветных слайдов. Он ушел наверх за своим японским фотоаппаратом.

— Кис-кис! — зашептал нам Кот С Той Стороны Улицы. — Кис-кис! Чего я тебе скажу, Леди Ку'эй, подойди-ка к забору!

Мисс Ку поднялась и неспешно подошла к сетчатой садовой ограде. Они с Котом С Той Стороны Улицы немного пошептались, после чего Мисс Ку вернулась на место и уселась рядом.

— Он только хотел ознакомить меня с новейшим американским сленгом, — сказала она, — ничего особенного.

Хозяин вернулся с камерой, чтобы снимать цветы. Мы с Мисс Ку тут же залезли в кусты, потому что ТЕРПЕТЬ НЕ МОЖЕМ, когда нас фотографируют. А еще мы терпеть не можем, когда на нас таращатся любопытные зеваки. Мисс Ку надолго запомнила одну глупую канадку, которая, высунув нос из окна автомашины, сказала:

— А это что такое, ОБЕЗЬЯНА?

С тех пор при каждом воспоминании об этом бедняжка Мисс Ку приходила в ярость!

Стоял субботний вечер, на улице было полно народу. Немного поодаль в Доме Выпивок шумела какая-то вечеринка. Мимо с ревом проносились автомашины, снизу доносилась громкая болтовня и споры мужчин, пытавшихся сторговаться с девицами, которые разгуливали по улице.

Мы отправились спать. Лютик ушла к себе в боковую комнату, увешанную фотоснимками

мартышек, человеческих котят и статуи бульдога по имени Честер. У Ма и Мисс Ку была уютная комната с окнами на улицу, а мы с Хозяином спали в комнате, которая тоже смотрела окнами на Детройт и на Реку. Вскоре я услышала, как Хозяин щелкнул выключателем и под ним тяжело скрипнула кровать.

Я еще немного посидела на широком подоконнике, прислушиваясь к звукам беспокойной ночи и размышляя. О чем я думала? Ну, я сравнивала свою тяжелую прошлую жизнь с такой славной настоящей, думала о том, что, как и обещало Старое дерево, теперь я Дома, меня любят, и я живу в покое и довольстве. Теперь, когда я знала, что могу делать что вздумается или разгуливать по дому где захочу, я особенно старалась не сделать ничего, что могло бы обидеть даже Мадам Дипломат в далекой Франции.

Я хорошо помнила девиз Хозяина: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Меня охватило теплое сияние счастья. Хозяин дышал тихо, и я прошлась по его кровати, чтобы убедиться, что все в порядке. Потом я свернулась клубочком у него в ногах и уснула.

Внезапно, как от резкого толчка, я проснулась и насторожилась. Стояла ночная тишь, только слышно было едва уловимое поскрипывание. Мышь? Я прислушалась. Скрип не умолкал. Потом послышался приглушенный треск ломающегося дерева. Я быстро и бесшумно спрыгнула с кровати и, крадучись, вышла из комнаты поискать Мисс Ку. Та тоже вышла из своей комнаты и зашептала:

— Слышь, чего я те скажу, хошь верь — хошь не верь! Я этому научилась у Кота С Той Стороны Улицы. В дом забрался ГРАБИТЕЛЬ. Может, нам сойти вниз и вцепиться ему когтями в глотку?

Я задумалась. Вообще-то сиамские кошки так и делают, когда что-нибудь охраняют, но потом мне пришло в голову, что нам вроде бы полагается быть цивилизованными, и сказала:

— Нет, лучше позвать Хозяина, Мисс Ку.

— Ох, ну конечно же! — воскликнула она. — Уж он-то отдубасит его по первое число.

Тут я прыгнула на кровать и тихонько тронула лапой плечо Хозяина. Он протянул руку и почесал мне подбородок.

— Что случилось, Фиф? — спросил он.

Мисс Ку тоже вспрыгнула на постель и уселась у него на груди.

— Эй, Хозяин, в дом ломится ГРАБИТЕЛЬ. Задай-ка ему жару!

С минуту прислушавшись, Хозяин молча надел халат и шлепанцы. Захватив мощный электрический фонарь, стоявший у кровати, он, крадучись, начал спускаться по лестнице. Мисс Ку и я неотступно следовали за ним. Из своей комнаты вышла и Лютик.

— Что тут происходит? — спросила она.

— Шшшш! Грабители, — ответил Хозяин, спускаясь по лестнице. Скрип внизу прекратился.

— ВОТ ОН! — заорала Мисс Ку.

Я услышала топот чьих-то шагов и стук садовой калитки. К этому моменту к Хозяину присоединились Ма и Лютик. Все вместе мы спустились в нижнюю квартиру. В распахнутое настежь окно дул сильный сквозняк.

— Ах вы Чучела Лупоглазые! — воскликнула пораженная Мисс Ку. — Этот тип выбил оконную раму!

Хозяин оделся и вышел, чтобы прибить гвоздями сломанный переплет. В полицию мы обращаться не стали. Однажды компания подростков стащила нашу садовую калитку. Ма позвонила в полицию, и когда наконец явился полицейский, он сказал:

— Да вам еще повезло, что они крышу с вашего дома не сняли.

Сиамские кошки наделены сильным чувством ответственности. В Тибете мы охраняем

Храмы и тех, кого мы любим, пусть даже ценой собственной жизни. Вот еще одна наша легенда.

Много веков назад жил старец, бывший Хранителем Природы в Древнем Монастыре далеко-далеко на Востоке. Он жил в лесных дебрях, разделяя свой приют в пещере с маленькой Сиамской Кошечкой, которая повидала на своем веку немало невзгод. Старый Хранитель, которого все почитали как Святого, и Сиамская Кошечка ходили вместе по лесным тропам, причем она всегда почтительно шагала позади. Вместе они отыскивали лесных зверей — больных или голодных, — принося утешение раненым и помогая тем, у кого были сломаны лапы.

Однажды ночью старый Хранитель, который, в сущности, был монахом, прилег на свою постель из листьев, утомившись трудами дня. Старая Кошечка свернулась в клубок рядом. Вскоре они уже спали глубоким сном, не страшась никакой опасности, ибо были друзьями всему лесному зверью. Даже дикий кабан и тигр почитали и любили Хранителя и его Кошку.

В самый глухой ночной час в пещеру вползла ядовитая змея, неся с собой смерть. Преисполненная лютой злобы, какая свойственна только ядовитым змеям, она скользнула на сухие листья, где спал Монах, и вот-вот была готова вонзить в него ядовитые клыки. Но Кошка, мгновенно вскочив на лапы, прыгнула змее на шею, отвлекая ее внимание от проснувшегося Хранителя. Сражение было долгим и яростным, змея, извиваясь, металась по всей пещере. Наконец, теряя последние силы, Кошка перегрызла ей позвоночник, и вскоре змея вытянулась на земле замертво. Старый Монах осторожно высвободил Кошку из страшных витков змеиного туловища и, взяв ее на руки, сказал:

— Маленькая Кошечка, давным-давно ты и твое племя охраняете нас и наши Храмы. Отныне тебе всегда найдется место в доме, у очага и в сердце человека. Наши судьбы отныне будут накрепко связаны.

Обо всем этом я думала, когда мы расходились по комнатам и укладывались спать. Хозяин ласково потрепал меня за ушко, повернулся на другой бок и уснул.

Фиф! — сказала Мисс Ку, возбужденно взбегая вверх по лестнице. — Фиф! — воскликнула она, проскочив верхнюю ступеньку и входя в комнату, — Хозяин сошел с ума!

Она хмуро бормотала что-то себе под нос, устремившись в кухню, чтобы раздобыть чего-нибудь поесть.

Хозяин сошел с ума? Я не могла понять, что она имеет в виду, я лишь знала, что он пригласил Мисс Ку проехаться на Риверсайд. И теперь, после часового отсутствия, Мисс Ку заявляет, что он сошел с ума! Я прыгнула на подоконник и задумалась. С реки донесся гудок парохода, который, по словам Хозяина, означал: «Я возвращаюсь в порт».

Послышались мягкие шаги маленьких лапок, и Мисс Ку легко вспрыгнула и уселась рядом со мной.

— Ему в голову угодил бульжник размером с Хаутский холм, — сказала она, принимаясь за умывание.

— Но, Мисс Ку, — начала убеждать я ее, — что случилось? КАК Хозяин сошел с ума?

— О! — ответила она, — мы так мирно ехали по дороге, как вдруг на Хозяина нашло помешательство. Он остановил машину и осмотрел двигатель.

«Мне не нравится его звук, — сказал он, — я знаю, что-то должно случиться». Ма сидела, как фаршированная утка, и молчала. Он вернулся в машину и, как только мы отъехали, сказал:

«Мы должны отвезти Ку домой, а потом отправимся в гараж и посмотрим, какие там есть другие машины». И вот я здесь, выброшенная, как мусор, в то время как они шастают где-то на моей машине!

Она сердито устроилась на краю подоконника, продолжая что-то бормотать себе под нос.

— Вот так-так! О Боже!

Мисс Ку вскочила и принялась танцевать по подоконнику в страшном возбуждении. У меня, слепого существа, не оставалось никакого выбора, как охранять спокойствие, потому что причина возбуждения была мне неизвестна.

— Мяу! — пронзительно закричала она, голос ее становился все выше и выше. — Это самый умный, самый быстрый и великолепный автомобиль! Белый с розовым.

Я продолжала спокойно сидеть, ожидая, пока она успокоится и расскажет мне, что же случилось. Как раз в этот момент я услышала стук автомобильной дверцы и несколько секунд спустя — шаги Хозяина и Ма, поднимающихся по лестнице.

«Прекрасно! — подумала я. — Теперь я узнаю, в чем дело».

— Да, другая машина, «Меркурий», — говорил Хозяин. — Принадлежала только одному владельцу, и километраж небольшой. Действительно хорошая машина. У другой, я боюсь, могут возникнуть трудности с распределительным валом. А эту мы сегодня испытаем. Не хотите ли пойти посмотреть?

Мисс Ку вскочила на ноги и стремительно направилась к двери, чтобы о ней по крайней мере не забыли.

— Хочешь проехаться на новой машине, Фиф? — спросил Хозяин, почесывая мой подбородок.

— Нет, спасибо, — ответила я. — Я останусь с Ма и займусь хозяйством.

Он назвал меня старой консерваторшей и направился вниз по лестнице. Мисс Ку и Лютик уже сидели в машине. Я слышала, как они отъехали, после чего мы с Ма занялись приготовлением чая к их возвращению.

— Дррр... Дррр... Дррр... — заскрипел телефон.

Ма поспешила ответить, поскольку телефон, похоже, не намерен был ждать.

— О! Привет, миссис Дэрр, — сказала Ма.

С минуту она слушала — до меня доносились едва различимые звуки из телефона, недостаточно громкие, чтобы можно было что-нибудь понять.

— Его нет дома, он хочет опробовать новую машину. Когда он вернется, я ему передам, — сказала Ма.

Она еще некоторое время поговорила с миссис Дэрр, после чего вернулась к своему занятию. Вскоре мы услышали шаги Хозяина, Лютик и Мисс Ку, поднимающихся по лестнице после того, как они поставили на место машину.

— Звонила миссис Дэрр, — сказала Ма. — Просто дружеский звонок, но у нее возникли некоторые проблемы, кто-то ее подвел с помещением, которое она собиралась снять.

Нам всем нравилась миссис Дэрр. После тяжелой работы на чьей-то фирме она собиралась открыть собственный книжный магазин под названием «Буклэнд» (Книжный мир), в Виндзоре, на Дорвин Плаза.

— Она попала в затруднительное положение, — сказала Ма, — ей негде хранить книги и свои вещи, пока она не переедет в новый магазин на Дорвин Плаза.

Не произнеся ни слова, Хозяин занялся своим чаем, а когда закончил, спросил:

— И сколько же ей придется ждать места?

— Месяц, не больше, — ответила Ма.

— Скажи ей, пусть она зайдет к нам. Она может все свои вещи оставить на месяц в квартире на первом этаже. Мы ее оплачиваем, хозяйка ничего не сможет сказать, пока не появится покупатель.

Ма подошла к телефону и набрала номер...

— Это Рут! — воскликнула Мисс Ку.

— Ку! — сказал Хозяин, — ты не канадка, которые каждого зовут просто по имени, — ее зовут миссис Дэрр.

— Фу! — сказала Мисс Ку. — Для меня она РУТ, а ее маленький джентльмен Сиамский Котенок для меня просто Чьюли, а не мистер Дэрр.

Миссис Дэрр поднялась по парадной лестнице, и, поздоровавшись друг с другом, мы все спустились по лестнице черного хода, чтобы осмотреть квартиру на первом этаже. Хозяин нес меня на плече, потому что он опасался, что по дороге мне придется избегать слишком большого количества ног.

— Вот, это ваше, миссис Дэрр, — сказал Хозяин. — Вы можете здесь держать свои вещи и, если хотите, можете весь день здесь работать. Вы только не должны вести здесь свою торговлю, и вы ничего не должны нам платить. Против этого не смогут возражать ни наша хозяйка, ни Виндзорский муниципалитет. Здесь, как вам известно, нет никаких магазинов.

Миссис Дэрр казалась очень довольной. Она поиграла со мной, и я отблагодарила ее вторым из своих лучших мурлыканий — самое лучшее мурлыкание мы всегда сохраняем для Своей Семьи. Я знаю, что мистер Чьюли Дэрр сумеет ей это объяснить, когда станет постарше. Пока это действительно маленький котенок, его мордочка и хвост еще совсем белые. Теперь, когда я пишу эти строки, я поняла, что он действительно самый замечательный образец Кота. Недавно Мисс Ку получила от него фотографию, и она очень хорошо и подробно мне его описала.

На следующее утро в квартире на первом этаже появились горы книг. Казалось, с самого раннего утра прибывали люди с огромными ящиками, громко ворча, когда им приходилась с трудом протискивать их через двери. Вскоре после ланча я услышала, что пришли еще люди.

— Телефонисты, — сказала Мисс Ку. — Должен же у нее быть телефон, не правда ли?

Каждому дураку это понятно!

Донесся стук молотка и немного спустя раздался телефонный звонок — проверяли телефон. — Я спущусь вниз посмотреть, все ли в порядке, — сказала Мисс Ку.

— Подожди минутку, Ку, — сказал Хозяин, — дай людям закончить, и тогда мы все спустимся повидаться с миссис Дэрр.

Мне показалось, что самым лучшим для меня было бы раздобыть немного поесть, так как я не знала, как долго это еще продлится. Я обошла кухню, и мне посчастливилось обнаружить там Ма, которая как раз накладывала свежую порцию. Я уткнулась в нее головой и потерлась о ее ноги, говоря спасибо. Как жаль, подумала я, что она еще не научилась разговаривать с Кошками, как это делает Хозяин.

Вскоре после этого Хозяин открыл дверь в кухню, ведущую к черному ходу. Мисс Ку очертя голову бросилась вниз — я уже легко могла справиться с лестницей, зная каждую ступеньку и будучи уверена, что там нет никаких препятствий. Хозяин ОЧЕНЬ твердо стоял на этом, он особенно тщательно следил за тем, чтобы все мои «дороги» оставались чистыми и чтобы мебель всегда стояла на одних и тех же местах.

Я думаю, что именно потому, что Хозяин сам был больше года слепым, он понимал мои проблемы лучше любого другого.

Мы быстро скатились по ступенькам и затормозили у двери миссис Дэрр. Она открыла дверь и пригласила нас войти.

Я подождала Хозяина у двери, потому что не знала, какие препятствия меня ждут дальше. Он поднял меня и внес в комнату, посадив за большим ящиком, так чтобы я могла с помощью носа узнать все новости. Весьма грубые сообщения оставили собаки, другие запахи говорили о том, что дно ящика долго находилось на влажном грунте. На книге я прочла сообщение от мистера (мисс) Стабби Дэрр. «Оно» было бы очень радо увидеть Господина Чьюли Дэрр. Мисс Ку вздохнула, охваченная счастливыми воспоминаниями.

— Старый Стабби, очень приятный друг или подруга, — заметила она. — Как ни грустно, когда утрачивается пол, получается какая-то путаница, а бедное старое Стабби имеет оба, что приводит в полное замешательство! Однажды вечером я позвонила в дом миссис Дэрр и не могла удержаться, чтобы не закрыть глаза, — нет, я имею в виду, я не знала, куда их деть.

— Да-да, Мисс Ку, — сказала я. — Но, насколько я понимаю, у него приятнейший характер, и «оно» прекрасно ухаживает за мистером Чьюли Дэрр.

Мисс Ку много ездила в новой машине, «Меркурии», осматривая местные пейзажи, и теперь собиралась отправиться в Лемингтон. Я любила, когда она, придя домой, рассказывала мне обо всем, что видела. Она рассказывала мне о вещах, которых я больше не могла увидеть сама. Однажды, возвратившись после полудня, она вошла, вся сияя от радости. Слегка подтолкнув меня, она сказала:

— Пошли под кровать, Фиф, я обо всем тебе расскажу.

Я поднялась и последовала за ней под кровать. Мы сели рядышком, поближе друг к другу. Мисс Ку начала свой рассказ, одновременно занявшись умыванием.

— Итак, Фиф, мы поехали по большому шоссе. Мы проезжали много ларьков с фруктами и овощами, где люди продавали выращенный ими урожай. Лютик всякий раз восклицала «Ох!» да «Ах!», но Хозяин не останавливался. Мы ехали все дальше, дальше и дальше. Мы подъехали к озеру, а потом проехали фабрику, где изготавливают пятьдесят семь видов продуктов! Подумай только, Фиф, подумай, как бы ТЕБЕ понравилось оказаться там!

Я действительно стала думать об этом, и чем больше я думала, тем сильнее росла моя уверенность в том, что ничто, ничто в целом свете, не может быть лучше моего нынешнего дома. Пятьдесят семь видов продуктов — может быть, это и замечательно, но здесь я имею ОДИН вид

любви, самый лучший. Одна только мысль об этом заставила меня замурлыкать.

— Потом мы вышли и пошли посмотреть на озеро, — сказала Мисс Ку, — и мы увидели, что вода такая же мокрая, как в Виндзоре, так что мы повернули домой. У ларьков с фруктами Лютик опять восклицала «Ах!», «Ох!», так что Хозяину пришлось остановиться, она вышла и купила эти зловонные вещи, от которых летят брызги, когда их надкусывают. Она сияла всю обратную дорогу, все время трогала эти зловонные фрукты и обдумывала, что она будет с ними делать. Потом мы повернули на Уолкервилл, забрали почту, и вот мы здесь.

— Кошки, вам придется заткнуть свои уши, — сказал Хозяин. — Завтра миссис Дэрр будет вывозить свою мебель, она наконец получила помещение на Дорвин Плаза.

— Оу! — пронзительно закричала Мисс Ку. — Ты возьмешь меня посмотреть на это?

— Конечно, — ответил Хозяин, — и Фиф тоже, если она захочет.

Мы спустились вниз по лестнице и постучали в дверь.

Миссис Дэрр открыла и очень любезно пригласила нас войти. Мы осмотрели все комнаты и обнюхали все ящики с книгами, которые уже были упакованы и готовы к переезду в новый магазин.

— Зачем она их распаковывала, Мисс Ку? — спросила я.

— Как зачем, глупая старая кошка? — ответила Мисс Ку. — Она должна была их просмотреть, чтобы проверить все счета и составить какой-нибудь каталог. ВСЯКАЯ разумная кошка должна это знать. Во всяком случае, я видела, как она это делала.

Я подошла к миссис Дэрр и потерлась об нее, чтобы показать ей, как мне жаль, что ей приходится так много работать. Потом спустились Хозяин и Ма, и мы все вместе отправились в сад нюхать розы.

День спустя между Хозяином и Ма возникла острая дискуссия.

— Цены в этой стране фантастически высоки, так что я ДОЛЖЕН работать, — сказал Хозяин.

— Нет, это вам не подходит, — ответила Ма. — Но жить все равно нужно. Я схожу на биржу труда и посмотрю, что они скажут. В конце концов, я могу писать, я работала на радио, и существует еще масса вещей, которые я умею делать.

Он вышел за машиной.

Ма крикнула ему вслед:

— Ку хочет поехать с нами в Уолкервилл, чтобы отвезти почту.

Вскоре Хозяин подкатил к подъезду, и Ма вышла к нему, неся Мисс Ку. Она села в машину, и они уехали. Они вернулись ко времени ланча и выглядели очень мрачными.

— Пошли под кровать, Фиф, — прошептала Мисс Ку, — я расскажу тебе, что случилось.

Я поднялась и отправилась под кровать на наше место для совещаний. Как только мы там удобно устроились, Мисс Ку сказала:

— После того как мы побывали на почте, мы поехали в Отдел трудоустройства. Хозяин вышел из машины и зашел туда. Мы с Ма остались в машине. Хозяин вышел не скоро и выглядел так, как будто он сыт по горло. Он сел в машину, нажал на стартер и отъехал, не произнеся ни слова. Мы доехали до места под Посольским мостом — ты знаешь, Фиф, там, куда мы тебя брали с собой. Он остановил машину и сказал:

— Как мне бы хотелось уехать из этой страны!

— Что случилось? — спросила Ма.

— Я зашел, — ответил Хозяин, — и клерк у стойки захихикал и стал издавать козлиные звуки, запустив пальцы в воображаемую бороду. Я подошел к другому клерку и сказал ему, что мне нужна работа. Человек рассмеялся и сказал, что я могу получить только место чернорабочего подобно любому другому ***** П. Л.

— П. Л? — спросила Ма. — Что это значит?

— Перемещенное лицо, — ответил Хозяин, — эти канадцы считают себя посланниками Бога на земле, они думают, что всякий, кто прибыл из другой части земного шара, — бывший каторжник или что-нибудь в этом роде. Ну ладно, но этот человек сказал мне, что я не смогу получить даже место чернорабочего, пока не сбрую бороду. Вошел еще один клерк и сказал:

— Битники нам здесь не нужны, работу мы предоставляем только канадцам.

Мисс Ку остановилась и вздохнула, выражая глубочайшее сочувствие.

— Хозяин носит бороду потому, что он не может бриться. Когда японцы избивали его в тюрьме ногами, они полностью раздробили ему челюсти. Я очень хочу, чтобы мы уехали из Канады, по крайней мере из Онтарио, — добавила Мисс Ку.

Мне было так грустно, что этого нельзя описать словами. Я знала, что нет никакой уважительной причины подвергать Хозяина преследованиям. Я встала, прошлась вокруг Хозяина и выразила ему свое сочувствие. Мисс Ку опять позвала меня.

— Ничего не говори об этом Лютик, — сказала она. — Мы не хотим, чтобы она разочаровалась в Канаде. О! Я совсем забыла — она ведь не понимает того, что говорят кошки!

Весь остаток дня Хозяин был очень тихим и мало разговаривал со всеми нами. Когда мы отправились спать, я села у него в изголовье и мурлыкала, пока он не уснул.

На следующее утро после завтрака Хозяин позвал Мисс Ку и сказал:

— Эй, Ку! — Мы собираемся на Дорвин Плаза посмотреть новый магазин миссис Дэрр. Поехали?

— Ура! Да, сэр! — сказала Мисс Ку возбужденно.

— А как ты, Фиф? — спросил Хозяин меня.

— Нет, спасибо, Хозяин, я не поеду, — ответила я. — Я помогу Лютику по хозяйству.

Когда Хозяин, Ма и Мисс Ку поехали навестить магазин миссис Дэрр, Лютик надолго исчезла в ванной, а я сидела на кровати Хозяина и думала, думала.

— Гоп! — пронзительно закричала Мисс Ку, стремительно взбегая по лестнице. — Слушай, Фиф, у нее замечательная квартира. Подожди, я должна сначала что-нибудь поесть.

И она, смятая коврики, бросилась в кухню. Я не спеша прыгнула с кровати и направилась вслед за ней, старательно выбирая дорогу, старательно, потому что боялась споткнуться о какой-нибудь из сдвинутых ковриков.

— Да! У нее и правда замечательная квартира! — сказала Мисс Ку между двумя глотками. — У нее есть открытки на все случаи жизни: поздравительные открытки на случай, если вы попадаете в тюрьму, открытки для выражения сочувствия, если вы настолько глупы, что приезжаете в Канаду, и открытки, чтобы выразить свою грусть, если вы собираетесь вступить в брак. Любые книги! У нее много книг Хозяина, есть «Третий глаз» и «Доктор из Лхасы».

Ты должна туда съездить, Фиф, это прямо по Даугал, потом нужно пересечь железную дорогу и ты увидишь справа на Дорвин Плаза все магазины. Хозяин может взять тебя туда в любое время. Французские книги тоже, Фиф!

Я улыбнулась про себя и услышала, как за моей спиной посмеивается Хозяин.

— Как же моя Фиф сможет читать, если она слепая? — спросил он Мисс Ку.

— О! — воскликнула она, испытывая раскаяние. — Я забыла, что эта Старая Курица ничего не видит!

Хозяин заболел. Очень сильно заболел. Мы думали, что он умрет, но каким-то образом ему удалось уцепиться за жизнь. Однажды ночью, когда я дежурила возле него, — все остальные уже давно отправились спать, — пришел Человек с Той Стороны Смерти и стал рядом с нами.

Я привыкла к таким Посетителям, все кошки к ним привыкли, но это был совсем особый Посетитель. Слепые, как я уже рассказывала вам, перестают быть слепыми, когда речь идет об

астральном мире. Астральное тело Хозяина покинуло земное тело и улыбнулось Посетителю. Хозяин — его астральная форма — был одет в мантию и ризу Высшего Аббата Ламаистского Ордена. Я безудержно замурлыкала, когда Посетитель склонился надо мной, потрепал мой подбородок и сказал:

— Какой у тебя прекрасный друг, Лобсанг.

Хозяин ласково провел своими астральными пальцами по моей шерсти, заставив меня задрожать от наслаждения, и ответил:

— Да, она одно из самых преданных созданий на Земле.

Они обсуждали разные вещи, и я отключила свою способность воспринимать телепатические мысли, потому что никто НИКОГДА не должен красть мысли других, а слушать их можно только тогда, когда вам это предложат. Однако я успела услышать:

— Когда мы показывали вам Кристалл, мы хотели, чтобы вы написали еще одну книгу, которая бы называлась «История Рампы». Хозяин выглядел грустным, и Посетитель продолжал:

— Что с того, что люди на Земле не имеют веры? Может быть, они не обладают способностью верить? Может быть, ваши книги, заставив их думать, помогут им приобрести такую способность. Даже их собственная Христианская Библия призывает к тому, чтобы они стали как маленькие дети, ВЕРУЮЩИМИ!..

Из астрального тела Хозяина в мерцающей золотой мантии Высшего Ордена донесся вздох, и я услышала:

— Если вы хотите, чтобы я продолжил свой путь и свои страдания, было бы жаль бросить все сейчас.

Раздались легкие шаги Мисс Ку. Я видела, как ее астральная форма выпрыгнула прямо из ее тела, потрясенная видением Сияющих Фигур.

— Чи! — воскликнула она. — И всегда я должна буду чувствовать себя вором, подкрадывающимся тайком? Одного поклона достаточно?

Хозяин и Посетитель повернулись к ней и рассмеялись.

— Мы вас всегда рады видеть, Леди Ку, — сказал Посетитель.

— Это же относится к Старушке Фиф, — сказал Хозяин, обхватив меня рукой. Хозяин больше любил меня, наверное, потому, что нам с ним обоим пришлось перенести много ударов судьбы. Мы — Хозяин и я — были связаны теснейшим образом. Мне это очень нравилось!

Утром Ма и Лютик зашли в комнату, чтобы узнать, как чувствует себя Хозяин.

— Прекрасно, мои дорогие, — воскликнул он, — я собираюсь писать новую книгу.

Его заявление было встречено тяжелым вздохом. Ма и Лютик отправились к миссис Дэрр, чтобы купить бумагу и другие необходимые предметы. Хозяин оставался в постели, и я сидела возле него и ухаживала за ним. Он чувствовал себя еще недостаточно хорошо, чтобы писать, но книга уже ДОЛЖНА была быть написана. И в этот день он ее начал. Он сел в кровати и взялся за пишущую машинку.

— Двенадцать слов в каждой строке, двадцать пять строк на каждой странице — это значит, по триста слов на странице, то есть порядка шести тысяч слов в каждой главе, — сказал Хозяин.

— Да-а, я думаю, этого вполне достаточно, — сказала Мисс Ку. — И не забывай, что в абзаце должно быть не больше ста слов, — добавила она, — иначе это будет утомлять читателей!

Хихикнув, она отвернулась и добавила:

— И ТЕБЕ следует писать книгу, Фиф. Не пускай волка к двери. Лютик не справится, или придут волки и соберутся у ее двери, если она будет продолжать рассказывать свои страшные истории.

Я улыбнулась: у Мисс Ку было прекрасное настроение и это делало меня счастливой. Хозяин протянул руку и потрепал меня за ухо.

— Да-да, Фиф, пиши книгу, а я буду печатать ее на машинке, — сказал он.

— Ты должен заняться «Историей Рампы», Хозяин, — ответила я. — Пока что ты успел напечатать только заголовок.

Он засмеялся и перевернул вверх ногами Мисс Ку, которая пыталась взобраться к нему на колени вместо пишущей машинки.

— Иди сюда, Фиф, — позвала она, вскочив на ноги. — Иди и поиграй со мной, пускай Хозяин играет со своей пишущей машинкой. Я слышала, как Ма кому-то говорила:

— Он очень болен, у него была слишком тяжелая жизнь. Я не знаю, удастся ли ему выжить.

Мисс Ку хмуро толкнула меня в бок.

— Как бы она не накаркала, Фиф, — сказала она шепотом, — нужно быть рядом. Я помню, каким ласковым он был, когда умирала моя сестра. Она еще даже не успела до конца вырасти, как заболела и умерла на руках у Хозяина. Она была вылитая твоя копия, Фиф, похожа на толстую барменшу. Хозяин любил мою сестру Сью. О, конечно, — добавила она, — ты тоже завоевала сердце Хозяина. И я — он в восторге от моего ума!

Я запрыгнула на кровать и подошла очень близко к Хозяину. Он перестал печатать, чтобы меня приласкать. У него ВСЕГДА находилось время для кошек.

— Не умирай, Хозяин! — сказала я. — Это разобьет сердца всем нам.

Он опять потрепал меня по голове, и я приняла его телепатическое послание. Почувствовав облегчение, я спустилась на пол и свернулась у ножки кровати.

Письма, письма, письма, в которых сообщается о том, что в Канаде НЕТ работы. Неужели им нужны только чернорабочие? Хозяин обращался за работой то в одно место, то в другое, но по их ответам можно было подумать, что канадцы предоставляют работу только канадцам или же тем, кто пользуется политическим влиянием или поддержкой профсоюзов. Кто-то сказал ему, что имеется много рабочих мест в более культурной, более цивилизованной Британской Колумбии, так что Хозяин решил съездить туда и посмотреть сначала, каковы там условия. Он тщательно взвесил свои силы и решил, что Лютик тоже поедет, чтобы присмотреть за ним.

И вот этот день наступил, и они отправились посмотреть, действительно ли условия в Ванкувере лучше.

Мало радости, когда любимый человек отсутствует, когда минуты тянутся как часы, исполненные печали, и кажется, что целая вечность проходит в ожидании и сомнениях. Дом казался вымершим, даже Ма передвигалась бесшумно, как в морге.

Тяжесть навалилась на мою душу, я чувствовала, как ее сдавливают холодные щупальца страха, нашептывая мне, что он не вернется, что он болен, — ВСЕ, что вызывает страх и тревогу. Ночью я сворачивалась в его холодной пустой кровати, часто вскакивая, чтобы убедиться, что это не кошмарный сон. Слепой живет внутренней жизнью, и страхи разрушают и холодят его душу.

Мисс Ку играла с напускной веселостью. Ма ухаживала за нами, но ее мысли были далеко. Вокруг царил холод, неумолимо просачивающийся в душу. Я уселась на полученную от него телеграмму и пыталась с ее помощью найти утешение. Наступило время, когда я даже бросила свои записки.

Достаточно сказать, что, когда дверь открылась и Хозяин снова оказался рядом со мной, я опять почувствовала, как меня переполняет любовь. Моя старая грудь готова была разорваться от радости, и я мурлыкала так долго и громко, что у меня заболело горло.

Я все время путалась под ногами, тычась головой и стараясь потереться обо всех и обо все, что мне попадалось.

— Не ставь себя в глупое положение, Фиф, — увещевала меня Мисс Ку, — можно подумать, что ты маленький котенок, только что появившийся на свет, а не старая кошка — пра-пра-прабабушка. Твое легкомыслие меня поражает!

И она чопорно уселась, аккуратно сложив свои лапки перед собой.

Хозяин рассказывал Ма о своей поездке, рассказывал также и нам, если мы слушали вместо того, чтобы мурлыкать, потеряв голову. Лютик чувствовала себя неважно, поездка и перемена пищи выбили ее из колеи, и она лежала в постели.

— Мы прибыли в аэропорт Торонто и через четыре с половиной часа были в Ванкувере. Не так плохо, если учесть, что расстояние между ними составляет пять тысяч миль. Мы летели на высоте семи миль над Скалистыми горами.

— Что такое Скалистые горы, Мисс Ку? — спросила я шепотом.

— Глыбы больших камней со снегом наверху, — ответила она.

— Ванкувер встретил нас очень дружески, и правда — очень милое место, — продолжал Хозяин. — Но там тоже очень много безработных. Он отличается от Онтарио, как Рай от Ада. Если нам повезет, именно там мы будем жить.

Вдруг стремительно влетела Мисс Ку.

— По-моему, Лютик умирает, — произнесла она, задыхаясь, — позвать владельца похоронного бюро?

Хозяин и Ма направились в ее спальню, но оказалось, что бедная Лютик всего лишь испытывает страдания от волнения и от перемены климата и пищи. Хозяин был рад заверить Мисс Ку, что владелец похоронного бюро НЕ потребуется!

— Посмотри! — сказал Хозяин, обращаясь к Ма. — Я увидел это в Ванкувере и не мог удержаться, чтобы не купить. Это обязательно должно понравиться миссис Дэрр, и я купил это для нее.

— Фиф! — возбужденно сказала Мисс Ку. — Он достал маленькую фарфоровую фигурку женщины, она очень похожа на миссис Дэрр. Тот же цвет волос, тот же тип лица, и так же, как миссис Дэрр, одета в кринолин. Хозяин! — воскликнула Мисс Ку. — Это наверняка вобьет ее в Старую Королевскую Дорогу!

Я расхохоталась — слэнг Мисс Ку был поистине интернационален, ей были известны даже все самые худшие слова по-французски! Когда мы улеглись спать этой ночью — я рядом с Хозяином, — я чувствовала, что мое сердце готово разорваться от счастья. Никогда больше грохот маневрирующего поезда не будет казаться угрожающим. Теперь, когда железнодорожный состав медленно продвигался вперед, в каждом глухом ударе вагона о соседний, казалось, слышалось: «Он ВЕРНУЛСЯ, ха-ха! Он ВЕРНУЛСЯ, ха-ха!» Я потянулась и осторожно коснулась руки Хозяина, а потом уснула.

Следующие несколько недель Хозяин был очень занят своей «Историей Рампы». Ночью приходили особые Посетители из астрального мира и долго говорили с ним. Как писал Хозяин в своих книгах, смерти не существует, «смерть» — это просто процесс нового рождения, начало другой формы существования.

Кошке все это очень сложно объяснить. Но это так просто, так естественно. Как объяснить процесс последовательных вдохов и выдохов или процесс ходьбы? Как объяснить зрительный процесс? Это так же трудно объяснить, как трудно объяснить то, что смерти нет. И так же легко объяснить то, что жизнь есть, как то, что смерти нет.

Хозяин — и кошки — всегда могут наблюдать астральный мир и говорить с людьми из астрального мира.

Пришло время подумать о новом месте для жизни. Виндзор ничего не мог нам предложить. Здесь не было возможности устроиться на работу и «Виндзорский пейзаж» был скучным и

неинтересным. Несколько деревьев украшали площадь, которая была в основном занята самой отсталой индустрией. Воздух был влажным из-за огромных отложений соли, находящихся под тем местом, где был расположен город. Как-то Мисс Ку очень уместно заметила:

— Ей-богу, этот Виндзор — просто свалка отбросов!

Мы изучали карту, читали книги и, наконец, решили переезжать на Ниагарский полуостров. Ма поместила объявление в газетах в надежде найти подходящий дом. Приходили ответы, но большинству тех, кто собирался сдать дом, наверное, казалось, что ИХ дом построен из золотых кирпичей, если судить по той плате, которую они запрашивали.

Мы сказали кухне нашей очень милой виндзорской хозяйки, что мы уезжаем, и она стала изображать преувеличенную грусть. Наконец пришло время Великой Уборки. Любимым занятием Лютика было играть с рычащим пылесосом, и это было для нее чудесным оправданием, чтобы эта штука редела целый день. Хозяин был помещен в постель, так как в прошлом у него были три приступа коронарного тромбоза, а кроме того, он страдал от туберкулеза и других болезней. Работа над «Историей Рампы» отняла у него много сил. Миссис Дэрр, которая пришла нас провожать, говорила Ма:

— Я отвезу вас и кошек в любое время, когда вы захотите. А доктора Рампу, может быть, сможет отвезти Шила.

Мы всегда полагались на миссис Дэрр в подобных вещах. Я знала, что Чьюли ее полностью поддерживает.

Мы собирались найти меблированную квартиру, чтобы таким образом продать свою мебель, которая была почти новой. Но никто не хотел покупать ее за наличные.

Канадцы предпочитают обращаться к денежным кредиторам, которых они называют «Финансовыми компаниями», считая, что это придаст делу больше престижа. Получая займы от этих денежных кредиторов, канадцы обычно покупают безвкусные вещи и еженедельно платят огромные суммы. Однажды Мисс Ку мне сказала, что видела рекламу «любая машина за взнос десять долларов».

Наконец Хозяин и Ма услышали об очень милом молодом человеке, который собирался жениться, так что они решили отдать большую часть мебели в качестве свадебного подарка. Предварительно Ма навела справки и убедилась, что стоимость перевозки мебели непомерно велика. Мы собирались взять несколько особенно любимых вещей и договорились с транспортной фирмой.

Мы с Мисс Ку были очень рады, что наши «Козлы для пилки дров» поедут с нами. У нас были старые Козлы для пилки дров, которые мы использовали как «Пилку для ногтей» и «Платформу для прыжков». У нас существовал договор с Хозяином, согласно которому мы обещали не царапать мебель, пока наши Козлы будут с нами. Посетители иногда изумлялись, увидев среди мебели Козлы для пилки дров, но Хозяин говорил:

— Никогда не заботьтесь о том, что думают люди, мои Кошки прежде всего!

Спустившись в сад, Мисс Ку громко позвала:

— Эй! Кот-Через-Дорогу, иди сюда!

Вскоре кот вышел через черный ход, посмотрел налево и направо на движущийся транспорт и проскользнул через дорогу. Он остановился, прижав свой нос к решетке ограды, ожидая, что скажет Мисс Ку.

— Мы собираемся уезжать, Кот, — сказала она, — мы уедем туда, где быстро течет вода. У нас будет дом с деревьями. У тебя нет деревьев, Кот!

— Это должно быть замечательно всюду ездить, как вы, Леди Ку! — заметил Кот-Через-Дорогу. — Сейчас я должен уходить, но когда вы прибудете на новое место, я вам пошлю телепатограмму.

На следующее утро пришли грузчики за мебелью, которую мы собирались взять с собой. Вещи снесли вниз по лестнице и погрузили в фургон, который, по словам Мисс Ку, был большой, как дом. Вскоре большие двери захлопнулись, взревел мощный двигатель, и наше имущество отправилось в путешествие.

Теперь мы должны были сидеть на полу, как наседки. Я теперь ни на что не могла запрыгнуть — вокруг не было ничего, что для этого подходило бы!

— Эй, Фиф! Мы не попрощались с чердаком, — сказала Мисс Ку.

Я вскочила на ноги и бросилась вверх по лестнице догонять ее. Вместе мы взобрались на балки, которые поддерживают крышу дома. Эти балки были сделаны из ореха — дерева, которое обычно растет в тех местах, где живут индейцы. Они ЗАМЕЧАТЕЛЬНО подходят для того, чтобы точить когти. Мы с Мисс Ку постарались безупречно наточить кончики своих когтей, потом выскочили через маленькое отверстие возле трубы, куда люди не могут пролезть.

— До свидания, пауки! — сказала Мисс Ку. — Теперь вы можете сплести еще большую паутину, но нас вы все равно не поймаете!

Мы в последний раз покачались в пыли под досками пола — некоторые из них электрики оставили поднятыми — и опять бросились вниз по лестнице, с трудом переводя дыхание.

Снаружи остановилась машина. Мисс Ку прыгнула на подоконник и завопила:

— Входи, Рут, ОПЯТЬ ОПАЗДЫВАЕШЬ, КАК ОБЫЧНО! Что с вами случилось, СВИНЦОВЫЕ НОГИ?

Миссис Дэрр поднялась по лестнице, и мы приветствовали друг друга. Затем все, кроме Хозяина, взяли мелкие вещи и снесли их вниз в машину. Хозяин был очень нездоров, и в задней части нашей большой машины для него имелось нечто вроде кровати. Так как Хозяин был болен, за руль села Лютик, и они отправились, собираясь совершить путешествие в два этапа. Ма, миссис Дэрр, мисс Ку и я собирались сделать двести пятьдесят с чем-то миль за один день. Скоро все было готово к отъезду.

— До свидания, Хозяин, — сказала я, — увидимся завтра.

— До свидания, Фиф, — ответил он. — Не вздумай волноваться, все будет хорошо.

— О'кэй! — сказала Мисс Ку. — Покатили!

Мисс Дэрр сделала какое-то движение ногами, и машина тронулась. Через железнодорожный мост, мимо почтового отделения Уолкервилля и дальше вверх, оставив слева Виндзорский аэропорт. Я знала этот район, но вскоре мы оказались на незнакомых дорогах, и получаемая мною информация стала зависеть от Мисс Ку.

— Впереди Сен-Томас! — завопила Мисс Ку.

О Господи! Я думала, мы попали в аварию или умираем. Как мы ехали, что увидели Святого Томаса?

— Мы собираемся немного перекусить, Фиф, как только преодолеем этот перекресток, — заметила Мисс Ку.

Потом я вдруг все поняла, и мне стало стыдно за свою глупость: Сен-Томас — это маленький городок. В Канаде небольшие поселки называются местечками, а более крупные — городами.

Мы ехали в течение нескольких часов, и наконец Мисс Ку сказала:

— По некоторым признакам мне кажется, что мы уже близко, да, вот отель Форт Эри. Впереди вода, Фиф, другой конец озера.

— Мы приехали, Мисс Ку? — спросила я.

— К моему большому огорчению, нет, — ответила она, — нам предстоит еще несколько миль.

Я опять устроилась на своем месте.

Машина повернула влево, а потом резко вправо. Двигатель замедлил свои обороты и остановился. Из горячей выхлопной трубы раздавалось легкое потрескивание. Какое-то мгновение все молчали, потом Мисс Ку сказала:

— Вот мы и прибыли, Фиф. Собирай свои вещи.

Ма и миссис Дэрр вышли из машины и перенесли меня и Мисс Ку в дом. Мы еще раз оказались во временном доме. Теперь я беспокоилась, как доедет Хозяин, но это должно было произойти не раньше чем завтра.

Мы должны поспешить, Фиф! — сказала Мисс Ку. — Хозяин и Лютик придут завтра, и мы должны успеть ознакомиться с каждым дюймом нашего жилища, прежде чем они будут здесь. Следуй за мной! Она повернулась и повела меня в комнату.

— Это гостиная, — заметила она. — Прыгай сюда — здесь высота три кошачьих роста — и ты окажешься прямо перед окном.

Она провела меня по комнате, обращая внимание на те места, которые представляли особый интерес. Потом мы побродили по комнате, которая должна была быть спальней Хозяина и моей.

— Сквозь деревья я вижу воду, Фиф, — сказала Мисс Ку.

И как раз в это время внизу раздался ужасающий грохот, ревушие, скрипящие и грохочущие звуки перемешивались со свистом. От страха мы подпрыгнули в воздухе, и, опускаясь вниз, я не попала на кровать и упала прямо на пол.

— Черт и пятьдесят Котов! — воскликнула Мисс Ку. — ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

К счастью, мы услышали, как Ма говорила миссис Дэрр:

— О! Я думаю, что это насос, все воду качают из озера. Почувствовав облегчение, мы вернулись на место, больше не о чем было беспокоиться, звук я уже запомнила.

— Здесь какая-то решетка, Фиф, — сказала Мисс Ку. — Наверное, для того, чтобы через нее стекала вода, когда затопит дом или что-нибудь в этом роде.

Тут мы услышали приглушенный шум внизу, и в нас ударил горячий воздух — это было похоже на дыхание великана. Мы повернулись и, спасаясь бегством, бросились под кровать, решив там дожидаться, чем это кончится.

— Фу ты! — сказала Мисс Ку с отвращением. — Это всего лишь вентилятор для подогрева воздуха. Сначала я подумала, что за нами пришел самый большой кот на свете.

— Фиф! — Мисс Ку слегка толкнула меня в бок (я в это время дремала). — Фиф, снаружи есть небольшая роща. Я надеюсь, Старый Человек позволит нам там играть, когда он опять встанет на свои задние ноги.

Я почувствовала грусть, вспомнив, что Хозяин еще где-то в пути и придет не раньше завтрашнего дня. Чтобы отвлечься от этих мыслей, я встала на ноги и стала бродить вокруг, стараясь тщательно прочувствовать свой путь. Откуда-то доносилось «тук-тук» — это ветки, раскачиваемые ветром, ударяли по крыше.

В квартире не было ничего замечательного, она была совсем «захудалой», но это было лишь временное жилье. Это было место, которое нам не хотелось бы назвать «домом», мы не стали бы здесь жить постоянно, даже если бы нам его отдали.

В эту ночь мы рано отправились спать. Миссис Дэрр должна была утром возвращаться обратно в Виндзор. Мы с Мисс Ку надеялись, что она некоторое время побудет у нас, но, подумав немного, мы поняли, что ее книгам одиноко без нее, да и мистер Чьюли Дэрр уже превратился в прекрасного молодого Сиамского Кота и требует ее внимания.

Ночью стонал и грохотал насос, тяжело дышала и пыхла нагревательная система. Снаружи под ночным ветром, дувшим с озера, поскрипывали и шелестели листьями деревья. Среди ночи Мисс Ку подползла вплотную ко мне и прошептала дрожащим голосом:

— Вот так-так! Это место, где живут привидения, Фиф, со всеми этими большими деревьями, и только что я видела огромного паука, который смотрел на меня!

Ночь, казалось, тянулась бесконечно, и когда я уже начала думать, что она никогда не кончится, я услышала, как с деревьев доносится тихое щебетание птиц, строящих свои дневные

планы о поиске пищи. Где-то под окном шумно царапалась белка. Я поняла, что приближается день.

Зашевелилась Ма и неохотно встала, чтобы встретить новый день — день, когда очень многое нужно было сделать, чтобы привести квартиру в порядок. Мы с Мисс Ку бродили вокруг, стараясь вспомнить, какие места мы еще не обследовали. Мы знали, что под домом находится большой подвал, но Ма сказала нам, что мы не должны спускаться вниз, пока не придет Хозяин, потому что там стоят насосы и разные предметы, которые жужжат, и гудят, и движутся. Мы лениво направились в переднюю комнату и запрыгнули на подоконник.

— В первый раз вижу такое! — воскликнула Мисс Ку. — Здесь есть вороватая белка, нет, СОТНИ белок, которые поедают наши деревья! — Она в раздражении подняла свою лапу, и, чтобы отвлечь ее, я сказала:

— Что здесь есть симпатичного, Мисс Ку?

— О, совсем захудалое место, — ответила она, — деревья нужно подрезать, грунт очистить, дом необходимо покрасить — обычные работы в этих грудях хлама, которые приходится снимать. Почитаешь рекламу — и сразу начинаешь думать, что въезжаешь во дворец. А посмотришь — и начинаешь сомневаться, доживет ли эта груда мусора до следующей зимы.

Остаток утра был очень тяжелым, пришлось двигать мебель, чтобы убрать в помещении, и только мы с Мисс Ку могли объяснить Ма и миссис Дэрр, как это делать. Мы совсем уже выдохлись, когда Мисс Ку посмотрела в окно и сказала:

— Приехали Хозяин и Лютик.

— Как раз время прощаться, — сказала миссис Дэрр, — мне пора возвращаться, или у меня будут неприятности!

Весь день мы оставались дома и работали. На следующий день погода была солнечная и жаркая. Хозяин сказал:

— Идите сюда, Кошки, отправимся в сад!

Он поднял меня и посадил к себе на плечо. Мисс Ку уже танцевала у двери от возбуждения. Мы вышли, и Хозяин опустил меня на землю рядом с деревом.

— О-о! — пронзительно закричала Мисс Ку. — Деревья такие большие!

— Я привыкла взбираться на такие деревья, Мисс Ку, — ответила я, — такие деревья были у нас во Франции.

— Г-р-р-р! — раздалось сердитое рычание Кошки-из-Дома-Сзади. — Вы *****, Иностранные Кошки, ни на что не похожи. Старая слепая кошка никогда в жизни не взбиралась на дерево, только канадские кошки умеют это делать — да как! — Она повернулась и насмешливо закричала Смотрителю Кошек из местной Организации:

— Эти иностранные штучки для нас, кошек, просто деревенщина, они не умеют взбираться на деревья!

— Вот как, Канадская Кошка? — ответила я. — Позвольте мне показать вам, как слепая кошка МОЖЕТ взбираться на деревья!

Широко расставив передние лапы, я обхватила ими ствол дерева и стала взбираться, как я это привыкла делать в недобрые старые времена во Франции. Поднявшись на двадцать пять или тридцать футов, я растянулась во всю длину на ветке дерева.

Выбежала обеспокоенная Ма, Лютик тоже вышла, зовя «кис! кис! кис!». Они устремились к задней стене дома, где стояла приставная лестница. Хозяин стоял под деревом, чтобы поймать меня, если я упаду. Прибежали Ма и Лютик с лестницей, Хозяин схватил ее и приставил к стволу. Потом он осторожно поднялся, нежно приподнял меня и посадил себе на плечо.

— Глупая Старая Кошка! — сказал он тихо. — Где это слыхано, чтобы слепые кошки лазили по деревьям!

Я почувствовала раскаяние, я слышала, как тяжело бьется его сердце и сразу вспомнила о его коронарном тромбозе. Но все же я ПОКАЗАЛА этой глупой канадской кошке!

Мисс Ку повалилась на спину и долго хохотала.

— О, Фиф! — воскликнула она наконец, справившись с приступом веселья. — Это самое смешное зрелище, какое мне довелось видеть за последние годы, ты перепугала полдюжины белок вокруг — они прыгали прочь, как сумасшедшие. Кошка-из-Дома-Сзади бросилась прочь со скоростью молнии, а Собака-из-Дома-Рядом — вслед за ней. Ты самая ловкая, Фиф!

Она так развеселилась, что все качалась на спине и никак не могла остановиться.

— Нужно проверить твои мозги, Фиф, — сказал Хозяин, — если у тебя вообще есть мозги.

И все-таки мне было хорошо от сознания, что старая слепая Французская Сиамская Кошка смогла заставить хохотать Мисс Ку.

Хозяин и Ма часто брали нас с Мисс Ку в лес и позволяли играть среди деревьев. Зная, что кошки непредсказуемы, Хозяин всегда держал приставную лестницу под рукой! Земля кишела змеями, и это приводило в восторг Мисс Ку. Мне приходилось быть очень осторожной, так как я боялась наступить на одну из них. Там был Джентльмен Лесной Сурок, который жил в норе возле старого-престарого дерева. Я много раз разговаривала с ним. Мисс Ку рассказывала, что он обычно сидел у двери своего дома и следил за нашими упражнениями. Конечно, мы соблюдали дистанцию, так как мы не были представлены, но мы были к нему очень расположены, и он так много нам рассказал об этих местах и их обитателях, живущих на деревьях и на земле.

— Остерегайтесь Енота, — сказал он, — когда он раздражен, он может быть довольно груб, и он сбивает спесь с любой собаки. Ну хорошо, мне пора идти вниз и заниматься уборкой!

Он исчез, и Мисс Ку сказала:

— Фу! Что за странное и мерзкое имя «Енот»?

— Боюсь, что я не смогу объяснить тебе, Мисс Ку, — ответила я. Некоторое время она сидела молча, потом, рефлекторно почесав за ухом, заметила:

— Ма собирает картинки с животными с коробок с чаем. Я посмотрю их, когда мы вернемся домой. Енот? Хмм!

Мы вернулись домой, и Лютик принялась сметать пыль. Мы всегда старались уйти прочь, когда она сметала Пыль. Мы всегда опасались, что она сметет нас. Когда у нее в руках была щетка для сметания пыли или пылесос, ей все казалось грязным. Мисс Ку крутилась рядом, и я слышала, как падают на пол вещи.

— Что ты делаешь, Кью? — спросила Лютик слегка раздраженно.

— Пошли в спальню, Фиф, — сказала Мисс Ку, — не придавай значения замечаниям Лютика, у нее плохое настроение, потому что провод пылесоса сказал «пафф» и не хочет работать.

У нас была лодка, которую Хозяин взял напрокат, и однажды после обеда, когда высоко в небе светило жаркое солнце, он сказал:

— Пошли, возьмем кошек на озеро.

— Только не меня, Хозяин, — ответила я взволнованно, — меня нужно исключить!

— О, поехали, Фиф, нельзя быть такой неженкой! — сказал Хозяин.

Ма взяла Мисс Ку, а Хозяин взял меня. Мы спустились на тропинку, ведущую к озеру, Хозяин подготовил лодку и крепко держал ее за прочный канат, чтобы она не могла уплыть. Ма и Мисс Ку вошли в лодку, после чего Хозяин посадил туда меня. Лодка покачнулась, раздалось один-два всплеска, и я почувствовала, что мы движемся.

— Я не хочу включать двигатель, — сказал Хозяин, — шум может быть для них слишком сильным.

Мы медленно плыли по озеру, и Мисс Ку сидела впереди и пела:

«Я — кошка-мореплаватель».

К несчастью, ее пение внезапно прекратилось, и она сказала:

— Ой! Кажется, у меня начинается морская болезнь!

Хозяин дернул за кусок веревки, и рядом с нами взревел мотор, напугав нас, как маленьких котят! Лодка пошла быстрее, и это вызвало у Мисс Ку такой интерес, что она забыла о своей болезни. Обращаясь ко мне, она громко закричала:

— Мы в двадцати футах от Америки, Фиф, это Великий Остров. И это Великое Плавание!

К сожалению, солнце зашло за тучи, и Хозяин решил отвезти нас домой. Я была очень рада, потому что мне не нравилось, думать, что вокруг столько воды. Я не видела никакого смысла в том, чтобы плавать в этой штуке, которая может вызвать морскую болезнь, мне казалось, что у нас и так хватает неприятностей, чтобы навлекать новые. Мы вернулись домой и сели пить чай. Вечера становились короче, поэтому мы все раньше отправлялись спать.

Мы с Мисс Ку сидели на подоконнике в спальне Хозяина. Снаружи доносились разнообразные ночные звуки. Внизу, под досками пола, полевая мышь говорила о том, что ей нужно позаботиться о пище в связи с приближающейся зимой. Внезапно Мисс Ку припала к подоконнику, и из ее горла вырвалось глухое рычание.

— Черт возьми! — воскликнула она. — Здесь ходит огромный кот в полосатой футболке!

Ее прервал очень приятный телепатический голос:

— Вы и есть те самые заграничные Леди Кошки, о которых я столько слышал?

— Конечно, Крошка, — ответила Мисс Ку. — А кто вы, черт возьми? Голос раздался опять, и в нем слышалась легкая насмешка:

— Я Енот Раку, я здесь живу и не пускаю по ночам бродячих собак.

— Очень рады с вами познакомиться, — ответила Мисс Ку, — особенно, когда между нами такое толстое стекло!

— О! Меня вы можете не бояться, — ответил Енот Раку, — я всегда уважаю интересы жильцов. Ну, мне пора отправляться по своим делам.

— Мисс Ку, — сказала я, — мне кажется, что он очень приятный джентльмен, на кого он похож?

Она подумала с минуту, потом устроилась поудобнее, чтобы приступить к умыванию, и только после этого произнесла:

— Он похож на огромного кота, самого большого из всех, что тебе когда-нибудь приходилось видеть. Больше, чем многие собаки. Весь его хвост такой полосатый, как будто на нем отпечатались полосы влажной краски с какого-нибудь ящика. А его когти!.. — Она сделала паузу, чтобы подчеркнуть размеры его когтей, а потом добавила: — Его когти похожи на ту штуку, которую Лютик использует для того, чтобы сгребать листья. О! ОЧЕНЬ приятный джентльмен, если держаться от него на хорошем расстоянии и так, чтобы между нами находилась кирпичная стена.

Тут опять донесся ГОЛОС:

— Эй! Я забыл вам сказать — спокойно пользуйтесь лесом, если вы хозяйка этого дома, мы вам будем очень рады!

— Я думаю, нам оказывают большую честь, — ответила я. — Я попрошу Ма пригласить вас как-нибудь к нам на чай.

— Прекрасно! — воскликнула Мисс Ку. — Думаю, я должна пойти поискать сумку. Завтра я очень занята, Хозяин собирается взять меня с собой в Риджуэй, мне необходимо кое-что купить, — и она отправилась к Ма спать.

Быстро наступили холода. Листья стали осыпаться, издавая сухой шелест, белки, которые

успели разлентиться за время обманчивого осеннего тепла, неистово рылись в кучах листьев в поисках желудей. Лютик сгребала листья, разговаривала с листьями, вдыхала их запах.

Листья продолжали падать в невероятном изобилии. Над всеми домами вокруг и над далеко раскинувшимися парковыми зонами стоял дым от сжигаемых листьев, который поднимался высоко в небо. Воздух стал холоднее, теперь только Хозяин выходил на улицу без пальто. Лютик закутывалась так — как любила говорить Мисс Ку, — как будто она находилась на Северном Полюсе.

Проснувшись однажды утром, мы увидели снег, который плыл по озеру, сугробами лежал перед домом и делал дороги непроходимыми. Со страшным ревом и стуком прошли снегоочистители, их скребки скользили и вибрировали на обледеневшей поверхности дороги.

После того как выпал снег, ударил мороз. Озеро замерзло, соседняя бухта превратилась в твердую ледяную массу. Появились сумасшедшие рыбаки со своими специальными инструментами для пробивания дырок в слое льда толщиной в несколько футов, чтобы можно было сидеть, дрожать от холода и делать вид, что ты ловишь рыбу.

Каждое утро дороги покрывались свежим снегом и движение останавливалось. За окном свирепствовали и завывали снежные бури. Однажды ночью остановился водяной насос.

Хозяин встал с постели в два часа ночи и отправился на озеро, захватив большой железный лом и тяжелый молоток. Ма встала и достала котелок для чая. Я слышала удары молотка и звуки разбиваемого льда.

— Мисс Ку, — спросила я, — что все это значит?

— Если Хозяин не сможет разбить лед вокруг того места, где насос забирает воду, у нас зимой вообще не будет воды. Видишь ли, Фиф, сейчас так холодно, что все озеро замерзло. Старый Человек собирается раскопать лед, а потом мы должны будем держать кран постоянно слегка открытым.

Я вздрогнула. Похоже, что эта Канада — холодная безжалостная страна, лишенная всех тех прелестей цивилизации, которые есть в Европе.

С наступлением холодов Ма каждую ночь выносила еду для диких животных, которые иначе могли бы умереть от голода. Мистер Енот был нам очень признателен и каждую ночь подходил к нашему окну. Приходил также Мистер Канадский Барсук, но самое интересное событие произошло с Мышью Роуз! Однажды Лютик что-то стирала в подвале, когда подошла очень приятная изысканная мышка и села на ее ногу. (Мисс Ку говорит, что это лемминг, но для меня мышь тоже звучит достаточно хорошо.) Эта Мышка крепко привязалась к Лютику, и Лютик, по-видимому, тоже привязалась к ней. После случая с обезьяной Лютик нас ничем уже не могла удивить.

— Мы должны помнить о наших манерах, Фиф, и не кушать друзей, — сказала Мисс Ку.

Лютик и Мышь Роуз вместе проводили в подвале много приятных минут. Мы с Мисс Ку заверили ее, что не причиним ей вреда, так что она не обращала на нас никакого внимания, а бродила вокруг Лютика. Это было САМОЕ трогательное!

Зима сменилась весной, и мы были рады покинуть наше жилище и переехать поближе к магазинам. Для Хозяина до сих пор не находилось никакой работы. В отчаянии он написал премьер-министру Канады, министру по делам иммиграции и министру труда. Никого из них это нисколько не заботило.

Эти министры оказались еще хуже своих коллег в других странах. Я думаю, это потому, что Канада такая некультурная и недружелюбная страна. Теперь мы живем надеждой заработать достаточно денег, чтобы покинуть Канаду!

Я сидела на подоконнике в нашей новой квартире и вела дружескую беседу с Кошкой, которая пробежала мимо отеля. Я рассказывала ей о наших приключениях.

— Ах, Фиф! — сказала Мисс Ку. — Ты должна написать книгу! Я хорошенько над этим подумала, и в ночной тишине, когда мы оба не спали, я решила обсудить это с Хозяином.

— Хозяин! — сказала я. — Как ты думаешь, я могла бы написать книгу?

— Конечно, можешь, Фиф, — ответил он, — ты очень смьшленная Бабушка-Кошка.

— Но я не умею печатать на машинке, — возразила я.

— Ну что ж, ты будешь диктовать ее мне, а я напечатаю ее для тебя, Фиф, — сказал он.

Утром мы сели рядом с ним, он открыл пишущую машинку, серую «Олимпию», на которой уже был напечатан «Третий глаз», «Доктор из Лхасы» и «История Рампы». Он открыл машинку и сказал:

— Иди сюда, Фиф! Начинай диктовать!

Так с его одобрения и с помощью Мисс Ку я наконец закончила эту книгу. Она вам понравилась?